

А.С. ОРЛОВА
Э.С. ЛЬВОВА

СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ
САВАННЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. С. ОРЛОВА, Э. С. ЛЬВОВА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ САВАННЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

9 (М)
0-66

Ответственный редактор
А. М. ХАЗАНОВ

Книга посвящена народам бассейна Конго, живущим ныне на территории Народной Республики Конго, Заира, Лнголы и Замбии. В ней рассказывается об истории этих государств, о жизни, занятиях и быте народов баконго, бакуба, балуба и балунда.

10605-107
О ----- 42-77
013(02)-78

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АФРИКАНИСТИКИ И ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКИ

История народов Африки — этого огромного континента, прародины человека, родины одной из древнейших мировых цивилизаций, древнеегипетской, — изучена гораздо хуже истории других континентов. Причин этому много, но не следует забывать главного: века работорговли и колониального рабства, казалось, неизбежно, прочно утвердили мысль о «неисторичности», об извечной отсталости народов, живущих к югу от Сахары. В течение последних десятилетий усилиями передовых ученых всего мира этот миф был развеян. Немалый вклад в работу по восстановлению истории народов Африки внесли советские историки-африканисты.

После освобождения стран Африки из-под колониального ига с небывалой силой растет интерес народов этих стран к своему прошлому. В государствах свободной Африки постепенно растут кадры историков-африканистов, складываются собственные исторические школы. Взгляды их, как правило, далеки от марксистско-ленинских. Именно поэтому так важны изучение истории этих народов и публикация работ советских африканистов.

В советской африканистике появилось немало работ, посвященных доколониальной истории различных стран континента. Таковы работы Ю. М. Кобищанова по истории Аксума (древняя Эфиопия) [27, 28 и др.]; Л. Е. Куб-бея — по истории средневековых государств Западного Судана (Гана, Мали, Сонгай) [36, 37]; Н. Б. Кочаковой — по истории низовьев Нигера (города-государства йору-ба) [32]; И. И. Потехина — по истории народа ашанти (побережье Верхней Гвинеи) [57, 58]; Д. А. Ольдерогге —

по истории и этнографии Западного Судана [47]; А. С. Орловой — по источниковедению, истории развития общественных отношений и этнографии народов Камеруна, стран Междоустья, государств и народов бассейна Конго и Мадагаскара [50, 51, 52, 53]; Э. С. Львовой — о государствах Луба и Куба (внутренние области бассейна Конго) [42, 43]; А. М. Хазанова — по истории Анголы и Мозамбика [69 и др.]. Этот список можно было бы продолжить, но мы отошлем читателя к книге, в которой суммируются материалы о советских востоковедах (в том числе и африканистах) [45].

В настоящей работе авторы пытаются дать общую характеристику и анализ событий исторического прошлого наиболее значительных народов Западной Экваториальной Африки и созданных ими государств. В данной же главе рассматриваются существующие мнения и высказывается точка зрения по наиболее важным, интересным и спорным проблемам истории народов Африки: вопрос о так называемой «отсталости» народов континента, этногенез банту, влияние экологического фактора на процесс исторического развития, проблемы источниковедения и «поисков хронологии»; влияние европейского проникновения и работорговли и многое другое.

Проблема «отсталости» народов Африки. Консервативная буржуазная историография, в противовес передовым ученым-африканистам, историкам-марксистам и ученым-африканцам, продолжает и по сей день твердить об извечной отсталости народов к югу от Сахары, вкладывая в понятие «отсталости» откровенно расистский или слегка завуалированный расистский смысл.

Действительно, к концу XIX в., ко времени колониального раздела, народы Африки заметно отстали от народов Европы и стали жертвой колониальных захватов. Впрочем, от быстро развивающейся капиталистической Европы в XIX в., как показал в своих работах Ю. М. Кобищанов, отстали и народы всех других континентов (за исключением американцев), т. е. все человечество «отстало» от Европы [29, с. 42]. Следует отметить, что в данном случае историческая истина как бы перевернута с ног на голову. Во-первых, можно говорить о том, что Европе, благодаря сочетанию самых различных и многочисленных благоприятных факторов (и экономи-

ческих, и экологических, и исторических), удалось на много веков обогнать в своем развитии весь остальной мир, в том числе и Африку. А во-вторых, необходимо уяснить, когда началось отставание народов Африки от народов Европы. Хотя этот вопрос далеко еще не решен современной наукой, нам хотелось бы (привести несколько фактов, говорящих о том, что зачастую преувеличивают степень отсталости (вернее, «отставания») народов Африки и относят начало этого процесса к самым далеким временам, а также смешивают процесс замедленного развития народа с проблемой неравномерности, которая характерна для народов всех континентов и во все исторические эпохи.

В самом деле, на протяжении миллионов лет именно Африке принадлежит приоритет в развитии разумной жизни на земном шаре. Здесь впервые отмечено появление древнего человека. Этот факт считается доказанным при современном уровне наших знаний [166 и др.]. Не лишено вероятности, что здесь же располагалась область становления Человека Разумного (*Homo Sapiens*). На протяжении всего каменного века Европа была отсталой окраиной «культурного мира». В эпоху нового, каменного века (неолита), которая характеризуется появлением техники шлифования каменных орудий, широким распространением земледелия и животноводства, вся Северная Африка, включая Сахару — в то время цветущую и заселенную,— развивалась параллельно южным районам Западной Европы. В этот период началось быстрое развитие древнего Египта.

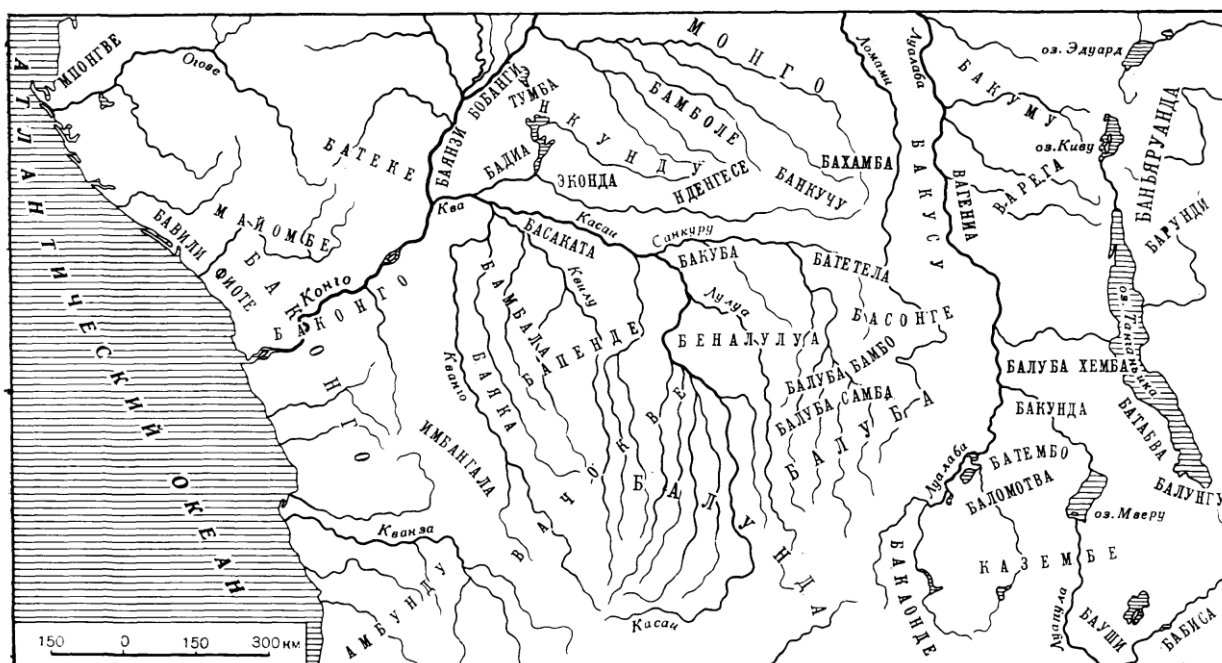
Во II тысячелетии до н. э. — в начале нашей эры, весь северо-восток Африки — к югу и к востоку от Египта — был центром процветающей африканской государственности. Таковы царства Напата (XII—VI вв. до н. э.) и Мероэ (VI в. до н. э.— IV в. н. э.), расположенные к северу и югу от слияния Белого и Голубого Нила; древний Аксум (II—VIII вв. н. э.) — на севере современной Эфиопии. Таким образом, в эпоху древних цивилизаций и в эпоху античного мира огромные районы Африки не только не отставали от Европы и Передней Азии, но зачастую и обгоняли их.

Однако археологические данные свидетельствуют, что уже с эпохи неолита началось замедление развития населения одной экологической области — зоны экватори-

ального леса — и в Западной Африке и в Западной Экваториальной Африке (примерно между 4° северной и 4° южной широты). Тяжелые условия жизни в тропических джунглях, несомненно, отрицательно сказывались на развитии человека.

Продолжая сравнение, мы можем убедиться, что и в эпоху средневековья многие районы Африки развивались параллельно странам Европы. Так, если в Западной Европе после германского нашествия и падения Римской империи центр культуры и становления новых раннефеодальных отношений переместился на запад, в пределы обширной Франкской державы, то в Африке (к югу от Сахары) после завоевания Египта и Северной Африки арабами (VII в. н. э.) центр культурной жизни тоже переместился. К IX в. н. э. относится образование государства Канем близ оз. Чад; еще раньше, в III—IV вв. н. э., сложилось государство древняя Гана (область истоков рек Сенегала, Нигера); его последовательно сменяли государства Мали (XIII—XV вв.) и Сонгай (XV—XVI вв.). На северо-востоке континента на смену Аксуму пришла Эфиопия (XIII в.). Таково краткое изложение процесса развития народов Западной и Северо-Восточной Африки. Даже такие самые общие сведения о становлении государственности в этом наиболее изученном районе континента убеждают нас в том, что развитие общества и государственности протекало здесь, как и в Европе, неравномерно и во времени и в пространстве. В определенную эпоху конкретные причины обуславливали ускоренное развитие одних областей, но проходили столетия, менялись факторы, положительно или отрицательно влиявшие на развитие данного края, и центр культуры, центр государственности перемещался в другие страны. Следует добавить, что даже в средние века в Африке находилось (помимо названных нами) множество больших и малых процветающих государств, возникавших на основе раннефеодальных или феодальных общественных отношений.

Мнения большинства советских историков-африканистов сходятся на том, что развитие классового общества, раннефеодального по своему характеру, происходило в государствах Африки к югу от Сахары непосредственно на развалинах родо-племенного строя [37, 42, 47, 52 и др.].

Этническая карта Западной Экваториальной Африки

Наши экскурсии в далекое прошлое, попытки найти общие черты у Африки и Европы объясняются лишь стремлением показать единство развития всего человечества, единство закономерностей, управляющих этим развитием.

Объект наших исследований — государства Великой Саванны в Западной Экваториальной Африке. Наша задача заключается в том, чтобы провести анализ исторических судеб наиболее значительных народов Западной Экваториальной Африки, систематизировать материалы об их государственности и своеобразной культуре, возникших здесь задолго до того, как появились европейцы. Район этот охватывает территорию Народной Республики Конго, Заира, а также некоторые области Замбии и Народной Республики Ангола.

Экологический фактор и его роль в развитии и народов саванны. Человек, человеческое общество развиваются в тесной взаимосвязи со средой, окружающей нас. Поэтому для того, чтобы понять историю народа, необходимо знать географическую среду, в которой он жил и развивался.

До сих пор бытует мнение, будто Африка представляет собой некое подобие «рая на земле», где человеку достаточно лишь протянуть руку, сорвать вкусный, сочный плод,— и он сыт весь день. Стоит, лениво прищурясь, натянуть тетиву лука,— и у ног его — дичь. Так ли это? Специалисты по географии, экономике и истории континента скажут совсем другое. Просторы Африки необычайно разнообразны по рельефу, климату, почвенным условиям, животному и растительному миру. Они, как правило, по-своему суровы к человеку. Человек мог рассчитывать здесь только на свой труд и умение, на силу своих рук, на способность постоять за себя, если хотел выжить в условиях постоянной борьбы с природой, с дикими животными, пресмыкающимися и ядовитыми насекомыми, с буйной тропической растительностью, готовой задушить каждый росток, посаженный человеком; с одуряющим зноем и засухами, с одной стороны, и с чрезмерным обилием осадков, вызывающих страшные наводнения,— с другой.

Таковы условия жизни в Африке к югу от Сахары. Западная Экваториальная Африка — один из самых тяжелых для жизни человека районов на земле, Подроб-

нее мы остановимся на этом вопросе в главе, посвященной уровню развития производительных сил.

Обширная впадина, или котловина, Конго (около 300—500 м над уровнем океана) расположена в центре большой излучины р. Конго, окруженной со всех сторон возвышенностью. Крутыми уступами (в виде амфитеатра) она поднимается все выше и выше, достигая на юге высоты 1500—1700 м над уровнем океана, и постепенно переходит в высокие плоскогорья Анголы. На западе возвышенность поднимается на 700—1000 м над уровнем океана, круто обрываясь неподалеку от Атлантического побережья, окаймленного узкой полосой прибрежной низменности (100 и менее километров шириной). На востоке краевые уступы достигают высоты 2000—3000 м. Юго-восток области занимают высокие плато Лунда (1500—1600 м) и юго-восточной Шабы (Катанги) (1400—1500 м). Гигантской дугой огибает впадину р. Конго, которая то спокойно течет по широкому руслу (в отдельных местах до 15 км), то срывается с высоких уступов, образуя водопады и стремнины. На своем пути к океану она принимает множество больших и малых притоков, таких же капризных и своенравных. В своем течении р. Конго дважды пересекает экватор. Итак, перед нами — сложный рельеф местности, изобилующий порожистыми и красивыми реками, часто окаймленными вечнозелеными (галерейными) лесами; жаркий, так называемый субэкваториальный или экваториально-муссонный, климат со сравнительно незначительными колебаниями температуры в течение года и чередованием двух сезонов — дождливого и засушливого. С повышением местности климат заметно меняется. Например, в юго-восточной провинции Шаба (бывшая Катанга) в Заире резко увеличиваются колебания температуры в течение года. Здесь средняя температура июля + 16°, а октября + 24.

Тропический лес покрывает огромные площади Западной Экваториальной Африки. К югу от него простирается широкая полоса парковой саванны, поросшая высокой травой с островками светлых рощ, сбрасывающих листву в засушливый период. А еще южнее — полоса высокотравной саванны, где трава достигает трех метров высоты. Одиноко растущие деревья здесь, как и редкостойные саванные леса на плато Лунда и на высоких

Плато Шабы принадлежат тоже к видам, сбрасывающим листву в сухой сезон. Ярко-зеленая, цветущая в дождливый сезон саванна, где могучий и высокий травостой скрывает не только пешехода, но и всадника вместе с лошадей, в засушливый сезон представляет собой унылое зрелище. Глазам путника открываются необозримые пространства пожелтой травы с рощами или редкими деревьями с оголенными, причудливо изогнутыми ветвями.

Однако для жизни человека — это наиболее благоприятный район, хотя, как мы видим, и здесь природные условия не столь уж щедры к человеку.

Этнический состав и проблема этногенеза. Рассматривая современную карту расселения народов Африки и распространения различных языков, замечаешь удивительную особенность. Если вся Западная Африка (к югу от Сахары), значительная часть Центральной Африки (южные районы Восточного Судана и прилегающие районы соседних с ним государств) населены народами, говорящими на языках, принадлежащих к различным языковым семьям, то вся Западная Экваториальная Африка, почти вся Восточная Тропическая Африка и почти вся Южная Африка (речь идет, естественно, об африканцах, а не о белых поселенцах) заселены народами, говорящими на языках единой семьи народов банту — очень близких и по корневой основе и по грамматическому строю. Некоторые из них взаимопонимаемы.

В основе грамматики языков банту лежат изменения корня с помощью различных приставок. Так, от корня «нту» — «человек» происходит слово «банту» — «люди, говорящие на близких языках». Вот несколько примеров, относящихся к языкам народов изучаемой нами области: «м», «му» — префикс единственного числа; «ба», «ва», «банья» — префикс множественного числа; «ки», «киши», «чи» — префикс, обозначающий название языка. Таким образом, муконго — один человек конго; баконго — весь народ *конго* (самоназвание народа); *киконго* (ки-шиконго) — язык, на котором говорят баконго. Производные от корня «луба» — мулуба — один человек; балуба — весь народ; чилуба — язык, на котором говорят балуба, и т. д. Народы банту роднит не только языковая близость, но и материальная и духовная культура, неоп-

ровержимо свидетельствующие о единстве их происхождения.

Вопрос об этногенезе банту до сих пор вызывает споры среди историков-африканистов. В 1968 г. была созвана специальная конференция для обсуждения всех известных теорий происхождения банту. Но и она не пришла к окончательным выводам. В настоящее время наиболее заслуживают внимания три основные теории происхождения народов банту. Одна из них связывает медленное движение негроидных народов к югу с высыханием района Сахары, начавшимся, по всем данным, к III тысячелетию до н. э.

Согласно этой теории, из районов Западной Африки, примерно из центрального Камеруна, где живут народы, говорящие на языках бантоидной группы, близких к языкам банту, началось к первым векам нашей эры заселение экваториальных областей континента народами банту.

Путь переселенцев шел вдоль северной границы экваториального леса и в районе Великих африканских озер выходил к Восточной Африке. Здесь поток переселенцев разделился на три ветви. Одна группа направилась на север, другая — на юг, а третья, обогнув оз. Танганьика, повернула на запад и заселила с востока Шабу, а затем всю Западную Экваториальную Африку. Великое переселение народов континента длилось многие века.

Эта теория господствовала в науке с первых десятилетий нашего века и до начала 60-х годов, когда появились очень интересные работы лингвиста-африканиста Гасри [146, с. 273—282], заставившие пересмотреть ее. Путем тщательного анализа и сопоставления близких корней двухсот языков банту Гасри пришел к выводу, что районом наибольшей концентрации «основных корней» этих языков является плато Шаба — область расселения современных народов бабемба и балуба. Исходя из этого, он сделал вывод, что именно эта область была прародиной банту и именно отсюда они двинулись на север, юг, запад и восток, заселив огромные области Африки. В последние годы появились работы, авторы которых пытаются увязать 'противоречия между этими двумя теориями.

На основании изучения археологических, антрополо-

гических и лингвистических материалов создана новая теория последовательных этапов миграции предков народов банту. Наиболее обоснованно эти взгляды изложены в статьях Йерно, Оливера, Познанского 1)149, с. 505—512; 199, с. 361—368; 209, с. 86—93; 210, с. 1-91

Согласно новой теории происхождения банту, начальной причиной, приведшей в движение народы Африки, было высыхание Сахары и резкое увеличение численности населения в связи с появлением производящих форм хозяйства: земледелия, скотоводства, а также освоения техники изготовления железных орудий труда. Исходный район переселения предков банту — плато центрального Камеруна (как и в первой теории), но движение ранней группы переселенцев происходило не в обход тропического леса, а либо через него, либо вдоль побережья океана — на юг, в бассейн р. Конго. Обилие притоков облегчало продвижение в глубь страны — к плато северной Шабы. Здесь переселенцы встретили благоприятные для жизни условия: лесистую саванну, изобилующую дичью и удобную для земледелия, рыболовные угодья, легкодоступные залежи медных и железных руд. Все это в совокупности с другими факторами привело к тому, что мигранты — древние банту — надолго остановились в этом районе. Именно здесь сложилось ядро народов банту, центр, откуда началось их дальнейшее расселение по всей Экваториальной Африке, или, как говорят специалисты, «вторичная миграция».

Как мы видим, последняя теория учитывает лингвистические материалы Гасри и объясняет, каким образом Шаба стала центром консолидации народов группы банту. Новейшие методы датировки археологических памятников позволяют определить примерное время ранних миграций — последняя четверть второго тысячелетия до н. э.

Вторичные миграции в долину Замбези относятся к I—II вв. н. э.; в Межозерье и Восточную Африку — к концу I тысячелетия н. э. По данным арабских источников, уже в IX—X вв. на восточном побережье Африки существовали обширные и могущественные политические объединения — «царства» банту, находившиеся под властью царя Зенджей («царя Черных»). Рассказы арабских хронистов и мореходов ученые связывают обычно с

царством Мономотапа (на территории современной Родезии), которое оставило после себя развалины гигантских каменных крепостей (Зимбабве, Дхло-Дхло и др.) [21, с. 224—282]. Эти материалы свидетельствуют, что в Юго-Восточной Африке банту стояли на грани перехода от бесклассового общества к раннеклассовому, а быть может, к IX в. уже и перешли ее. Иными словами, банту прошли длительный путь развития, а основы имущественного и классового расслоения были заложены еще во время пребывания их предков в Шабе — одном из районов, о котором пойдет речь в нашей книге. Длительность «вторичной» миграции банту, в том числе и заселение этими народами всей Западной Экваториальной Африки, ученые определяют в 5—6 столетий. Однако уже к XIII—XVI вв. предки всех наиболее значительных народов, ныне живущих на просторах саванны Западной Экваториальной Африки, населяли примерно эти же области.

Так, предки баконго, близкие им бавили и другие населяли Атлантическое побережье к северу и к югу от устья р. Конго и огромные провинции по нижнему ее течению. К югу от них (к югу от р. Данде) жили амбунду (бамбунду)—будущие основатели государства Ангола. Предки бакуба пришли в междуречье Касаи-Санкуру. Предки балунда занимали обширные плато северо-восточной Анголы и соседние районы Заира. Балуба составляли основное население Шабы.

Источники. Различно сложившиеся исторические судьбы народов, живущих вдоль океанского побережья к северу и к югу от устья р. Конго, и народов глубинных областей саванны сказались на характере дошедших до нас источников. Для восстановления истории народов, удаленных от побережья, на первом месте по значимости стоят сделанные в разное время исследователями-европейцами записи исторических преданий. Любому народу, на каком бы уровне развития он ни находился, свойственны интерес и любовь к своей истории.

У народов Экваториальной Африки, вступивших в пору становления классового общества и государственности, при дворе правителей существовала почетная должность певца — хранителя народных преданий. Обычно эта должность передавалась по наследству. Войны,

борьба за власть нередко приводили к завоеванию одного народа другим, к смене династий. Новые правители, стремившиеся «узаконить» свои «исторические права» на власть, требовали от вновь поставленных или пришедших извне хранителей исторических традиций «исправления» преданий в свою пользу. Создавалась новая версия преданий. Но старая продолжала жить в роду сказителей. Отсюда две, а иногда и три-четыре версии исторического события. Собранные и записанные учеными разных стран в период первых контактов европейцев с народами континента, и в период колонизации, и в колониальное время, эти версии исторического предания дают возможность с помощью их сравнения и сопоставления установить его достоверность. В то же время почти полное отсутствие источников иного характера создает большие трудности для исследователя. Записанные со слов одного информатора и принятые на веру, устные народные традиции нередко искажают суть событий; особенно большую путаницу вносит неправильная запись собственных имен. Поэтому, например, сравнивая записи, мы в одном списке правителей балуба находим семнадцать, в другом — восемнадцать, а в третьем — двенадцать имен. Однако анализ этих списков показывает, что наиболее яркие личности (Калала Илунга, Илунга Сунгу и Кумвимба Нгомбе, Илунга Кабале), а также и очередность их правления совпадают полностью. Еще больше неувязок в списках правителей бакуба (ньими): одни авторы дают перечень двадцати семи ньими, другие — двадцати восьми; существует два списка, включавших двадцать три правителя, имеются списки из тридцати девяти и двадцати шести имен. А один из первых исследователей бакуба — Эмиль Тордаи приводит сто двадцать одно имя. Подобные же расхождения встречаются и в списках правителей балунда.

Кроме изучения различных версий традиций исследователю необходимо учитывать и тот факт, что записывались они на слух людьми, как правило плохо или совсем не знавшими местных языков; или записывались латиницей, знаки которой не приспособлены для передачи звуков речи африканских языков. Например, имя Мбонго попало в списки в форме Бо Нго, Бон Го, Бон-га. Создавалось впечатление, что речь идет о трех раз-

ных правителях. Правитель балуба в одном случае назван Мвине Комбе Дай, в другом — Ндаи Мвине Ном-бе. Перечень примеров такого рода можно было бы продолжить и далее.

Поиски хронологии. Наиболее сложной проблемой в изучении истории бесписьменных народов является вопрос о хронологии.

Перед исследователями возникали, казалось, совершенно неразрешимые вопросы. Когда пришли предки бакуба на земли, занимаемые ими до сих пор? Когда Конголо объединил земли балуба? Когда казембе стали самостоятельными правителями? Было ли это сто, триста или, может быть, тысячу лет назад?

У бесписьменных народов не было сплошного календаря; время делили по экологическим факторам (смена сезонов, чередование сельскохозяйственных работ) или структурным (годы царствований; смена поколений через систему возрастных классов; по периодичности рынков).

Правда, многие ранние источники по истории древнейших государств Месопотамии, долины Нила, да и древнего Рима и Греции также не знали сплошной хронологии и вели отсчет времени по периодам правлений. Даже и позднее, как убедительно показал советский ученый А. Гуревич, в Европе уже во время существования христианского летосчисления долго господствовало свойственное ранним историческим периодам представление о повторяющемся «замкнутом времени» [20].

Однако историография европейских народов, как и древнего мира, насчитывает уже многие столетия. Сведения, полученные от древних, давно приведены в соответствие с общепринятым григорианским календарем.

Африканисты же начали работать практически на пустом месте. «Поиски времени» стали поэтому важной и одной из самых неотложных проблем истории Африки. Ученые разных стран посвятили немало сил и времени ее разрешению, неоднократно проводились и международные симпозиумы. Уже многим фактам африканской истории нашлось место в сетке григорианского календаря. Этот длительный процесс в каждой отдельной африканской стране шел по-разному.

Иногда удавалось сопоставить местные устные пре-

дания с письменными источниками средневековья — с арабскими или европейскими свидетельствами. Наиболее сложны поиски хронологии истории у народов глубинных областей: их контакты с европейцами и арабами практически возникли не раньше середины XVIII в. Вполне понятна поэтому радость Эмиля Тордаи, которому удалось обнаружить точную дату, легшую в основу разработки хронологии истории бакуба не только им самим, но и многими другими учеными. «Повествуя о великих событиях прошлого,— сообщает Э. Тордаи,— старейшины дошли до девяносто восьмого царя Бо Кама Боманчала. В годы его правления, рассказали они, не произошло ничего примечательного, если не считать случая когда в полдень внезапно исчезло солнце и на короткое время землю окутала мгла.

Услышав об этом, я потерял контроль над собой и даже подпрыгнул. (Мне захотелось сделать что-нибудь безрассудное.) Старейшины подумали, что меня ужалил скорпион.

Лишь спустя много месяцев я узнал точную дату — 30 марта 1680 года. В этот день полное солнечное затмение можно было наблюдать как раз на территории государства Бушонго» [21, с. 16].

Ошибки быть не могло: полное солнечное затмение произошло в этом районе Африки в XVII—XVIII вв. только однажды.

Существуют и другие точные даты. Прежде всего, это годы появления на землях балунда, балуба и бакуба первых европейцев. Зная эти даты и какой по счету правитель находился в это время у власти, а также приблизительно срок правления каждого из них, стало возможным, опираясь на точные даты, заглянуть в исторические дали и восстановить имена героев и события минувших дней. Здесь очень помогли дневники и отчеты Гамитту, Карвалью, Ливингстона, Кемерона и других путешественников. Однако «поиски хронологии», отпавляясь от поздних («верхних») дат вниз, в глубь веков, невозможны без критического изучения и сопоставления версий исторических традиций и списков правителей. Необходимо выделить основные события, главные имена, отбросить случайные привнесения, установить линии тождества разных списков и разных версий.

Некритическое отношение к спискам правителей может привести к крупным ошибкам. Так, приняв на веру рассказ о ста двадцати одном правителе бакуба, Тор-даи пишет, что датой основания государства Куба является 490 год н. э. [231, с. 20—25], т. е. время, когда не может быть и речи о бакуба как о едином народе, создавшем свою государственность. Несмотря на это, точка зрения Тордаи довольно долгие годы господствовала среди африканистов.

Невыполнение перечисленных условий приводило к произвольному толкованию и к большим расхождениям не только в определении отдельных дат истории, но и времени основания государства. Так, например, Корне-вен пишет, что первое государство Луба возникло в XV в. и просуществовало до 1585 г., а второе было основано в первой половине семнадцатого столетия [121, с. 599—600]; Ван дер Ноот полагает, что Конголо основал единственную «империю» Луба и жил в начале восемнадцатого столетия [195, с. 141—145]. При изучении истории народов глубинных районов Центральной Африки следует учитывать еще один фактор. Народы банту — исторически сравнительно недавние поселенцы во внутренней Африке. Передвижения отдельных племен и народов, постепенное расселение их в местах современного обитания растянулись на многие столетия. В процессе этих миграций возникали более или менее продолжительные связи, которые нашли отражение в легендах и исторических преданиях. Для воссоздания наиболее полной и достоверной исторической картины недостаточно знания исторических преданий, необходимо и тщательное сопоставление устных хроник разных народов данного региона.

Располагая более или менее точно фиксированными отдельными датами средневековой истории, зная время появления первых европейских путешественников у этих народов, а также имена правителей, их встретивших, зная точные списки правителей, сменившихся за период, отделявший первые точные даты от вторых, сопоставляя их друг с другом и, что очень важно, — с хронологией государства Конго, которую благодаря обилию письменных источников можно считать установленной, современные ученые-африканисты, объединив усилия, могут предложить датировку исторических событий

государствах, лежавших в глубине гигантской чаши бассейна Конго. Даты, которые вы встретите в предлагаемой вашему вниманию книге,— результат именно такой кропотливой работы многих ученых разных стран.

Таким образом, исторические предания в качестве источника при умелом их анализе и систематизации дают большой материал, который может быть положен в основу исторического исследования. Далее, на помощь историку приходят данные самых различных гуманитарных дисциплин: археологии, этнографии, сравнительного языкознания и других наук. Много нужных и интересных сведений мы получаем от европейцев — путешественников и исследователей второй половины XIX в. Все более и более значительной становится роль археологических изысканий. Сопоставление материалов раскопок с этнографическими данными помогает установить пределы преемственности древней, средневековой и современной культуры, пути переселений народов. Использование в археологии различных методов биологических, химических и физико-математических наук дает возможность сравнительно точно определить датировку памятников. Например, метод радиоуглеродный (или радиоуглеродный) позволяет датировать костные останки или остатки растений с точностью до 25—30 лет, а с помощью метода дендрохронологии — по кольцам хорошо сохранившегося дерева — можно узнать время рубки его с точностью до одного года¹.

Микроанализ металлических изделий дает интересные материалы. Во-первых, он позволяет определить, каким способом был сделан данный предмет (плавка, холодная обработка, ковка), а во-вторых, установить особенности химического состава руды, из которой он сделан. Это, в свою очередь, помогает найти район, где добывалась такая руда, а затем установить, какими путями она попадала к потребителю. Изучение металлургии лежит в основе определения уровня развития производительных сил любого древнего и средневекового народа.

Народы, живущие неподалеку от побережья Атлантического океана, хоть и не создали собственной письменности, но, относительно рано столкнувшись с европейцами (конец XV в.), восприняли от них португаль-

ский язык, ставший языком делового общения, дипломатической переписки, культуры и образования. А это привело к тому, что при изучении их истории мы можем уже опираться не только на устные исторические традиции, археологические и этнографические материалы, но и на обильную письменную документацию. Особенно важно подчеркнуть, что значительная часть документов написана политическими деятелями — африканцами. Другая часть опубликованных материалов состоит из писем и документов политических деятелей различных европейских держав и деятелей католической церкви (вплоть до папы Римского). Она связана с проникновением европейцев и их соперничеством в первых попытках колонизации Западной Экваториальной Африки. Особенно интересно сравнение португальских и голландских источников, дающих богатые материалы, касающиеся не только истории колонизации, но и внутренней истории стран Атлантического побережья (Нижняя Гвинея). Наконец, в нашем распоряжении имеется и такой интересный источник, как «Описания путешествий», или «Сообщения» европейцев-дельцов, путешественников, католических миссионеров, живших в странах прибрежной Африки зачастую по десять-пятнадцать лет. В своих «Сообщениях» они дают и точные описания жизни, быта, экономики народов, а также детальные сведения о всех событиях в стране, свидетелями которых им довелось быть. Им же принадлежат самые ранние записи исторических преданий². Таким образом, при изучении истории народов и государств, сложившихся близ побережья океана, исследователь имеет в своем распоряжении источники, по обилию и разнообразию мало уступающие источникам по истории средневековой Европы или арабской Африки. Цель этого краткого экскурса в источниковедение — показать, что историю народов Западной Экваториальной Африки можно восстановить и написать, опираясь на серьезные и разнообразные источники.

Работоторговля и ее роль в истории народов Великой Саванны. Большой интерес представляет весь круг вопросов о взаимоотношениях народов Великой Саванны с европейцами. В западноевропейской африканистике бытует мнение, будто европейцы принесли «свет цивилизации» народам Африки.

Действительно, проблема положительного и отрицательного влияния европейцев в Африке вообще и в Западной Экваториальной Африке в частности достаточно сложна. Однако такие темы, как история колонизации, географического изучения Экваториальной Африки в связи с проникновением европейцев, исследованы достаточно подробно советскими учеными [см.: 18; 22; 69; 70 и др.]. Поэтому мы остановимся на одном, на наш взгляд основном, вопросе — на влиянии европейской работорговли на развитие народов Западной Экваториальной Африки.

Нет сомнения в том, что именно она разорила прибрежные государства бассейна Конго, вызвав бесконечные междоусобия, цель которых — захват военнопленных. Иным было на первых порах влияние работорговли во внутренних районах бассейна Конго, где правители некоторых государств систематически проводили военные экспедиции в области, населенные отсталыми племенами. Извлекая большие выгоды из работорговли, эти правители смогли временно укрепить и расширить свои владения (государства Луба и Лунда). Особой в истории Западной Экваториальной Африки была роль одного из народов — бангала, живущего и поныне по среднему течению р. Конго. Именно он взял в свои руки посредничество в торговле рабами, осуществляя связь между правителями внутренних областей, продающими рабов, и европейскими работорговцами.

В целом же последствия работорговли для населения Западной Экваториальной Африки были ужасными. Нередко зарубежные исследователи, не отрицая жестокости работорговли, либо совсем отрицают, либо преуменьшают ее губительные последствия для страны. Они утверждают, что жертвы и потери, которые Африка понесла в результате работорговли, целиком восполняются «благами» европейской цивилизации. Прежде всего — это введение новых, высокопродуктивных продовольственных культур (маниок и кукуруза), что вызвало якобы прирост населения, а также распространение христианства — новой «глубоко гуманной» идеологии; распространение грамотности и введение школьного образования и многое другое.

Факты же говорят об обратном: работорговля не только принесла неисчислимые беды африканским наро-

дам, она отбросила Африку назад. Кризис африканской государственности (сначала — на побережье, позже — и во внутренних районах), разрушение хозяйства, упадок производительных сил, происшедший в результате войн и междоусобий, — таков главный результат работорговли. Второе, о чем необходимо сказать, — это физическое истребление африканцев. О суровой жестокости, в обстановке которой следовали караваны рабов, о тысячах трупов, оставшихся близ невольничьих троп, пишут сами европейцы [157, с. 13; 226 и др.]. Многие из рабов-военнопленных, дошедших до побережья, умирали от голода и болезней в ожидании невольничьих кораблей, не меньше — на самих кораблях во время переезда через океан (подробнее см. 54). Один из португальцев писал из Анголы королю Португалии, что число погруженных рабов в течение пяти лет, которые он прожил в стране, достигало четырех-пяти тысяч человек в год, не считая множества несчастных, умирающих в ожидании кораблей [96, с. 52]. Рабов грузили на каравеллы в таком количестве, что значительная часть их задыхалась до прибытия на место назначения [157, с. 13]. По подсчетам Л. Жадена, основанным на анализе архивов Голландской Вест-Индской компании, занимавшейся работорговлей, на каравеллах гибло до 20% невольников [153, с. 447—451].

Огромная страна была опустошена и разорена. Если еще в конце XVI в. португальские чиновники в Анголе считали, что «это — один из самых больших невольничьих рынков, который не будет исчерпан до конца света» (Абреу ди Бриту, 1591) [201, с. 99], то спустя тридцать—сорок лет европейцы описывают Анголу как страну, превращенную в пустыню, чей рынок рабов исчерпан почти до отказа [201, с. 120, 124 и др.]. Проникая все глубже в Экваториальную Африку, работорговля несла опустошение и гибель лучшей, наиболее жизнеспособной части общества. Стариков, детей и больных убивали на месте, захватывая лишь юношей, девушек, молодых мужчин и женщин.

Не следует забывать, что с работорговлей было тесно связано распространение многих (в том числе эпидемических) болезней, а также моральное разложение народов, уцелевших от работорговли. О каких же великих «благах цивилизации» имеют право говорить не-

которые европейские исследователи в своих попытках оправдать работорговлю и «деятельность» белого человека? Работорговля обезлюдила, разорила Африку, отбросила ее на столетия назад, подготовив колониальный раздел континента. Таков итог проникновения европейцев на континент.

Глава II

УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В советской африканистике не сложилось единого мнения в оценке уровня развития производительных сил Экваториальной Африки ко времени проникновения туда европейцев. Существует немало ученых, которые полагают, будто этот уровень был очень низок (что исключало возможность возникновения классового общества), а все средневековые «государства» и «империи» представляли собой социальные организации доклассового общества типа трехродового союза, в лучшем случае — союза племен. Доводов у этих ученых хоть отбавляй: отсутствие плужного земледелия, необходимых ремеслу технических приемов и усовершенствованных орудий производства (например, гончарного круга), живучесть общественных форм доклассового общества, незавершенность процесса отделения ремесла от земледелия, отсутствие денежных единиц, характерных для Европы и некоторых стран Азии (из золота и серебра), сравнительно низкий уровень жизни всех народов Великой Саванны. Этот перечень можно было бы продолжить. Другие историки-африканисты (в их числе и авторы настоящей работы) считают, что тот уровень развития производительных сил, которого достигли наиболее значительные народы изучаемого нами региона, неизбежно должен был вызвать — и вызвал — классовое расслоение общества и становление государственности. Так кто же прав? Думается, что скептики, во-первых, склонны абсолютизировать роль орудий и средств производства, забывая о том, что марксистское понятие «производительные силы» включает также и труд человека, использующего эти орудия. А уровень развития трудовых навыков человека, умеющего нередко полу-

чать прибавочный продукт с помощью самой, казалось бы, простейшей техники, является основной составной частью общего понятия «производительные силы». Во-вторых, скептики обычно упускают из виду огромное влияние природной среды (экологического фактора) на развитие производительных сил и общественных отношений на протяжении длительного периода, охватывающего все докапиталистические формации вплоть до появления в недрах феодального общества зримых ростков капитализма.

Уровень развития производительных сил определяется совокупностью самых различных факторов, в том числе природных условий, а главное — умением человека поставить на службу себе и эти условия и «технику производства». Поэтому использование самых рудиментарных орудий в разных условиях приводило и к разным результатам. Для большей наглядности приведем лишь один пример. Главное орудие бушменов в трудной для жизни человека среде полупустыни Южной Африки — палка-копалка, которая вполне соответствовала и уровню развития бродячих охотников-собирателей. Но та же палка-копалка в совершенно иных условиях Мексики и нагорий Южной Америки стала основой сравнительно быстрого развития хозяйства, что повлекло за собой выделение знати и генезис классового общества.

Возвращаясь к проблеме уровня развития производительных сил народов Западной Экваториальной Африки, следует напомнить о существовании ряда факторов, сказавшихся отрицательно именно на «технике» производства. Особенности почвенного покрова исключали возможность глубокой вспашки и необходимость ее, а распространение мухи цеце и болезней, ею вызываемых, приводило к отсутствию тяглового скота. Именно это послужило первопричиной того, что Экваториальная Африка не знала применения сохи и плуга для обработки земли и единственным земледельческим орудием здесь была мотыга. Аналогичное положение сложилось и в товарно-денежных отношениях. Отсутствие так называемых драгоценных металлов обусловило использование самых разнообразных форм денежного эквивалента. При этом в наиболее развитом районе (побережье Атлантики и низовья р. Конго) роль всеобщего денежного эквивалента сохранили мелкие раковины-

нзимбу — древнейшие «деньги» на Земле. А в восточных областях, богатых медью, существовали различные виды «медных денег».

Мы уже писали, что характер источниковедческой базы вынуждает исследователя выделить два больших региона Великой Саванны.

1. Низовья Конго (государство Конго и зависимые от него государства). История народов, населяющих этот район, зафиксирована в обильных и разнообразных по характеру источниках, позволяющих проследить ее на протяжении без малого шести веков. Эти же источники дают не только возможность определить уровень развития производительных сил к моменту проникновения европейцев, но и проследить общественную эволюцию тоже на протяжении нескольких веков (конец XV — XIX в.).

2. Глубинные районы. Устные исторические традиции, в которых запечатлена история этих районов, почти ничего не сообщают об уровне производительных сил. Письменные документы, предшествующие XIX в., очень фрагментарны и носят, как правило, случайный характер. Единственно, на что может опираться исследователь при изучении состояния производительных сил, — это поздние (конец XIX — начало XX в.) этнографические описания отдельных народов, сделанные учеными или миссионерами. Однако и эти материалы почти не дают возможности сопоставить и проверить факты, да и относятся они к периоду, когда экономика государств внутренних районов бассейна р. Конго была в корне подорвана работорговлей и колониальными войнами, а сами эти государства почти все прекратили существование. Здесь исследователь вынужден обратиться к этнографическим описаниям конца XIX — начала XX в., лишь изредка заглядывая в более ранние источники.

В процессе изучения производительных сил бросается в глаза, что наиболее высокого уровня развития достигли народы низовьев р. Конго. По мере углубления во внутренние области саванны уровень развития постепенно понижается.

Прежде всего остановимся на чертах, присущих хозяйству всех народов бассейна Конго.

1. В основе хозяйственной деятельности народов За-

падной Экваториальной Африки лежало земледелие, характеризующееся единством приемов и техники обработки земли. Здесь повсюду господствовала подсечно-огневая переложная система земледелия, где мотыга служила главным орудием производства. В зависимости от особенностей почвенного покрова менялась форма этого орудия. Подбор сельскохозяйственных культур, быстро истощающих почву (маниока) или восстанавливающих ее плодородие (бобовые), определял длительность как обработки участка, так и нахождения его под залежью. Повсюду обработке земли предшествовало сжигание древесно-травяного покрова; зола служила удобрением.

2. Животноводство играло второстепенную роль, даже в тех районах, где было много крупного рогатого скота (низовья Конго). Во внутренних областях бассейна Конго занимались преимущественно разведением коз, птицы.

3. Сравнительно высокого уровня достигло развитие ремесла, несмотря на незавершенность процесса отделения его от земледелия. В то же время мастерство ремесленника в любой отрасли ставило ремесло в один ряд с художественным творчеством, близким к искусству, хотя выполнялись изделия с помощью простейшего инструмента. Внутри отраслей почти не существовало разделения труда. Мастер выполнял сам все ступени работы — от добычи материала и до окончательной обработки готового изделия. Отсутствие разделения труда сочеталось со сравнительно узкой специализацией отдельных районов в пределах большого государства, что стимулировало развитие внутренней торговли. А специализация всего государства (или этнического массива) в какой-либо из отраслей ремесла, изделиями которого снабжался внешний рынок, приводила к развитию торговли на дальние расстояния. И последнее: ремесло Великой Саванны почти не знало работы на заказ, что характерно, например, для Европы. В Экваториальной Африке ремесленник работал прежде всего для удовлетворения потребностей рынка — внутреннего или внешнего. Так, характеристика ремесла подводит нас к следующей области хозяйственной деятельности.

4. Необходимо отметить важнейшую роль рыночной торговли и товарно-денежных отношений у всех народов

Великой Саванны, создавших государственность. Мы уже упоминали о двух формах торговли — «внутренней» и «торговле на дальние расстояния». Для внутреннего рынка было характерно, что предметами торговли служили все продукты сельскохозяйственного производства и многие ремесленные изделия. Торговля на дальние расстояния (до проникновения европейцев) удовлетворяла потребности в ремесленных поделках, в сыром материале (слоновая кость, металлы, дорогая древесина) и таком специфическом для Экваториальной Африки товаре, как порошок красного дерева. С проникновением европейцев постепенно основой торговли на дальние расстояния становится работорговля. Важно подчеркнуть, что при всем своеобразии организации торговли в разных регионах уже в XVII—XVIII вв. во всех государствах Великой Саванны выделяется особая прослойка людей, занимающихся торговлей. Однако и тут нас подстерегают коварные неожиданности: отсутствие, как мы уже говорили, единого денежного эквивалента в виде золотой и серебряной монеты и применение так называемых древнейших, или примитивных, форм денежного эквивалента. Тем не менее этот эквивалент был подвержен всем превратностям судьбы металлической монеты европейского общества: с изменением стоимости товаров падает (или повышается) покупательная способность этих, казалось бы, «примитивных» денег.

Таким образом, развитие производительных сил и товарно-денежных отношений шло в Экваториальной Африке путями сложными, противоречивыми, подчас неожиданными. Но даже такой краткий обзор общих особенностей развития едва ли позволяет ставить вопрос о «крайней примитивности» уровня производительных сил и товарно-денежных отношений.

Более детальный анализ всех сторон хозяйственной деятельности народов Великой Саванны мы начнем с изучения материалов по первому региону.

Низовья р. Конго

В основе анализа эволюции производительных сил в низовьях р. Конго лежат материалы по государству Конго, а также привлечение данных, характеризующих другие народы и государства этого региона.

Земледелие. Земледелию баконго уже к началу XVI в. был свойствен такой метод интенсификации хозяйства, который Европа почти не знала: расширение набора (ассортимента) культурных растений и умение максимально использовать различные полукультурные растения. В XVI в. населению низовьев р. Конго было известно не менее пяти-шести видов просяных культур, составлявших в это время основу сельского хозяйства; корне- и клубнеплоды — бататы, ямс; бобовые — фасоль, бобы, арахис; множество огородных культур (в том числе огурцы и тыква); различные фруктовые деревья и виды пальм: дерево-кола, несколько видов бананов, цитрусовые, введенные португальцами (цитроны, апельсины, лимоны), масличная пальма, одновременно дающая масло, уксус, плоды и муку (из высушенных плодов), кокосовая и финиковая пальмы [171, с. 120—126; 219, с. 54—60]. Завезенный португальцами виноград, как и цитрусовые, отлично прижился в местных условиях [96, т. V, док. 234, с. 610].

Автор анонимной компиляции «История Конго. Описание страны», написанной по материалам 80—90-х годов XVI в., сообщает: «Они (баконго.— *Лет.*) культивируют двенадцать видов продовольственных растений, которые созревают каждое в ином месяце, так что в течение целого года имеются свежие съестные припасы» [130, док. 18, с. 117]¹

С начала XVII в. прочно входят в обиход две сельскохозяйственные культуры, вывезенные португальцами из Америки: кукуруза и маниока. Впервые о широком распространении кукурузы сообщает миссионер Кавац-ци (середина XVII в.). В некоторых районах низовьев р. Конго она созревает за три месяца, позволяя собирать два-три урожая в год [160, т. I, с. 114]. В государстве Конго и соседних странах кукуруза на протяжении полувека заняла среди зерновых господствующее место, оттеснив на второй план просяные культуры. О маниоке, уроженке Бразилии, пишут в XVII — XVIII вв. все авторы «Сообщений» о Конго. Этот быстро растущий вечнозеленый кустарник проник на западное побережье Африки в XVI в. и очень скоро завоевал одно из ведущих мест в сельском хозяйстве. Так, если в «Сообщении» Лопиша-Пигафетты, написанном в 80-е годы XVI в. и вышедшем в свет в 1591 г., еще нет

и упоминаний о маниоке, то «Сообщение» миссионера Франческо Романо (40-е годы XVII в.) дает уже подробное описание и самой культуры, и методов ее разведения, и способов использования [91, с. 90—91; 157, с. 87; 182, с. 697]. Высокая урожайность и длительный срок хранения высушенных корней маниоки в условиях влажного климата Экваториальной Африки обеспечили ей особую роль в жизни баконго. Завершая обзор развития этой стороны земледелия в низовьях р. Конго, сошлемся на «Сообщения» Кавацци, который называет тридцать пять видов деревьев и пальм, используемых в качестве продовольственных и технических культур [160, т. I, с. 120—145].

Немаловажную роль в развитии сельского хозяйства баконго сыграло то, что они очень быстро, всего лишь за несколько десятилетий, освоили новые, привозные культуры. Это свидетельствует, во-первых, об очень древних навыках земледелия; а во-вторых, о полном отсутствии консерватизма и боязни полезных нововведений. Для сравнения напомним, например, с каким трудом на протяжении всего XVIII в. народы Восточной и Западной Европы осваивали такую культуру, как картофель.

Обилие местных и быстрое освоение новых культур было настолько яркой и бросающейся в глаза чертой сельского хозяйства баконго, что в «Сообщениях» миссионеров и частных лиц уделяется преимущественное внимание именно этим вопросам. Авторов не интересовали ни техника, ни приемы земледелия: они им казались безнадежно рудиментарными по сравнению с европейскими. Еще бы — вместо глубокой вспашки, привычной и представляющейся им совершенно необходимой, в Конго лишь слегка взрыхляли поверхностный слой земли обыкновенной мотыгой [130, док. 18, с. 134—135].

В противоположность Западному Судану с его большим ассортиментом сельскохозяйственных орудий [47, с. 19—24] Западной Экваториальной Африке, даже наиболее развитому ее району (государству Конго), была незнакома дифференциация орудий труда в соответствии с видами сельскохозяйственных работ. Наши источники с середины XVI и до конца XIX в. свидетельствуют, что перед обработкой земли здесь пользовались

ножом для срезания травы и ветвей, которые затем подсушивались и сжигались. Как для обработки земли, так и для ухода за посевами применялось одно орудие — мотыга: в низовьях р. Конго — с округлой или треугольной рабочей частью, в Анголе — двуручная мотыга, глубже взрыхлявшая почву и позволявшая проводить правильные борозды. Но нигде землю не взрыхляли глубже, чем на 10—15 см.

Нам фактически ничего не известно о севооборотах или чередовании культур в сельском хозяйстве низовьев р. Конго до колонизации. Единственный намек на это — обилие посадок земляного ореха и заботливый уход за ними. Как выяснено современной наукой, все бобовые а в их числе земляной орех, способствуют восстановлению плодородия почвы [59, с. 134—135]. К такому выводу народная агротехника на всех континентах пришла чисто эмпирическим путем, задолго до научного обоснования этого явления. По-видимому, и в прибрежных государствах Экваториальной Африки издавна узнали об особой роли бобовых в земледелии.

В низовьях Конго существовало два вида земельных угодий. Первый из них — сады-огороды, прилегающие к поселениям. Цветы, ароматические травы, овощи и бобовые сажали на небольших грядах чересполосно с фруктовыми деревьями, бананами и пальмами. При этом бобовые были неизменным и необходимым элементом садово-огородного комплекса. О таких садах-огородах есть сведения во многих «Сообщениях», начиная с конца XVI и до начала XVIII в.

Лопиш пишет: «Они культивируют в своих садах много видов трав, цветов, овощей; среди них — кроме растений, неизвестных в Европе, — дыни, огурцы и тыквы, отличные на вкус и очень крупные» (171, с. 126).

Второй вид земельных угодий — полевые участки, расположенные вдали от поселений (чтобы скот не испортил всходы). На этих участках сеяли зерновые и сажали маниоку. Перед посевом просяных культур и кукурузы во взрыхленной земле мотыгами проводили неглубокие борозды (более или менее прямые); туда кидали зерна и присыпали сверху землей. В Анголе двуручная мотыга облегчала проведение правильных борозд [91, с. 88—89]. Маниоку рассаживали черенками в невысокие

Мани Конго дон Алвару принимает португальских послов

земляные холмики. Всходы пропалывали два раза [91, с. 91; 131, с. 364].

Сельскохозяйственный календарь Западной Экваториальной Африки тесно связан со сменой двух сезонов — дождливого и засушливого, продолжительность которых зависит от местных условий (например, в провинции Сойо — иная, чем в центре государства Конго, его восточных провинциях или в Анголе). Ясно одно: дождливый сезон начинается с конца сентября и длится по март—апрель. В последних числах апреля начинается засушливый сезон, который продолжается по сентябрь включительно.

Соуза Баррозу (конец XIX в.) пишет, что сами ба-конго делят год на шесть сезонов, и указывает основные земледельческие работы, характерные для каждого из них. Эти сезоны таковы:

1. Массанза — январь и февраль. Посадка фасоли и кукурузы; земледельцы закладывают плантации бананов;
2. Кунди — март и апрель. Уход за посадками, про-

полка. Сорную траву складывают в кучи, чтобы перегнила;

3. Кинтомбу — май (начинается чаще всего с середины месяца) и июнь. Небо покрыто раскаленными тучами, но не выпадает ни капли дождя [160, с. 107—108];

4. Сейву — июль и август. Жара, засуха; население занимается сбором зерновых, а также посадками во влажных низинах по берегам рек;

5. Пиаза — сентябрь и октябрь. Кончается жара, выпадают первые дожди. Наиболее интенсивные полевые работы для женщин и охота для мужчин. Оживает измученная зноем земля; ее готовят под посадки зерновых — выжигают сухую траву; высаживают черенки маниоки;

6. Нкиала — ноябрь и декабрь. Посев зерновых и бобовых [223, с. 196—197].

Следует отметить, что соответствие месяцам европейского года намечено автором в значительной степени приблизительно: во-первых, ни один из сезонов не длится ровно шестьдесят дней; во-вторых, все эти периоды не равны один другому, и продолжительность их меняется в зависимости от погодных условий каждого года.

Население низовьев Конго собирает урожай два раза в год. С началом дождей (в конце сентября) начинают обрабатывать землю и производить посадки. Урожай убирают в декабре. Снова сеют и сажают в конце декабря — начале января, чтобы второй урожай получить к концу апреля [91, с. 88—89; 160, т. I, с. 117; т. V, с. 160].

Земледелие давало населению основные продукты питания. Ими частично выплачивались подати; рынки были буквально завалены продуктами сельскохозяйственного производства. А все Конго, судя по материалам XVI в., выглядело богатым и процветающим краем. Однако чем ближе к XIX в., тем все чаще встречаются мрачные сообщения о неурожаях, периодических голодовках, все возрастающей разрухе. А в конце XIX в. вместо описания вкусных и разнообразных блюд, которыми так богаты «Сообщения» XVI—XVII вв., источники твердят о чиквинго — лепешках из маниоковой муки, как об основе питания баконго [252, с. 378; 223, с. 197].

Такого рода «эволюцию», вернее, деградацию мы можем проследить по источникам в любой области хозяйственной деятельности баконго.

Животноводство. В XVI и еще в начале XVII в. в низовьях р. Конго занимались разведением крупного рогатого скота, коз, овец, свиней и различной домашней птицы. Об обилии скота пишут, в частности, Лопиш [171, с. 93], автор компиляции «О положении королевства Конго» (1595) [130, док. 38, с. 197], и епископ Конго в своем «Отчете» (начало XVII в.) [96, т. VI, док. 123, с. 378]. Питер ван ден Брук (1608—1612 гг.) пишет, что в провинции Сойо он и его спутники проходили много красивых деревень и видели большие стада (до ста голов) коров и овец, которых пастухи гнали на пастбища [128, с. 188].

Говоря о той же провинции, миссионер Вутерс в одном из своих писем (между 1673—1676 гг.) сообщает, что только правитель Сойо владеет 29 маленькими коровами и большим числом свиней и кур [137, с. 180].

Епископ Кювелье, один из крупнейших знатоков истории Конго, сопоставляя данные разных источников (по большей части нам недоступных), приходит к выводу, что на протяжении XVI, а особенно XVII в. количество крупного рогатого скота здесь быстро сокращалось, пока скот не исчез почти полностью [128, с. 54—55]. К XIX в. баконго занимались лишь разведением свиней и кур.

Охота и собирательство. Если охота в Конго играла роль чисто подсобную, как дополнительный источник пищи (например, большим лакомством считалось копченое мясо ламантина—«водяной свиньи», или «водяной коровы»,— животного, живущего в пресных водах р. Конго) [171, с. 46], то рыболовство было широко распространено и на побережье океана и на берегах больших и малых рек. Соленая и вяленая рыба являлась одним из ходовых продуктов рыночной торговли [91, с. 102].

Наконец, не утратило своего значения и собирательство. Незначительная в мирные годы роль сбора плодов, ягод, корней, листьев, личинок резко возрастала во время войн и периодических голодовок, вызванных разрушением хозяйства. Кроме того, собирательство — одна из древнейших форм хозяйственной деятельности чело-

века в условиях Экваториальной Африки — облегчало развитие торговли на дальние расстояния. Умение находить съестное в дороге позволяло ограничиваться минимальными запасами на время путешествий и длительных переходов, что давало возможность полностью нагружать караван носильщиков товаром для торговли. А здесь человек был единственным переносчиком тяжестей.

Перед нами еще один пример того, как развивающийся народ умеет ставить на службу себе самые древние навыки.

Ремесло и домашние промыслы. Именно у баконго процесс отделения ремесла от земледелия в XVI в. (более ранними материалами мы не располагаем) находился на стадии своего завершения. Лишь очень немногие домашние промыслы не утратили своего значения. Таковы — плетение (циновок, корзин, кружек) и гончарное ремесло (изготовление простой глиняной посуды) [160, т. II, с. 63]. Однако и здесь появились свои центры, специализирующиеся на этих промыслах, которые стали приобретать характер наследственных ремесел [91, с. 116]. Франческо Романо (середина

XVII в.), перечисляя различные виды ремесел, упоминает об искусных умельцах, занимавшихся плетением циновок из тростника, длинного и гибкого, более светлого, чем солома. Эти изделия так богато и ярко орнаментированы, что походят на очень красивые ковры [91, с. 116]. Техника изготовления плетеных изделий у баконго сохранилась практически в неизменном виде и в последующие века. Вот как Филиппар (начало XX в.) рассказывает об искусстве плетения, которым владеют женщины баконго: «Из травы, собранной в бруссе, они изготавливают корзины любой величины. Эти корзины служат в течение пяти-шести лет, а плотное плетение позволяет пользоваться ими как калексами для воды или как стаканами для пальмового вина. Более того, переплетая волокна черного и красного цвета, они украшают корзины различными рисунками: крестами, геометрическими фигурами, чаще ромбами, и даже — изображениями животных: антилоп, леопардов, крокодилов» [202, с. 49]. Не менее детально и красочно описывают плетение корзин Соуза Баррозу [223, с. 206—207] и Уикс [260, с. 92]. Плетение и гончарство по традиции

считались женским занятием, как и земледелие. Если учесть, что земледелие отнимало почти все время женщины-труженицы, то плетение и гончарство на продажу, которыми занималась вся деревня или область, представляют собой весьма существенное доказательство «ремесленного характера» этих занятий. При этом прослеживается еще одна любопытная черта: женским ремеслам в гораздо большей степени, чем мужским, было свойственно разделение труда внутри ремесленного производства. В качестве примера приведем описание гончарного ремесла (приемы его очень устойчивы, они сохранились с XVI и до конца XIX в.). В деревне, занимающейся гончарством, молодые женщины добывали и приносили в больших корзинах глину. Затем в течение нескольких часов они месили ее в этих же корзинах, время от времени смачивая водой. Подготовив глину, женщины относили ее мастерицам, которые лепили из этой глины самые различные предметы (кувшины, горшки, ковши, блюда, кружки). На отрезанное дно кале-басы клали комок глины и, разминая руками, придавали изделию нужную форму, похлопывая деревянной лопаточкой, чтобы уплотнить глину. Затем наносили геометрический орнамент и ставили сушить на солнце. Подсушив, обжигали, прикрыв со всех сторон соломой. Печей для обжига, да и гончарного круга в Конго не знали. Хорошо обожженные гончарные изделия отличались изяществом форм и красивым черным цветом [160, т. II, с. 62—63; 164, т. I, с. 126—127]. Главным центром производства тонкой керамики был север страны. Глиняная посуда была одним из наиболее ходовых товаров рыночной торговли [91, с. 116].

Мужские ремесла — кузнечное, ткацкое, работы по дереву (от изготовления деревянных блюд до сооружения лодок-однодеревок и больших океанских «кораблей-плотов») — также приобрели характер наследственных профессий, обслуживающих внутренний и внешний рынок. Описание их дано достаточно подробно в монографии, посвященной истории государства Конго [90, с. 151 —159]. Здесь же нам важно подчеркнуть, что опять-таки именно для государства Конго было характерно порайонное разделение труда, и эта специализация прочно вошла в жизнь и быт народа. Так, производство железа, меди и кузнечное ремесло были сосре-

доточены в основном в провинции Нсунди и в столичной провинции Мпемба [129, с. 52; 131, с. 328, 348; 160, т. I, с. 34—35; и др.]. Крупным центром металлургии являлась столица государства — Мбанза-Конго. Здесь же находился центр ювелирного искусства — изготовление украшений из меди и бронзы [96, т. II, с. 57—60; т. VI, с. 490; 140, док. 36, с. 450], а также — художественной резьбы по дереву. Прибрежные провинции славились своими лодками-однодеревками и океанскими «кораблями-плотами». А ткани, защищавшие от ветра, дождя и жары, — легкие, прочные, плотные (из них делали паруса и одежду) — поставляли восточные и северо-восточные районы государства, на сотни километров удаленные от побережья. В этих же районах было сосредоточено производство дорогих тканей разных сортов. Лопиш сравнивает одни из них с итальянским Дамаском, другие — с парчой, более дорогой, чем итальянская [171, с. 59]. Педру Сардинья (начало XVII в.) отмечает, что одним из главных центров производства тканей была провинция Мбатта. Он также пишет, что местные ткани пользуются большим спросом у португальцев в Луанде, и подчеркивает высокие цены на все виды тканей [96, т. VI, док. 15—18, с. 52—53]. Среди них была и ткань импульчи, напоминающая панбархат [91, с. 108]. Одежды из нее, как сообщает Кавацци, имели право носить лишь лица королевского рода [160, т. II, с. 80].

Металлургия и кузнечное ремесло занимали совершенно особое место в жизни баконго. Ученые считают кузнечное ремесло одним из древнейших в Тропической Африке, а бассейн Конго — областью традиций в обработке металла, уходящих в седую старину [см., например, 138]. Работа кузнеца-баконго происходила следующим образом. Добыв руду (обычно с помощью сородичей), мастер плавил ее в яме, закрыв слоем древесного угля (специально плавильных печей баконго не знали) [160, т. I, с. 71; т. II, с. 59—60]. При этом получался слиток в несколько килограммов весом. Огонь поддерживали, используя мехи особого, характерного для Африки устройства. Речь идет о «чашечных мехах». Они состоят из двух чаш, выдолбленных из цельного куска дерева, с двумя отверстиями в нижней их части. Обе чаши покрыты сверху кожей с ручками в центре; попе-

ременно опуская и поднимая эти ручки, подмастерье обеспечивал постоянный приток воздуха. Такими мехами пользовались как при плавке металла, так и при кузнечных работах. Массивный кусок железа, полученный при плавке руды, мастер клал в огонь. При разогревании из слитка удалялись разные посторонние примеси (кусочки породы и т. д.), а чистое железо выделялось в виде зерен (гранул). Эти зерна мастер соединял в одну полосу, из которой с помощью несложного инвентаря ковал необходимые ему изделия: орудия труда — ножи, топоры, мотыги, крюки, длинные острия для подъема на деревья; оружие — наконечники для стрел и пик с коротким древком, длинные метательные копыя, метательные ножи и др. [223, с. 202; 129, док. 8, с. 139—140; 259, с. 59—62]. Кроме того, из меди и латуни мастера-ювелиры делали украшения, предметы культа; в христианском Конго — статуэтки святых. Великолепно выполнены статуэтки святого Антония — «покровителя Конго», по стилю и технике исполнения напоминающие работы мастеров Бенина [259, с. 41].

Интересно отметить одну особенность металлургии баконго: при кажущейся простоте этого процесса он сохранил такие навыки и методы, которые спустя много веков (и на иной экономической базе) применяются в современной металлургии. Речь идет о так называемой бесчугунной плавке железа.

Завершая обзор ремесленного производства, вернемся вновь к теме, лейтмотивом проходящей через описание и анализ уровня развития производительных сил: постепенному упадку ремесла накануне времени колониального раздела бассейна Конго. Наиболее «уязвимой» в этом плане оказалась металлургия баконго. Уже с середины XVII в. «Сообщения» миссионеров почти ничего не говорят о металлургии баконго и близких им народов. А в 70-х годах XIX в. Монтейру пишет о том, что в низовьях Конго и в Анголе плавка железа мало распространена: все необходимые изделия проще купить у купцов-португальцев [188, с. 35]. Об упадке всех остальных видов ремесел пишут в 80-х годах XIX — начале XX в. многие авторы [237, с. 531; 223, с. 201; 202, с. 47].

Товарно-денежные отношения в низовьях Конго в XVI—XVII вв. Развитие то-

варно-денежных отношений — производное от уровня развития производительных сил. Сельскохозяйственное производство, порайонная специализация ремесла и промыслов повлекли за собой становление товарно-денежных отношений. В развитии их, как и в производительных силах, сочетаются явления самые противоречивые. Остановимся подробнее на описании и анализе товарно-денежных отношений у баконго. Прежде всего бросается в глаза обилие рынков. Они существовали близ каждого крупного населенного пункта. С торговлей был связан четырехдневный недельный цикл. Неделя состояла из четырех дней — нканду, консо, нкенге, неона. Группа деревень в радиусе 5—6 км имела четыре рынка, функционировавших в разные дни недели. Рыночная площадь была вынесена за пределы селения. Такая площадь не только играла роль собственно рыночной, но и несла большую общественную нагрузку. В частности, именно здесь доводились глашатаями до сведения народа приказы и распоряжения властей, здесь вершился суд и зачитывался приговор, кроме того, здесь же работали цирюльники и оказывалась первая медицинская помощь. Вечерами на этом открытом месте собирались вокруг костров, чтобы послушать песни и сказания, чтобы исполнить ритуальные ганцы во время какого-либо праздника. Рыночная площадь являлась своего рода «нейтральным» местом, где торговля велась и в военное время. Даже в период глубокого упадка государства Конго в XVIII—XIX вв. на рынках царил строгий порядок. Чоффен (конец XIX в.) пишет: «Нарушение порядка на рынке — одно из тягчайших преступлений и карается смертью» [228, с. 263]. Некоторые данные позволяют думать, что организация торговли и поддержание порядка возлагались на местные власти — старейшин деревень (или на «губернаторов» — правителей провинций, если рынок находился близ столицы), будь то в самом Конго, в Анголе или государствах к северу от Заира.

Крупные поселения, близ которых располагались большие рынки (обычно в день неона — воскресный день в этих краях), были связаны сетью «королевских» дорог. За порядок и чистоту на этих дорогах отвечали правители провинций Конго и соседних государств. Начиная с первой половины XVI в. источники уделяют вни-

мание описанию «королевских» дорог и порядку, царившему на них [96, т. II, с. 215; 160, т. I, с. 475; 171, с. 119, 132]. Не менее интересно описание мостов и переправ через реки [93, с. 149—150; 160, т. I, с. 481 — 483].

Следует отметить, что обычно путники ночевали в придорожных деревнях, но если населенные пункты находились на большом расстоянии друг от друга, то строились несколько хижин-домиков для отдыха путешественников [160, т. V, с. 144, 146].

Теперь остановимся на денежных эквивалентах. И здесь мы обращаем внимание на тот факт, что если в XVI—XVII вв. государство Конго еще и не создало единого денежного эквивалента, то было уже очень близко к завершению этого процесса.

В это время господствующую роль в качестве денег играли небольшие коричневые раковины нзимбу (*Olivan-cillaria pana*), очень похожие на раковины каури (*Olivella pana*), столь распространенные в Западной и Восточной Африке. Нзимбу собирали на побережье океана, но главным образом — на о-ве Луанда [96, т. V, док. 30, с. 106; 160, т. I, с. 88; 171, с. 54]. Сбор нзимбу составлял главную повинность женского населения этого острова [171, с. 310; 160, т. I, с. 88; 130, док. 18, с. 135], а монопольным хозяином всего «урожая» раковин был король Конго, который назначал специальных должностных лиц для подсчета собранных раковин [96, т. IV, док. 131, с. 536—538; т. V, док. 234, с. 609; 200, док. LXXIV, с. 439]. Покупательная способность нзимбу зависела от их величины (крупные — с кедровый орех, мелкие — с пшеничное зернышко) и качества. Особенно ценились мелкие блестящие коричневые раковины. Отмыв раковины от песка, их сортировали, просеивая через специальные решета, и сдавали в королевскую казну [91, с. 44; 96, т. III, док. 21, с. 136; т. VI, док. 15, с. 54; 131, с. 367]. Специальные мешочки, содержавшие определенное число раковин, служили рыночной «монетой». Таковы — фунда (1000 раковин), лу-фуку (10 тыс.), кофу (20 тыс.) [128, с. 308].

Подобно металлической монете, покупательная способность нзимбу менялась с течением времени, а также в зависимости от различных факторов. Ж. Кювелье, анализируя материалы за время с 1575 по 1787 г., от-

мечает постепенное падение «стоимости» нзимбу. Так, если в начале XVI в. (правление Афонсу I) 1 кофу оценивалось в 33—50 крузадуш (в португальской монете), то в начале XVII в. — в 4—7,5 крузадуш, а в конце его — в 2 крузадуш [128, с. 308—309]. Резкое падение «курса стоимости» отмечено в начале XVII в. в связи с массовым ввозом португальцами раковин-каури из Бразилии и других стран. Запрет на ввоз и использование каури [96, т. VI, док. 123, с. 383] не изменил положения. Дартвелл, автор работы о нзимбу, называет каури «фальшивой монетой» государства Конго, так как упадок власти королей Конго привел к тому, что запрет на ввоз каури фактически не соблюдался [132, с. 200—202, 224].

Наконец, нзимбу выполняли не только функции рыночной монеты, но и функции, связанные с развитием государственности: оплата налогов [140, док. 1, с. 377], выплата содержания европейскому духовенству [96, т. VI, док. 76, с. 231; 130, док. 112, с. 391—395; и др.].

Использование нзимбу в качестве денежного эквивалента было распространено почти во всех провинциях Конго, в Анголе, в глубинных районах бассейна р. Конго, а также в междуречье Кванго-Касаи — у бакуба [132, с. 219; 66, с. 84; 230, с. 157—169].

В отдаленных от моря провинциях Конго, например в Мбатта, и в королевствах к северу от р. Конго наряду с нзимбу были распространены деньги-ткань: ликута (мн. ч. — макута), кусок ткани определенных размеров и выработки. Но роль этих денег была второстепенной [140, док. 1, с. 377; 201, док. CLXIII, с. 270].

С появлением португальцев, а вместе с ними — золотых и серебряных монет значение местных форм денежного обращения не изменилось вплоть до середины XVII в. Еще в конце XVI в. Абреу ди Бриту, один из португальских резидентов, писал: «Эти нзимбу имеют такую ценность в королевстве, что, когда я... намеревался послать в Конго... золотые деньги на расходы по работоторговле, они были отвергнуты продавцами, которые заявили, что их истинные деньги — нзимбу из Луанды» [96, т. IV, док. 131, с. 538].

С середины XVII в., после резкого падения стоимости нзимбу, а особенно в связи с распадом государства в начале XVIII в., денежные единицы все более вытес-

няются меновой торговлей. В середине XVIII в. миссионер Гиацинт да Болонья, перечисляя различные виды «денег», пишет: «Тем не менее самая большая торговля заключается в обмене одной вещи на другую, как, например, бобов на табак, проса на соль, фруктов на пальмовое вино и так далее» [196, с. 86].

Конго помимо внутренней торговли было втянуто в торговлю на дальние расстояния с соседними странами и с глубинными районами бассейна р. Конго. Нам почти ничего не известно об этой торговле до появления европейцев, но можно найти много данных, часто косвенно указывающих на существование торговли на дальние расстояния задолго до первых контактов с португальцами. Во-первых, это торговля таким специфическим для Африки товаром, как красное дерево, из которого делали порошок. Смесью этого порошка (нгула) с пальмовым маслом баконго натирали тело, таким образом предохраняясь от жгучих лучей экваториального солнца. О гигиенической и целебной роли нгула мы узнаем уже из первого «Сообщения» о Конго Лопиша-Пигафетты. Во времена Лопиша за щепотку порошка давали одного раба [171, с. 186, 188; см. также 131, с. 323—340]. Древний обычай — натирать тело мазью из нгула — был распространен здесь до путешествия в страну Лопиша, еще задолго до проникновения португальцев в Экваториальную Африку. Однако ни один из документов по истории баконго не открывает секрета, откуда они получали красное дерево. В начале XX в. основными поставщиками его в разные страны бассейна р. Конго были торговцы — бангала и население, живущее на берегах оз. Май Ндомбе. Здесь существовало много мастерских, где занимались изготовлением нгула [175, с. 539—542]. Не лишено вероятности, что именно оттуда попадал нгула в Конго до европейцев.

Во-вторых, это торговля слитками железа и меди и изделиями из них. Существовала постоянная торговля провинции Нсунди и государства Теке (Макоко), богатых железной рудой, с прибрежными небольшими государствами к северу от устья р. Конго (Нгойо, Каконго, Лоанго), нуждавшимися в изделиях из железа. Лопиш пишет, что в Лоанго можно выменять на маленький корабельный гвоздь самый большой слоновой клык [171, с. 102].

И наконец, в-третьих, это торговля, игравшая большую роль в обмене государства Конго с внутренними областями [96, т. VI, док. 116, с. 335; 160, т. I, с. 62; и др.]. Итак, нам представляется, что эти косвенные данные свидетельствуют о существовании давних торговых связей между государствами и этническими комплексами, группами, а также о древних путях, по которым шла торговля на дальние расстояния. Европейцы воспользовались уже сложившимися торговыми традициями народа баконго в своих целях: для скупки таких товаров, как слоновая кость, а также для работоторговли.

Таков был уровень развития производительных сил и товарно-денежных отношений у народов в низовьях р. Конго. Приведенные нами материалы свидетельствуют прежде всего о том, что этот уровень был достаточно высок для развития раннеклассового общества и государственности еще до проникновения европейцев. Источники говорят также о постепенной, а в дальнейшем с распадом государства Конго в начале XVIII в., очень резкой деградации производительных сил. К концу XIX в. от былого процветания стран этого региона не осталось и следа. Сравнивая материалы по производительным силам низовьев Конго (в XIX — начале XX в.) и народов внутренних областей, мы, пожалуй, вправе сказать, что чем дальше то или иное государство или этническая общность находились от европейского вмешательства, тем дольше они сохраняли относительно высокий уровень развития производительных сил.

Внутренние области

Говоря о народах внутренних областей, мы охарактеризуем каждую из трех этнических общностей, в которых в конце средневековья — начале нового времени возникает раннеклассовая государственность: бакуба, балунда и балуба. За основу мы возьмем материалы о бакуба конца XIX — начала XX в., а для каждого из двух других народов попытаемся выделить черты наиболее характерные.

Государство Куба, сложившееся в междуречье Ка-саи-Санкуру, в силу своего географического положения первоначально оставалось вне пределов главных рабо-

торговых дорог, а к XVIII в. вообще закрыло свои границы для чужеземцев. В результате этого здесь до конца XIX в. сохранились государственная и этническая целостность, единство облика материальной культуры, а также такие особенности общественной организации, которые были незнакомы другим народам бассейна Конго.

Расцвет государства Куба во всех областях жизнедеятельности человека предания связывают с именем Шьяам а Мбул а Нгоонг, в произношении европейцев начала XX в.— Шамба Болонгонго (ок. 1630—1640 гг.)². Именно в его время началось быстрое развитие земледелия и освоение новых сельскохозяйственных культур: бакуба научились возделывать кукурузу, сахарный тростник, табак и маниоку. С XVII в. начали выращивать земляной орех. Наиболее древняя культура — просо. В западных областях возделывали орех кола. Кроме того, бакуба выращивали бананы, ананасы и четыре вида пальм [147, с. 19; 266, с. 90].

Ф. Бейтмен, англичанин, одним из первых в конце XIX в. проникший в страну бакуба, писал: «Они превосходные земледельцы, и их плантации поистине великолепны. Сады и поля так восхитительны и так меня поразили, когда я впервые увидел их покрытыми желтыми цветами гороха и украшенными множеством тропических растений, что их можно было сравнить с „садами Эдема"» [82, с. 90].

Из домашних животных в междуречье Касаи-Санку-ру разводили коз, а из птицы — кур. Большую роль играли охота (особенно коллективная) и рыбная ловля, которые позволяли разнообразить преимущественно растительный рацион населения. А копченая рыба (как у баконго — соленая и вяленая) была одним из наиболее ходовых товаров в рыночной торговле.

В работах о балуба [104; 119] и балунда [172] мы не найдем столь «восторженных» описаний культуры земледелия, гораздо больше места отведено в них рассказам об охоте и рыболовстве (дано подробное описание всех видов охоты, ловушек и охотничьего оружия; не менее детально — всех способов рыбной ловли). Заметим, что и в развитии охотничьих навыков выделялись бакуба. Если балуба и балунда знали лишь охоту вдогон, загонную и «огненную» (с поджиганием саванны), то способы лова у бакуба были более разнообраз-

ны. В частности, они широко использовали ловушки, сети, засады [152, с. 377; 239, с. 202].

Особое место в жизни всех трех народов занимало собирательство (от насекомых — черных муравьев, термитов, гусениц, кузнечиков — и ловли крыс после выжигания растительности перед обработкой поля до различных продуктов растительного мира).

Интересно, что охота считалась мужским, а собирательство женским занятием, в то время как в рыболовстве наблюдалось своеобразное разделение труда: ловля рыбы корзинами в неглубоких речках и болотцах была делом женщин; на больших реках и озерах с помощью сетей, вершей, удочек, острог — мужчин [104, с. 333].

Таким образом, при ведущей роли земледелия в государствах внутренних областей в конце XIX в. и вплоть до 20—30-х годов XX в. была еще очень велика роль таких древних отраслей хозяйственной деятельности человека, как охота, рыбная ловля и собирательство.

Ремесло. Вместе с тем если говорить о такой области производства, как ремесло, то здесь элемент архаичности либо совсем отсутствует, либо присутствует в очень незначительной степени. Кроме того, ремесло каждого из больших народов Великой Саванны имело неповторимое своеобразие.

Так, европейцы, впервые попавшие в государство Квба, а затем и миссионеры (конец XIX — начало XX в.) были поражены уровнем развития ремесла, а главное — организацией ремесленников, очень напоминавшей средневековые цеховые организации.

Вансина, ссылаясь на авторов начала нашего века, писал, что специализация являлась характерной и наиболее удивительной чертой цивилизации бакуба. Скульпторы по дереву, ткачи, каменотесы, мастера по изготовлению веревок, плетению циновок и сетей, кузнецы, рыбаки, охотники, строители лодок, добытчики пальмового масла, соли, певцы, танцоры, музыканты — все являлись специалистами. Они были объединены в корпорации, имеющие представителей в Большом (главном) совете... [248, с. 971].

У бакуба, как и у других народов саванны, было широко распространено производство материи из луба де-

ревьев (напоминавшей по виду замшу), нередко красиво орнаментированной [66, с. 62].

Кроме такого «древесного фетра», как называли лубяную материю европейцы (у этнографов она известна под полинезийским названием «тапа»), все народы саванны употребляли ткани. Здесь не возделывали специально волокнистые растения, а использовали дикорастущие: пальмы и травы. Чаще всего сырьем служили волокна листьев пальмы-рафии или некоторых трав. Их обрабатывали как коноплю. Из коры некоторых деревьев получали толстые нити, из которых, предварительно вымочив и отбелив, изготавливали веревки, мешки, грубую ткань.

Ткацкие станки (у всех народов саванны — вертикальные) позволяли ткать лишь небольшие куски ткани: длиной не более метра, шириной 40—60 см. Их приходилось сшивать. Волокна окрашивали при помощи растительных красителей или опускали на несколько дней в болотную воду.

Наиболее искусными ткачами считались бакуба. Не случайно бушонго — центральная этнографическая группа бакуба получила от соседей прозвище «бамбала» — «люди тканей». Их искусство вызывало восхищение европейцев, впервые столкнувшихся с ним. Ф. Бейтман выразил общее мнение, написав: «Изобретательность в узорах, красота их, тщательность выделывания тканей бакуба не уступают мануфактуре самых цивилизованных наций» [82, с. 174].

Ткани бакуба весьма разнообразны: обычные гладко-тканые (мбала), с узорчатым вытканым рисунком (ба-динга), вышитые (мусесе или итонде)—знаменитый «бархат Касаи», слабоокрашенные с оставленным рисунком [231, с. 180; 266, с. 246].

У бакуба ткачество считалось мужским ремеслом, но все последующие операции по изготовлению одежды проводились женщинами. Для того чтобы сделать ткань более мягкой и эластичной, ее подвергали специальной обработке: вымачивали, выколачивали, разминали — это делали женщины. Однако, если ткань предназначалась для правителя, весь цикл работ проводился мужчинами.

Изготовление мбала было делом несложным, и этим искусством владели многие бакуба. Напротив, чтобы по-

лучить бадинга или мусесе, нужно было особое умение, далеко не каждый мастер брался за эту работу. И делали эти ткани значительно реже, из них шили только праздничную одежду. Мусесе пользовалась особой любовью народа, так рассказывающего о происхождении этой ткани:

«В одно прекрасное утро Самба Микоп³ послал во все концы государства весть о том, что он хочет выбрать себе жену и приглашает всех девушек прийти и танцевать перед ним.

Конечно, каждой девушке хотелось стать женой короля, и все постарались выглядеть как можно красивее.

А девушка по имени Кашаши была не только самой красивой, но и самой искусной. Услыхала она эту весть и на несколько недель заперлась у себя в хижине. И там тайне покрыла всю свою юбку красивой вышивкой. Когда наступил великий день выбора невесты, Самба тотчас приметил эту юбку и не спускал с девушки глаз. Кашаши стала женой короля».

С тех пор бакуба делают мусесе [231, с. 230].

Это ремесло у бакуба сохранилось и тогда, когда европейские дешевые материи вытеснили местные у всех других народов бассейна Конго. Колониальные чиновники отмечали, что «наши хлопчатобумажные ткани как предмет обмена не слишком желательны в этом районе» [174, с. 174].

Не менее искусны были мастера-бакуба в плетении. Большие корзины, снабженные подставками из резного дерева, цилиндрические или круглые, были сплетены настолько плотно, что использовались для хранения сыпучих веществ. Мелкие и маленькие козиночки служили столовой посудой. Даже на рубеже XIX—XX вв. бакуба предпочитали эту традиционную утварь европейской металлической посуде, получившей быстрое распространение по всей Южной саванне. Из окрашенного тростника и волокон пальмы плели стены домов, настолько богато орнаментированные, что они представляли собой настоящие произведения искусства. Каждый дом отличался особым орнаментом и особым сочетанием цветов узоров [266, с. 254]. Бакуба были также известны народам саванны как умелые металлурги. Прерогативами на обработку металла обладали представители одной родственной группы — пианга матари. Они добыва-

ли руду, плавил ее в печах, очень несложных по устройству, а из полученных слитков ковали различный инвентарь: военные и парадные мечи, копья, кольца, булавы, ножи [26, с. 254]. Медь, ввозимую из Шабы и очень дорогую, употребляли только для орнаментации парадного оружия (инкрустация медью по железу). В далекой древности бакуба владели искусством делать метательные ножи — «шонго» с тремя короткими обоюдоострыми клинками.

Наконец, главное, что выделяет бакуба, — искусство резьбы по дереву. Помимо изготовления самых разнообразных предметов бытового назначения, как правило богато орнаментированных, скульпторы—резчики по дереву создали из полированного дерева семнадцать портретных скульптур правителей государства.

Что касается такой отрасли ремесла, как гончарство, то бакуба в конце XIX — начале XX в., хоть и знали его, но предпочитали покупать посуду в странах, лежащих к северу от междуречья Касаи-Санкуру [250, с. 193].

Таким образом, в XIX в. (а вполне возможно, одним-двумя столетиями ранее) бакуба были связаны внешней торговлей со странами к северу (гончарные изделия) и к юго-востоку (металл и изделия из него из Шабы). Однако все рынки были расположены на границах государства, и весь торговый обмен с другими народами саванны и лесосаванны бакуба вели именно на этих рынках. Сами бакуба ничего из своей страны не вывозили; им была неизвестна система отправки караванов в отдаленные области, районы. Торговцы и работоторговцы с Атлантического побережья, из страны бапенде, из Шабы и других районов не смели нарушать строжайший запрет пересекать границу государства Куба. Одна из характерных черт внешней торговли — отказ покупать европейские товары (например, ткани). Во внешней торговле использовали различные денежные единицы: раковины каури, альмандирилла (черно-белые бусины), медные кресты (ханда), куски ткани. Все эти формы денежного эквивалента имели строго установленные соотношения. Европейские наблюдатели (в частности, Л. Вольф) сравнивали каури, альмандирилла и медь с медными, серебряными и золотыми деньгами Европы [266, с. 229, 243]. Каури очень быстро вытеснили

альмандирилла (побывавшие у бакуба через 20 лет М. де Макар и Э. Тордаи нашли только каури) и стали твердой единицей обмена. Можно заметить и изменение их покупательной способности. Так, если в 1884 г. курица стоила 20—30 каури, коза — 800—1000, а невольник — 2000—5000 [266, с. 253], то эти же товары в 1905 г. стоили соответственно 400, 15000 и 60 000 каури [231, с. 93].

Рынки внутри страны были не только местом торговли, но и средоточием социальной жизни, местом общения [66, с. 127].

Необходимо отметить, что наряду с периодически функционирующими рынками в столице бакуба — Му-шенге уже существовал рынок, открытый для ежедневной торговли [151, с. 79; 266, с. 252]. Такого рода рынков не знало даже государство Конго в период расцвета. В конце XIX в. в государстве Куба были известны такие формы экономических отношений, как потеря прав на предметы за давностью, распродажа, отдача имущества под залог, кредит и проценты, долговые отношения [231, с. 90].

Сравнивая производительные силы и торгово-денежные отношения бакуба конца XIX в. с баконго в XVI—XVIII вв., мы видим большое сходство. Государство Куба, закрывшее для проникновения «чужих» (особенно европейцев) свои границы, более чем любое другое в Западной Экваториальной Африке, развивалось самостоятельно. Сложившись позднее, оно в XVIII—XIX вв. стояло на уровне развития баконго XVI—XVII вв.

Иное дело—два других государства: Лунда (на границах современных Заира, Замбии и Анголы) и Луба (к западу от оз. Танганьика). В сложные сами по себе процессы этногенеза и становления государственности здесь властно вмешивалась сначала европейская, а в XIX в. и арабская работоторговля.

В конце XIX в. балуба по уровню развития производительных сил стояли ниже бакуба. В отличие от последних у них повсеместно было распространено гончарство. Балуба было известно мастерство плетения, но их изделия значительно уступали изделиям бакуба. Ткачество, распространенное повсеместно, здесь носило характер домашнего промысла, а в XIX в. и совсем пришло в упадок в связи с появлением европейских тканей.

И качество тканей и орнаментация их не шли в сравнение с тканями бакуба.

Хотя балуба не знали портретной скульптуры, они соперничали с бакуба в резьбе по дереву [119, т. I, с. 229—230]. Недаром специалисты-искусствоведы в африканском деревянном искусстве выделяют стиль балуба в стиле Конго. Мастера-резчики, используя один кусок дерева, с помощью несложных инструментов (ножа, нескольких резцов, молоточка) делали самые разнообразные предметы: скамеечки под голову, ложки, рукояти, ступки, чаши, шпильки, лодки.

Кроме того, у балуба были и мастера высокого класса, облеченные особым доверием — бвана мутумбо, которые не делали вещей повседневного обихода, а занимались изготовлением ритуальных предметов и знаков достоинства знатных лиц. В частности, широко известны скамеечки и табуреты, на которых имели право сидеть лишь представители высших социальных групп. Несущая часть этих скамеечек — ножка — настоящая деревянная скульптурка, вырезанная из единого куска дерева: изящная антилопа, яростно сплетенные тела змей или склоненная под тяжестью сиденья, которое она поддерживает согнутыми над головой руками, женская фигурка. Обрядовые маски, амулеты, фигурки фетишей, жезлы — знаки власти вождей и т. п. — все это делали бвана мутумбо.

Существовала, однако, одна отрасль ремесла, которую можно считать полностью отделившейся от земледелия. В ней балуба обогнали все остальные народы Экваториальной Африки. Речь идет о металлургии: в первую очередь о выплавке меди, а также — железа. Слитками этих металлов (денежными единицами), а также различными изделиями из них они снабжали все народы внутренних районов бассейна Конго. Развитие металлургии в Шабе (район расселения балуба) было обусловлено обилием полезных ископаемых с выходом руды на поверхность. К концу XIX в. сложилось несколько центров металлургии [212, с. 58].

Добыча велась открытым способом [148, с. 370—400]. Подготовка инструментов, запасов продуктов, заготовка древесного угля проводилась с мая, после уборки урожая, до августа. На большей части Шабы существовали постоянные печи (иногда в качестве печи

использовали термитники) конусообразной формы (диаметр основания колебался от 30 см до 1,5 м; высота от 80 см до 2—3 м). Работы, связанные с плавкой, продолжались в течение полутора-двух месяцев [148, с. 370—400]. Обильный ассортимент рабочих орудий (мотыги, ножи, топоры), украшений (браслеты, шпильки для волос), оружия (наконечники копий, стрел), парадного (богато орнаментированного, инкрустированного) оружия изготавливали кузнецы-балуба.

У балуба начала складываться порайонная специализация ремесла, и в XIX в. многие деревни занимались уже определенным ремеслом (металлургией, гончарством и т. д.).

Существовали у них в это время и зачаточные формы организации ремесленников, однако такой развитой формы ремесленных корпораций, как у бакуба, здесь еще не сложилось.

Значительно уступали балуба западным государствам в уровне развития товарно-денежных отношений. У балуба в XIX в. не существовало постоянных (как в столице бакуба) или периодически работающих деревенских рынков. Обмен здесь осуществлялся группами торговцев, передвигавшихся по всей стране и очень напоминавших коробейников, известных нам по русской истории. Торговать в одиночку было опасно: дороги были беспокойны в этот период — время развития арабской работорговли [119, т. II, с. 790].

Однако во внешней торговле среди стран бассейна Конго Шаба играла особую роль. Мы уже писали, что она снабжала соседей металлом, а отчасти — солью. Европейская (XVI—XVIII вв.), а позже — арабская (XIX в.) работорговля привели к тому, что постепенно среди товаров внешней торговли стали преобладать рабы. Интересно отметить, что потоки внешней торговли и работорговли балуба (а в XIX в. — и государства Мси-ри) были в значительной мере направлены на восток и северо-восток. Говоря о торговле на дальние расстояния, Вансина полагает, что многие страны Межозерья (например, Руанда и Урунди) и Восточной Африки пользовались медью Шабы [243, с. 387].

В стране балуба не сложился единый денежный эквивалент. Роль денег выполняли рабы, бисер (кикви — низка из 10 бисеринок; кикамба — шейное ожерелье из

50 круглых или 100 плоских; мутунда — по числу бисеринок составлял два кикамба, его носили на поясе) [119, т. I, с. 137], слоновая кость, но главной их формой здесь издавна были различные виды медных денег: тяжелые и массивные медные кресты (12, 25 и даже 50 кг весом) и небольшие, в форме «мальтийского креста» — ханда; браслеты из медной проволоки (митага); медный слиток около 3 кг весом (милополо) [148, с. 373, 376, 400, 402]. В XIX — начале XX в., как и у бакуба, здесь существовала твердая «покупательная способность» всех этих мер стоимости; все они использовались только в качестве денег (ни один из видов «медных денег» не мог быть переплавлен для житейских нужд). Наиболее распространенной формой денежного эквивалента не только в Шабе, но и в обширном ареале стран, ее окружающих, были ханда. Так, Ливингстон видел эти «мальтийские кресты» в южных районах страны лунда в середине XIX в. [169, с. 362]; другие путешественники и исследователи — в разных странах Экваториальной Африки.

Балунда стояли на низшей ступени по сравнению с другими большими народами Западной Экваториальной Африки. О них мы имеем сведения от европейцев с середины XVIII в.: Мануэл Корреа Лейтану — путешественник-разведчик, посланный губернатором Анголы в 1755—1756 гг. в глубинные районы бассейна Конго, побывав в стране лунда [225].

Если Луба и Куба торговали лишь с соседними странами и народами, то балунда осуществляли контроль над длинными торговыми путями от границ с португальской Анголой на западе до озер Мверу и Танганьика на востоке, т. е. практически над всей центральной частью материка. Это хорошо и убедительно показал еще Я- Вансина [243, с. 375—391]. Это же подтверждают и более поздние авторы. Хотя балунда знали в XIX в. и ткачество, и плетение, и резьбу по дереву, и гончарство, и различные промыслы, но ремесло здесь не отделилось от земледелия, и изделия домашних мастеров не отличались высоким качеством [38, с. 205; 266, с. 45]. Да и само земледелие (судя по описаниям XIX в.) носило еще весьма примитивный характер. Так, Бауманн писал о балунда (по материалам экспедиции 1930 г.), что и охота и земледелие развиты у них в равной сте-

пени, так что трудно охотничий или земледельческий элемент считать преобладающим. И затем продолжает: «...лунда — совсем плохие земледельцы и отличные охотники» [84, с. 42].

Лишь металлургия и кузнечное дело представляли собой такую форму производства, занятие которым превратилось в наследственное право специалистов. Особенно славились своими кузнецами области Шинде и Казембе. Шинде чрезвычайно богата месторождениями железной руды, которые издавна разрабатывались. Казембе же известна своими медными изделиями. Ли-вингстон в своих путешествиях по Южной Саванне встречал людей, отправлявшихся в дальний путь на 5—6 дней только для того, чтобы купить в Казембе медные кольца [39, с. 193].

Постепенно и в стране балунда начали складываться торговые центры. Одним из них, по описанию Баптисты, была резиденция Казембе: «...он (казембе Кибангу-Ке-лека. — *Авт.*) очень хорош к белым торговцам, живущим при дворе, чтобы покупать и продавать такие вещи, как зерно, маниоковую муку, маис, просо, бобы, много сахарного тростника и рыбы, которую приносят люди с реки, называемой у них Муова. Слоновую кость приносят с другого берега реки Луапула, и она идет как дань; зеленые камни (малахит. — *Авт.*) находят в земле, называемой Катанга, торговцы из народа мунза приходят и покупают слоновую кость в обмен на ткань и товары; другой народ, тунгалаказа, привозит рабов и браслеты из латуни, каури, пальмовое масло и... большие белые жемчужины... есть также каменная соль, которая идет на уплату дани и посылается вождям...» [256, с. 75—76]. Важной областью деятельности Лунда была продажа рабов европейцам-работоторговцам и война с целью захвата их.

При всем различии исторических судеб изучение уровня производительных сил четырех наиболее значительных народов Западной Экваториальной Африки, создавших государственность, позволяет исследователю выделить четыре ступени развития: 1. Баконго и созданное ими государство — верхняя ступень; но последующее знакомство с европейцами и работоторговля, особенно тяжело отразившаяся на прибрежных народах, привели к постепенному упадку государственности и разру-

шению производительных сил. 2. Государство Куба — вторая ступень; здесь в силу целого ряда факторов развитие производительных сил и государственности шло естественным путем, без грубого вмешательства извне, а главное, без влияния европейской работорговли. 3. Государство Луба — третья ступень, характеризующаяся более низким уровнем развития производства, очень непрочным характером самого государства, находившегося лишь на ступени становления, когда в его жизнь вмешался такой фактор, как работорговля, сначала подстегнувшая развитие производительных сил и товарно-денежных отношений, а затем очень быстро разрушившая их. 4. Низшая ступень — государство Лун-да, характеризующееся очень низким уровнем развития производительных сил. Его становление — производное от развязанной европейцами работорговли, от обогащения и выделения правящей верхушки. Здесь основными формами производственной и торговой деятельности являются охота и война ради захвата рабов.

Таковы наши выводы относительно уровня развития производительных сил народов Великой Саванны.

Глава III

ИСТОРИЯ ДОКОЛОНИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КОНГО

В центре нашего исследования находится история государства и народных масс. Буржуазные историки утверждают, что Африка не знает ни социальных контрастов, ни протеста народов против угнетения, мы же стремимся показать, каким подспудно бурлящим морем был народ Конго (баконго) и какое огромное влияние он оказывал на внутривластическую жизнь страны. Протест народа против угнетения со стороны собственной знати и европейских пришельцев выливался то в стихийные крестьянские «бунты», то — в широкие народные движения, подобные «антонианской ереси».

История Конго интересна еще и тем, что перед нами разворачивается яркая картина многовековой борьбы баконго с европейскими захватчиками.

В основе текста главы лежат материалы монографии «История государства Конго». Здесь же мы останавливаемся на главных, на наш взгляд — поворотных вехах в истории баконго.

Первый вопрос, на котором следует остановиться — история происхождения народа баконго, основавшего государство Конго, и ранние этапы в его становлении.

Становление государства К о н г о. История возникновения государства Конго тесно связана с этногенезом и расселением народов банту по всей Экваториальной Африке. Вопрос о происхождении народа — одна из сложнейших проблем, требующих использования материалов самых различных наук — археологии, антропологии, сравнительного языкознания, этнографии. Африка, особенно Экваториальная Африка, изучена еще недостаточно. Поэтому наше повествование о происхожде-

нии народа Конго — баконго — представляет собой скорее всего «рабочую гипотезу». Она суммирует и сводит воедино материалы источников и мнения различных зарубежных африканистов — историков, лингвистов, социологов [см. 163; 245; 259; 263; 130].

Сложность проблемы усугубляется тем, что исторические предания, записанные в XVII—XVIII вв., содержат две, казалось бы, взаимоисключающие версии происхождения баконго. Одна из них свидетельствует о появлении предков баконго с севера, с правого берега р. Заир (Конго), другая — с востока. Однако новейшие данные по этногенезу банту, изложенные нами в главе I, позволяют снять это противоречие.

Мы уже писали, что в первых веках нашей эры на плато Катанга сформировался центр консолидации народов банту, откуда во второй половине первого тысячелетия началась «вторичная миграция». Выходцы из Катанги, следуя по многочисленным притокам р. Конго, расселялись по саванне к югу от стены тропического леса. Один из центров консолидации в результате «вторичной миграции» племен и народов, родственных баконго, сложился вдоль среднего течения р. Конго — от оз. Май Ндомбе и низовьев р. Касаи на северо-востоке до Малebo на юго-западе. Предания свидетельствуют, что в древности здесь существовало могущественное объединение — «государство» Нгууну. По-видимому, это был сильный союз племен, положивший начало многим народам этого района — баянси, балади, батеке и др. Одним из доказательств существования в среднем течении р. Конго древнего ядра этнической консолидации родственных племен служит удивительная близость языков народов, живущих в пределах «государства» Нгууну, и выходцев из этого района. Именно отсюда двинулись на запад предки народов, ныне населяющих низовья р. Конго. Часть переселенцев (сейчас — народ бавили) достигли берега Атлантического океана и основали государство Каконго, которое впоследствии завоевало небольшое государство Лоанго, созданное еще ранее группами банту, пришедшими на побережье с севера, через тропический лес. Другая группа — предки баконго — обосновалась на берегах небольшой реки Бунгу (Вун-гу). Переселение сопровождалось непрерывными столкновениями с более древними племенами, населявшими

побережье, этнически близкими современным амбунду Анголы (по-видимому, также проникшими на побережье с севера). Постепенно оттесняя амбунду к югу отдельные племена древних баконго перешли Великую реку и создали политические объединения — «княжества» Мбатта, Мпемба и Мпангу.

Следующий этап становления средневекового Конго — переселение на южный берег р. Конго большой группы юных воинов во главе с Нтину Вене (Ними а Лукени) ', сыном вождя области, расположенной на р. Бунгу. Собрав вокруг себя молодежь, он стал готовить ее к походу с целью завоевания богатых земель к югу от р. Конго. Непосредственным толчком к осуществлению этих замыслов послужило одно происшествие: перевозчик переправы через Великую реку нанес оскорбление Не Лукени — матери Нтину Вене. Храбрый юноша поклялся отомстить за это оскорбление, завоевав и переправу и земли к югу от реки. Он поклялся, что Не Лукени станет матерью великого вождя [140, д. I, с. 377; 154, д. I, с. 464; 201, д. СШ, с. 177]. И Нтину Вене выполнил это обещание, захватив область Мпемба Кази, ограниченную левыми притоками р. Конго — Луву и Луньонзо. По свидетельству миссионеров, спустя много веков правитель этой области носил титул «Мать короля Конго» («Нгв'анди а не Конго»; правителем нередко бывала женщина) — в знак того, что именно отсюда началось «собрание» земель государства Конго [93, с. 70—71].

Продолжая набеги, Нтину Вене объединил под своей властью обширную страну, протянувшуюся полосой по южному берегу Конго и названную «Нсунди». Владения Нтину Вене вскоре подошли к границам княжества Мпемба, которым правил мани (глава, вождь, правитель) Кабунга. Нтину Вене предложил ему союз и скрепил этот союз женитьбой на его дочери. А своим воинам велел жениться на местных девушках: «знатные — на знатных; из простого люда — на простых», — подчеркивают предания [140, д. I, с. 377—378]. Поддержка мани Кабунга помогла Нтину Вене завершить «собрание» земель государства Конго. Народное собрание княжества Мбатта, пришедшего в упадок вследствие раздоров между знатью, вынесло решение о добровольном подчинении Нтину Вене. Без больших усилий были за-

воеваны прибрежные области — Сойо и Мбамба. Так завершилось объединение всех шести провинций, составивших основу государства Конго. Согласно преданиям, еще при жизни Нтину Вене его власть признали небольшие государства к северу от устья Конго — Нгойо, Ка-конго и Лоанго. Эти отношения были также скреплены брачными узами. Нтину Вене предания приписывают и присоединение обширных государств к югу и к востоку от Конго — Ндонго (Ангола), Матамбы, вплоть до земель, населенных суку (южных батеке), близ Стенли-Пула (Малебо) [197, с. 346—347].

Утвердившись у власти, Нтину Вене выбрал в качестве резиденции скалистый и почти неприступный холм в центре провинции Мпемба. Здесь по его приказу была построена столица государства — Мбанза-Конго. Для этого необходимо было проложить удобную дорогу от подножия к вершине холма и засыпать большое и очень глубокое озеро на вершине. Это потребовало огромных усилий: землю доставляли снизу, высыпали в озеро и утрамбовывали, но подземные воды, питавшие озеро, нашли другие выходы. Именно так, согласно преданиям, возникли те многочисленные фонтаны и водопады, которые часто упоминают путешественники и миссионеры XVI—XVII вв. [160, т. II, 349—351]. Площадь, образовавшуюся на месте засыпанного озера, впоследствии использовали для торжественных церемоний, смотра войск, народных собраний. Сопоставление и анализ данных самых различных источников привели исследователей к выводу, что создание единого государства Конго относится к 70—80-м годам XIII в. [129, с. 9].

По-видимому, расцвет государства Конго приходится на XV в. Португальцы, в конце XV в. проникшие в Конго, застали его правителей в зените славы. Анализируя архивные источники, Ж. Кювелье приходит к выводу, что площадь государства в это время составляла около 300 тыс. кв. км (600 км по побережью и 500 км в глубь континента) [129, с. 9]. Для сравнения напомним, что площадь Португалии в три раза меньше (91 тыс. кв. км).

После периода войн и междоусобий, периода собирания земель и укрепления власти королей Конго, вся страна находилась в состоянии мира и покоя. Оживленная торговля связывала не только провинции и области государства, но и соседние страны, лежавшие в глуби-

Статуэтки святого Антония. Баконго (дерево)

не континента. Правителем государства был Нзинга а Нкуву. Именно в его правление в жизнь народов Экваториальной Африки вторгается новый фактор: европейские пришельцы «открыли» страну.

Проникновение португальцев. Первые христианские короли Конго. Королем Португалии была направлена к берегам Африки экспедиция Диогу Кана, которая в 1482 г. открыла устье р. Конго².

Вторая экспедиция Кана имела место в 1485 г. В состав экспедиции входило четыре миссионера. Узнав, что они находятся во владениях правителя Конго, резиденция которого расположена в глубине страны и называется Мбанза-Конго, Диогу Кан отправил к правителю Конго послов с подарками. Согласно сообщениям португальских хронистов, посольство состояло из миссионеров [129, с. 258—259].

Послы благополучно прибыли в Мбанза Конго, но Нзинга а Нкуву, пораженный необычным видом посланцев, а также самими подарками, не хотел отпускать их.

Кан полагал, что они либо в плену, либо убиты. Воспользовавшись доверчивостью местных жителей, он захватил четырех заложников из числа знати прибрежной провинции и отправился в обратный путь. Перед отъездом он дал обещание жителям побережья, возмущенным неожиданным насилием, вернуться «через 15 лун» и привезти пленников целыми и невредимыми. Уже в пути заложники научились объясняться по-португальски. В Лиссабоне они были обласканы королем Жуаном II, при дворе их принимали как знатных гостей. По прошествии времени, которым Кан ограничивал свое пребывание в Португалии, Жуан II снова послал его к устью р. Конго с богатыми дарами королю Конго. Вместе с этой, третьей по счету, экспедицией Кана в Конго отплывали заложники-баконго, щедро одаренные королем Португалии. Эта экспедиция состоялась в 1487—1488 гг. Прибыв в устье Великой реки, она была встречена с большой радостью прибрежным населением: заложники вернулись целыми и невредимыми. Кан отправил их сразу же к королю Конго. Вскоре из Мбанза Конго прибыли португальцы-миссионеры, отпущенные королем Конго [96, т. I, д. 7—9, с. 33—42].

Вслед за этим и сам Диогу Кан отправился в Мбанза Конго, где был с почестями встречен королем Нзинга а Нкуву.

Результаты третьего путешествия Кана в Конго были таковы: он увозил с собой богатые подарки и официальное посольство короля Конго, состоявшее из нескольких представителей знати. Во главе посольства стоял Касута, один из четырех баконго, уже побывавших в Португалии. Вместе с ним было отправлено не-

сколько знатных юношей для обучения письму и чтению, а также для того, чтобы узнать основы новой веры и принять крещение. Послу поручалось от имени короля Конго просить португальского короля прислать миссионеров (чтобы крестить правителя и все население страны), а также мастеров-плотников и каменщиков для строительства церквей.

Диогу Кап вернулся в Португалию в декабре 1488 г. Послы короля Конго были приняты королем Португалии по всем правилам дипломатического этикета. Уже это одно показывает, какое большое значение в то время придавали в Португалии проникновению в бассейн Конго. Более того, крестным отцом Касуты (первого муконго, принявшего крещение) был сам король Жуан II, а крестной матерью — королева: честь для иностранца, тем более африканца, неслыханная при дворе [96, т. 17, с. 71]. В конце 1490 г. в Конго отправилась новая экспедиция, на трех кораблях которой разместились миссионеры, везшие с собой церковную утварь, ремесленники с семьями и все крещеные баконго. В марте 1491 г. экспедиция прибыла в королевство Конго, в порт Мпинда провинции Сойо.

Здесь была спешно построена и освящена первая церковь и миссионеры крестили мани Сойо и его сына. Это произошло 3 апреля 1491 г. [96, т. I, д. 16, с. 61 — 65]. «И чтобы увековечить этот день,— пишет Руй ди Пина,— в память первой мессы... король приказал отныне и впредь под угрозой смертной казни отмечать этот день как большой праздник» [96, т. I, д. 16, с. 68]. Так началось насаждаемое сверху и «под угрозой смертной казни» распространение христианства в Конго!

Караван, состоявший из миссионеров, ремесленников и части экипажа во главе с капитаном, направился в столицу. Мани Сойо выделил для них 200 человек стражи и большой отряд носильщиков. Это свидетельствует о многочисленности миссионеров, отправленных в Конго португальским королем. В столице их ждал торжественный прием. Хронист ордена доминиканцев пишет: «Казалось, будто собрано все королевство» — и утверждают, что было более ста тысяч человек [140, с. 22].

Мастера, привезенные из Португалии, приступили к строительству церкви. 3 мая 1491 г., в день закладки церкви, миссионеры крестили короля Нзинга а Нкуву,

получившего имя Жуана I, и вместе с ним шесть человек из высшей знати. Эта поспешность была вызвана тем, что на северо-востоке страны вспыхнуло восстание и король со знатью должен был отправиться на его подавление.

Вслед за первой группой знати приняли крещение королева и наследник престола Мвемба Нзинга, в то время правитель Нсунди, будущий король Аффонсу I. Затем миссионеры начали совершать массовые обряды крещения [96, т. I, д. 21, с. 85; д. 31, с. 133; д. 32, с. 32].

Проникновение португальцев и распространение новой веры проходило далеко не гладко. Недовольство простого населения этими нововведениями было, по-видимому, основной причиной большого восстания, вспыхнувшего в северо-восточных районах провинции Нсунди. В хронике Франческо да Санта Мария прямо сказано о том, что народный гнев был направлен против правителя Нсунди — Мвемба Нзинга — яркого приверженца новой религии [96, т. I, д. 32, с. 139].

Когда Нзинга а Нкуву (Жуан I) во главе большой армии выступил в поход против восставших, к нему присоединился отряд португальских матросов [96, т. I, с. 137—140].

Король одержал победу над восставшими «с помощью португальцев, которые его сопровождали» [203, с. 284, цит. по 129, с. 279], пишет анонимный автор «Истории королевства Конго». Для нас это свидетельство весьма существенно. Оно помогает понять движущие причины быстрого обращения в христианство правящей верхушки Конго: король Конго впервые испытал на собственных подданных силу огнестрельного оружия и убедился в тех существенных преимуществах, которые давали ему связи с заморской державой.

Между тем в Конго после первых и быстрых успехов португальцев начали преследовать неудачи. Наиболее значительной из них было отречение Жуана I от христианства и возвращение его к традиционным верованиям. По-видимому, этот шаг его побудило сделать недовольство проникновением иностранцев, нараставшее в народе. Новая религия и увлечение короля заморскими связями встретили оппозицию и среди большой группы знати. Во главе ее стал один из сыновей короля, правитель провинции Мпангу — Мпанзу а Нзима Китима,

отказавшийся стать христианином. Эта группа знати настаивала на том, чтобы королю наследовал именно Мпанзу а Нзима, а не Аффонсу Мвемба Нзинга, симпатии которого к португальцам и новой вере были хорошо известны.

К началу 1495 г. король отослал Аффонсу в провинцию Нсунди и вместе с ним не только миссионеров, португальцев, но и всех знатных баконго, принявших крещение. С этого времени центр христианской религии переместился из Мбанза-Конго в Мбанза-Нсунди, столицу провинции Нсунди. В документах, оставленных Аффонсу, имеется ряд указаний на то, что именно сюда, а не в столицу Конго направляет миссионеров новый король Португалии Мануэл I [201, д. IX, с. 6—10; д. X, с. 11].

Когда Аффонсу удалился в провинцию Нсунди, ему было около 35 лет. Дружба его с миссионерами и усердие в делах веры были не случайны: он верил, что португальцы не оставят его без помощи в борьбе за престол, которая предстояла ему после смерти отца. Упорная привязанность Аффонсу к новой вере и ее проповедникам привела к тому, что он и его приверженцы стали предметом неприязни и придворной знати и народа. Он сам позже писал об этом: «Удалившись от заблуждений идолопоклонства, в которых жили до сих пор мои предки, я сохранил истинную религию... Храня ее и следуя ей согласно наставлениям миссионеров и португальцев, верных христиан, я подвергался большой неприязни со стороны короля, моего отца, знати королевства и их людей» [200, д. IX, с. 7].

Нсунди становилось маленьким государством в государстве, со своими законами, своей верой. Аффонсу ревностно насаждал христианство, угрожая смертью всякому, кто сохранит в своем доме предметы древнего культа. Жуан I принял решение сместить сына с поста, занимаемого им, и приказал ему явиться в столицу. Но Аффонсу не спешил повиноваться.

К началу XVI в. страна разделилась на два враждующих лагеря: один — во главе с Пансу а Китима (Мпанзу а Нзима Китима), которого источники называют младшим братом Аффонсу; его поддерживало большинство населения и знати; другой — во главе с Аффонсу, опиравшимся на небольшую группу знати, приняв-

шую христианство, и на помощь португальцев. По традиции король, наметив наследника, посылал его править провинцией Нсунди.

Таким образом, оставаясь во главе этой провинции, Аффонсу имел большие преимущества перед своим соперником. Однако окончательно имя наследника становилось известным обычно уже после смерти короля. Три высших должностных лица («выборщики») оставались при короле до самой его кончины. Именно им он передавал свою последнюю волю. Чаще всего эти представители знати по взаимной договоренности сами определяли кандидатуру наследника. День смерти короля тщательно хранился в тайне, пока «выборщики» не давали знать избранному ими преемнику престола, чтобы тот готовился к борьбе. Этим избегалось большое кровопролитие и длительные междоусобные войны.

Не дождавшись смерти короля, королева-мать послала тайно к Аффонсу гонца предупредить, чтобы он собирал своих сторонников. Аффонсу с преданными ему людьми быстрым маршем направился к Мбанза-Конго и через три дня был уже недалеко от столицы. Здесь в его лагерь явился второй посланец, который известил о смерти короля и передал совет королевы ночью войти в столицу. Аффонсу, последовав совету, занял центральную площадь, господствующую над городом, и церковь.

В сражении, разыгравшемся днем, он одержал победу, несмотря на численное превосходство противника. События эти произошли в июле 1506 г. [96, т. I, д. 33, с. 144—145; 129, с. 108—110].

С победой и воцарением Аффонсу (1506—1543) начинается длительный период в истории Конго, который многие авторы считают временем расцвета государства. Действительно, сам Аффонсу I пользовался большой властью и авторитетом, а государство было едино и крепко. Однако воцарение его открыло широкую дорогу проникновению в страну европейцев — авантюристов и работорговцев.

Этим самым правление Аффонсу положило начало все разрастающимся междоусобицам и войнам, главной целью которых был захват пленных для продажи их в рабство,

История Конго в начале XVI в. и первые признаки упадка. Народное движение против Аффонсу I не утихало в течение нескольких лет после его воцарения, поэтому король не решался на открытую борьбу со сторонниками старых верований, не заручившись поддержкой португальцев и не получив от них огнестрельного оружия. Однако расчеты на эту помощь не оправдались. Король дважды становился жертвой обмана со стороны португальцев. Дорогие подарки короля они присвоили себе, а огнестрельного оружия он так и не получил.

Только через несколько лет, утвердившись собственными силами у власти, Аффонсу решился открыто выступить против традиционных культов, огнем и мечом уничтожая «хижины фетишей». «Мы начали жечь всех идолов. Когда люди увидели это, они повсюду объявили меня злым человеком» [201, д. XII, с. 16], — пишет он.

Борьба с традиционными культами вызвала новую волну народного движения. Во главе недовольных встал племянник короля, правитель провинции Мбатта — Жоржи. Народные массы решительно встали на его сторону. Положение в стране очень быстро стало настолько серьезным, что вся знать баконго, забыв свои междоусобицы, выступила единым фронтом на защиту короля. Жоржи принес королю повинную, отрекшись от своих союзников из простого народа [261, д. XII, с. 16]. Косвенные данные позволяют говорить, что эти события имели место в 1508—1510 гг.

Лишь к началу 1512 г. народные волнения на короткий срок затихают. Именно к этому году относится широкое оглашение так называемого «Официального письма короля Аффонсу I главным господам своего царства» [200, д. IX, с. 6—10], в котором он подводит итоги первых лет своего правления, рассказывает об основных событиях, связанных с моментом вступления на престол и последующей борьбой за власть.

Однако спустя несколько лет волнения непокорных подданных в разных провинциях обширного и неспокойного королевства возобновляются. Об одном из восстаний повествует португальский хронист Гоиш. Рассказывая о прибытии в 1516 г. группы португальцев в Конго и о торжествах по этому случаю, он упоминает о побе-

доносной войне, которую вел в это время Аффонсу с некоторыми из своих «мятежных вассалов» [96, т. I, д. 106, с. 373—374].

Отношения с Португалией в течение первой половины правления Аффонсу I были крайне противоречивы: с одной стороны, официальная любезность португальского двора и короля, именующего короля Конго «своим братом», с другой — откровенная наглость и беззастенчивый грабеж королевства португальскими авантюристами и духовенством, наводнившим страну в погоне за легкой наживой. О некоторых особенно возмутительных фактах Аффонсу упоминает в своих письмах королю Португалии [201, д. XII, с. 18; и др.].

В 1515 г. Аффонсу вынужден был просить короля Португалии вмешаться в миссионерские дела, чтобы покончить с распущенностью «недостойных проповедников католической веры», чья жадность и пристрастие к власти вызывали отвращение народа [96, т. I, с. 335—338].

Одним из главных направлений внутренней политики Аффонсу была забота о европейском образовании знатного юношества. Из числа этой знати вышел первый «черный епископ» Африки — сын Аффонсу — Энрике. Обласканный при португальском дворе, Энрике учился в монастыре св. Иоанна Крестителя и провел в Португалии десять лет.

В 1513 г. Энрике отправился в Рим, чтобы быть представленным папе Льву X. Возведение Энрике в сан епископа Утики³ было произведено 5 мая 1518 г. В Конго он уехал в 1521 г. и возглавлял церковь вплоть до кончины (1539 г.) [96, т. I, д. 116, с. 414—415; д. 140, с. 461; т. II, д. 27, с. 73; 130, д. I, с. 94—97; 201, д. XXII, с. 46].

В правление Аффонсу I Конго все больше и больше втягивается в работорговлю. Открытие Бразилии в 1500 г. и создание там в первой половине XVI в. плантационных хозяйств, нуждавшихся в рабочей силе, дали толчок невиданному развитию работорговли. Одной из главных областей, поставлявших рабов, было побережье Западной Экваториальной Африки.

В Португалии была создана Компания по торговле и работорговле в Конго, которая добилась от короля Конго исключительного права на вывоз рабов. В при-

брежных поселениях, вскоре превратившихся в небольшие портовые города, были созданы португальские фактории, куда должны были поступать рабы как от короля Конго, так и от комиссионеров (факторов), представителей Компании. Эти комиссионеры были посланы в глубинные районы страны и развернули там столь бурную деятельность, что плоды ее стали сказываться очень быстро. Король Конго, отдавая Португалии право на вывоз рабов, рассчитывал, что работорговля пойдет через его руки и даст ему дополнительные и значительные доходы. Деятельность комиссионеров опрокинула эти расчеты. На исходе первой четверти XVI в. начинают сказываться пагубные последствия работорговли.

Именно в это время Афонсу впервые настоятельно просит «своего брата», короля Португалии, прекратить отpravку комиссионеров в королевство Конго. Он прямо пишет, что государство разваливается, правители пограничных областей отказываются повиноваться ему, королевство опустошается, «уроженцев страны, сыновей земли и сыновей нашей знати и вассалов и наших родственников уводят как воров и людей с дурной репутацией...» [96, т. I, д. 142, с. 470]. Ничем не прикрытые горечь и отчаяние звучат в словах короля.

В конце правления между Афонсу и португальским духовенством назрел серьезный конфликт. Желая «убрать» слишком самостоятельного, по мнению португальцев, правителя, мешавшего духовенству развернуть свои «таланты» в деле наживы, а главное, работорговли, «святые» отцы организовали заговор против короля. В пасхальные дни 1540 г. некий священник Алвару стрелял в него в церкви, когда Афонсу выходил с мессы. Пуля не задела короля, но один человек из его свиты был убит и двое ранены. Правитель Конго в своем письме португальскому королю, рассказывая об этом покушении, не преминул отметить: «Господь даровал нам жизнь, дабы мы служили ему» [96, т. II, д. 39, с. 104—105]. В том же году был раскрыт замысел второго покушения на короля. Единственным наказанием злоумышленнику послужила высылка его за пределы государства.

Конго во второй половине XVI в. и наше- ствие яга. Двухлетний период междоусобий, последо- вавший за смертью Афонсу I (1543 г.), завершился по-

бедой Диогу (внука Аффонсу), который вступил на трон в 1545 г.

Процерковная историография изображает Диогу деспотом, который вел образ жизни, несовместимый с догматами христианской веры. Однако не следует всерьез принимать эти утверждения. Дело в том, что Диогу был одним из немногих правителей Конго, который пытался проводить самостоятельную политику и боролся с проникновением европейцев. Это и привело его к конфликту с церковными властями. Диогу хорошо понимал, какую опасность таит в себе сомнительная дружба португальских королей, и признавал, что опираться на католическое духовенство и папу бессмысленно. И духовенство (в основном португальское по происхождению), и представители португальского двора, и частные лица-португальцы составляли единый лагерь, враждебный и беспощадный к народу и правительству Конго.

Священник или миссионер-работорговец становится все более характерной фигурой среди конголезского духовенства. Автор документа «Информация о делах в Конго» (1553) не случайно дает совет королю Португалии запретить епископу о-ва Сан-Томе вмешиваться в дела, связанные с назначением священников в Конго: при его посредничестве в страну попадают люди, показывающие дурной пример уроженцам Конго, а главное, священники-работорговцы [96, т. II, д. 104, с. 327—328].

После ссоры с иезуитами и высылки главы миссии в столице началось избиение португальцев и католического духовенства. Повсеместно прекратили функционировать рынки рабов. Тогда духовенство попыталось воспользоваться честолюбивыми помыслами некоторых представителей крупной знати баконго, организовав заговор, но один из участников испугался последствий и поведал о нем на исповеди священнослужителю-муконго, а тот передал все королю. Виновные предстали перед судом в апреле 1550 г. Заговорщики понесли сравнительно легкое наказание (их лишь отстранили от должностей). Обстановка в стране вновь стала напряженной, и король не решался усугублять ее массовыми расправами со своими недругами [96, т. II, д. 86, с. 248—262].

Основное содержание второй половины правления короля Диогу I — борьба с португальцами-работоргов-

Табурет. Балуба (дерево)

цами и с католическим духовенством. В октябре 1554 г. он выслал своего духовника, который, однако, вскоре вернулся по приказу короля Португалии, но жил уже не в столице, а в Мпинда. В ответ на это, спустя несколько месяцев (в 1555 г.), последовал приказ Диогу о том, чтобы все «белые» немедленно покинули пределы страны. В подкрепление приказа в порт Мпинда было прислано около 5—6 тыс. воинов, которые

должны были при необходимости применить силу, дабы осуществить изгнание всех португальцев. Вместе с ними страну покинули все иезуиты [96; т. II, д. 118, с. 371; д. 120, с. 374—375; д. 122, с. 180—181].

В конце правления Диогу I Португалия делает первые, пока еще очень осторожные попытки проникнуть в страны, лежащие к югу от Конго, и утвердиться там. Именно к этому времени относится первая экспедиция Паулу Диаша ди Новаиша в Конго и Анголу (1560 г.). Прибыв в Конго, глава экспедиции и лица, его сопровождавшие, повели себя как в завоеванной стране, что вызвало тревогу и негодование короля Диогу I. Протест его, выраженный в письме Себастьяну [96, т. 2, д. 168, с. 446—448], был принят к сведению, и король сделал соответствующее внушение Новаишу [96, т. 2, д. 162, с. 465—468]. Тот покинул Конго и 3 мая 1560 г. уже высадился в устье р. Кванза. В Анголе он и его спутники были арестованы. Самого Новаиша освободили сравнительно быстро, а миссионеры находились в плену несколько лет [96, т. 2, д. 197, с. 566—569]. Таков был результат первой попытки португальцев проникнуть в Анголу.

Диогу I умер в 1561 г. После его смерти начинается один из «смутных» периодов в истории Конго. Португальцы попытались посадить на престол своего ставленника — Аффонсу II. Несомненно, это очередное вмешательство португальцев во внутреннюю жизнь страны

явилось каплей, переполнившей чашу народного терпения. Недаром такой осведомленный историк, как Казн, пишет, что речь идет «о национальной революции, вызванной интригами португальцев» [171, с. 161].

События развивались следующим образом. После провозглашения Аффонсу II королем повсюду начались выступления против него и португальцев. В октябре 1561 г. группа знати при поддержке простого населения столицы схватила и казнила Аффонсу II. Убийство его послужило сигналом к началу всеобщего восстания, направленного прежде всего против португальцев. Ненависть к ним была так велика, что за оружие взялись все: и принцы, и знать, и правители провинций. Во время этих волнений уцелело и сохранило имущество лишь духовенство, еще не потерявшее своего престижа в глазах народа. Уцелели и церкви. Более того, служба в них не прекращалась на протяжении всего этого «смутного» времени. Движение возглавил брат Аффонсу II, провозглашенный королем в том же, 1561 г. под именем Бернарду I [96, т. II, д. 166, с. 474; 130, с. 21]. Уже в самом начале его правления португальские резиденты характеризуют его как врага португальцев и христианской веры [96, т. II, д. 167, с. 480—481]. Народное движение не утихло и после его воцарения, не прекратились и попытки португальцев вновь посадить на престол своего ставленника (заговор 1563 г.) [96, т. II, д. 182, с. 533].

К этому же «смутному времени» относятся все более частые вторжения в пределы Конго народов внутренних областей бассейна р. Конго. Бернарду I вынужден был держать значительные военные силы на северо-востоке страны, где восставшие анзиче⁴ пытались выйти из-под власти королей Конго (в XV — начале XVI в. прочно державших в своих руках эти области). И Бернарду I (в 1567 г.) и его брат и преемник Энрике I (в 1567 или в 1568 г. — точно не установлено) были убиты во время войн с анзиче [96, т. II, д. 186, с. 543; 201, д. XCVI, с. 166].

В начале 60-х годов на восточных границах Конго появились яга. Вторжение яга — одна из наиболее мрачных страниц истории Конго. Неизвестно происхождение этого народа, не раскрыто до конца своеобразие его общественной организации.

Придя из глубин Экваториальной Африки, этот народ жил в непрерывном движении, не имея постоянных жилищ и поселений, и разбивал военный лагерь там, где заставлял приказ вождя остановиться. Что послужило причиной их миграции, нам неизвестно. Современники-европейцы описывают яга как варваров, людоедов. Ка-вацци сравнивает их с варварскими народами раннего европейского средневековья — готами, вандалами и др. [160, т. II, с. 89].

А. Беттел, английский моряк, проживший среди яга около двух лет, пишет об огромной власти и непрекращаемом авторитете их военных вождей, об их жестокости. Подобно туче саранчи, яга все истребляли и опустошали на своем пути [83, с. 28—29].

Сложен был этнический состав народа. Женщины яга, подобно мужчинам, носили оружие и участвовали в сражениях. Обычай не разрешал иметь детей: каждого новорожденного убивали. Чтобы восполнить неизбежный урон, который несло войско в непрерывных войнах и набегах, яга охотно включали в свой состав мальчиков, подростков и девушек тех племен и народов, на территории которых они вторгались и чье взрослое население истребляли в подавляющей массе или поголовно [83, с. 32—33].

Борьба с яга развернулась в правление Алвару I, пришедшего к власти в 1568 г.

Провинция Мбатта первой приняла их удары. В течение некоторого времени войска правителя Мбатта сдерживали врага. Однако полчища яга уничтожили воинские заслоны и начали быстро продвигаться во внутренние области государства. Они разбили армию, высланную против них королем, и двинулись дальше.

За короткое время яга подошли к столице. Страх населения был настолько велик, что оно в панике бежало при одной вести о приближении яга. Король с остатками армии решил укрыться в Мбанза-Конго. Однако, когда яга подошли к столице и расположились лагерем на равнине, *оглашая* ее яростными криками, Алвару I понял, что естественные преграды и стены города не спасут его от страшного врага. Собрав небольшую армию (всех, кто уцелел), он спустился на равнину и вышел навстречу яга. Его небольшое и к тому же деморализованное войско было разбито и бежало. Король,

оставив столицу на разграбление яга, со свитой и придворными нашел пристанище на одном из островов р. Конго [130, д. 18, с. 125; 171, с. 165—167; 131, с. 352—358].

Разграбив Мбанза-Конго (Сан-Салвадор), яга разделились на отряды и направились во все провинции государства. Спасшиеся жители бежали в горы. В стране начался голод и эпидемия чумы. Беженцы тысячами гибли. Народными бедствиями поспешили воспользоваться работорговцы с о-ва Сан-Томе. Обменивая продукты на рабов, они наживали огромные состояния. Отцы продавали детей и сами шли в рабство, чтобы избежать голодной смерти. По словам европейцев, в рабство отдавали за кусок хлеба [131, с. 358; 171, с. 167—169]. Прибыли португальских работорговцев были баснословными. Однако люди дальновидные и в Португалии и на о-ве Сан-Томе понимали, что если яга не изгнать из страны, массовое истребление населения приведет к ликвидации одного из самых процветающих рынков рабов в Нижней Гвинее.

Доведенный до отчаяния, Алвару I написал королю Португалии Себастьяну, что, если он не придет на помощь, то разорение страны будет полным [171, с. 165]. Именно соображения собственной выгоды заставили короля Португалии откликнуться на этот призыв. Вооруженный отряд из 600 человек под командованием Франсиску ди Говейя в 1571 г. прибыл в устье р. Конго [154, док. 1, с. 473]. Высадившись на берегу, Говейя предложил королю, его приближенным и всем, кто был способен носить оружие, присоединиться к его войскам. Затем он быстрым маршем направился к лагерю яга и, неожиданно напад, обратил их в бегство. Большую роль в этой победе сыграло огнестрельное оружие, особенно бомбарды. При первых же звуках пушечной канонады яга в панике бежали. Однако война продолжалась полтора года. За это время отряд Говейя, разросшийся в большую армию за счет баконго, изгнал яга за пределы территории государства Конго. Король был восстановлен в своих правах и вернулся в сожженную и разграбленную столицу. Говейя еще несколько лет пробыл в Конго, осуществляя негласное руководство страной. Алвару I заплатил за эту помощь официальным (в письменной форме) признанием себя вассалом короля

Португалии [текст не найден; материалы см.: 96, т. III, д. 23, с. 146].

На протяжении длительного периода, последовавшего за вторжением яга, правители провинции Мбатта вынуждены были держать на восточных границах большие вооруженные отряды, чтобы помешать этим «варварам» вновь проникнуть в пределы государства [90, с. 359].

После изгнания яга страна медленно залечивала раны. Население, уцелевшее во время нашествия, вернулось в деревни. Возобновились работы на полях, миновала угроза голода. Однако в стране было неспокойно. Имеются данные, свидетельствующие о том, что в это время, как и в годы после смерти короля Диогу I, снова начинает назревать волна народного недовольства [137, с. 71—72]. Угроза новой народной войны, заставлявшая португальцев бежать из страны, была одной из косвенных причин, ускоривших колониальные захваты Португалии, но не в Конго, а в Анголе.

Еще в конце 1571 г. король Португалии жалует «дарственное письмо» будущему завоевателю Анголы — Но-ваишу. Согласно этому документу, Новаиш в случае покорения страны получал два больших участка земли в наследственную собственность, право на десятую часть с доходов от улова рыбы, третью часть от королевских доходов с земель и многое другое [96, т. III, д. 4, с. 36—51]. В феврале 1575 г. экспедиция Новаиша высадилась в устье р. Конго. Началась война народа Анголы с португальцами.

История этих войн — героическая и незабываемая страница истории борьбы африканских народов с иноземными захватчиками. Заслуженной славой пользуется, например, имя королевы Нзинги Мбанди Нгола — организатора и вдохновителя длительной войны против португальцев.

Что касается Конго, то из всех злоключений (войны, нашествия яга и пр.) оно вышло обескровленным и ослабленным. Оно стояло на грани государственного распада. Набожный король, ненавидя португальцев, не видел иного средства укрепить государство и свою пошатнувшуюся власть, кроме обращения с просьбами о помощи к Ватикану, кроме укрепления роли христианской церкви в Конго.

В эти тяжелые годы он отправляет одно за другим

четыре посольства в Лиссабон и Мадрид⁶. Инструкции послам содержали непрямым пунктом просьбу о присылке миссионеров [96, т. III, д. 97, с. 362—364; док. 23, с. 166—170; 130, д. 19, с. 160—161]. Попытка правителя Конго добиться у папы отмены «права патронажа» Португалии и передачи Конго целиком под духовную опеку папского престола потерпела неудачу [130, д. 18, с. 128—130; 171, с. 177—180].

Конго в XVII в. Наследник Алвару I — Алвару II (1587—1614) победил своих соперников лишь благодаря чистой случайности: его брат, одержав победу, был убит в конце сражения, как раз в то время, когда его воины преследовали жалкие остатки войска короля [96, т. III, д. 92, с. 347]. Эта «странная победа» в церковной историографии не раз трактовалась в мистическом плане. Нет сомнения в том, что она способствовала укреплению роли христианства в стране, ярким проводником и защитником которого был новый король (см. указ о покровительстве миссионерам) (96, т. III, д. 90, с. 344—345].

Вскоре после вступления Алвару II на престол обостряются его отношения с губернаторами Анголы.

Укрепление позиций Португалии в Анголе не прошло бесследно для Конго. Сепаратистские тенденции правителей провинций нашли выражение в новом восстании, несомненно поощряемом захватчиками. Правитель провинции Мбамба стал во главе этого восстания. В одном из писем (1 марта 1591 г.) сообщается, что многие представители знати баконго восстали против короля, отказываясь ему подчиняться. При этом особенно независимо ведет себя правитель провинции Сойо [96, т. III, д. 117, с. 423—434].

По-видимому, королю на этот раз удалось собственными силами подавить восстание и подчинить мятежников. Об укреплении королевской власти косвенно свидетельствуют документы последнего десятилетия XVI в. В них часто говорится о помощи короля Конго силам народного сопротивления в Анголе, о «тайной войне» которую он вел против португальцев [96, т. III, д. 88, с. 340—341; д. 120, с. 429; т. IV, д. 131, с. 533—545].

По мере обострения отношений с португальцами все более отчетливо проявляется стремление Алвару II заинтересовать папский престол судьбами «христианского

королевства» в Тропической Африке и опереться на его помощь и поддержку в борьбе с ними. Яркое свидетельство тому — «Сообщение» [171], написанное Ф. Пи-гафеттой со слов Д. Лопиша, прожившего в стране четыре года в конце 70-х — начале 80-х годов и отправленного королем Конго в Рим. «Сообщение» это заставило папскую курию направить в Конго приглашение прислать официальное посольство. В 1596 г. папской буллой Конго было выделено в особое епископство (диоцез) — Сан-Салвадор [96, т. III, д. 158, с. 533—538]. Однако это событие, которое Алвару II рассматривал как большую удачу своей политики, обернулось против Конго: епископы-португальцы верно служили своим европейским хозяевам.

После создания в Конго особого диоцеза между высшим духовенством, третировавшим «черного короля», и правителями Конго конфликты обострились. Посольство 1604 г. в Рим увозило длинный список жалоб и просьб папе («Инструкции» послам от 27.VII.1604) [130, д. 52, с. 260—269]. Характерен в этой связи тот пункт «Инструкции», в котором король Конго просит оградить себя (свою власть) от высокомерия со стороны епископов: епископам должно быть указано их место и они не имеют права вмешиваться в дела, их не касающиеся. Алвару II добивался также права назначать духовенство на месте, оставив за королями Испании лишь право называть кандидатуру епископа. Однако главный пункт «Инструкции» — просьба сделать «короля вассалом папы». Рассматривая папу как могущественного правителя, короли Конго пытались отдать себя под его прямое покровительство, чтобы этим избежать дальнейшего укрепления влияния Португалии. Папа Павел V, не желая ссоры с Филиппом II Испанским, ответил Алвару II весьма уклончиво [130, д. 81, с. 315—320]. Тем не менее отныне просьбы принять королей Конго «в вассалы» папского престола становятся центральной темой в переписке Алвару II с папской курией.

Трения между королем и высшим духовенством завершились в 1613 г. конфликтом с епископом Мануэлом Баптистой, который вел себя с вызывающим презрением [96, т. V, д. 91, с. 332]. Отвратительная наглость и бестактность Баптисты привели к такому громкому скандалу, что по требованию папы и по приказу короля Ис-

пани он был отозван [96, т. V, д. 92, с. 335—341; 130, д. 107, с. 359].

После смерти Алвару II (август 1614 г.) процесс распада государства Конго развивается очень быстро. Если этот король в какой-то мере еще пытался проводить самостоятельную политику, стремясь опереться на папский престол и противопоставить его интересы в Конго интересам Португалии, то его преемники не были в состоянии сделать и этого. Их внимание было целиком поглощено борьбой с центробежными силами, раздиравшими государство. Одно из проявлений ослабления государства — частая смена правителей на троне, затяжные и кровавые междоусобия, сопровождавшие каждое междоцарствие. Нередко новый король погибал, не процарствовав и года. Одно из наиболее продолжительных правлений этого периода — царствование Алвару III (1615—1622). Однако уже вскоре после коронации началось восстание в Нсунди. Восстания назревали и в других провинциях [96, т. VI, д. 77, с. 237; д. 142, с. 487; 130, д. 108, с. 361—363].

Внутренние неурядицы осложнялись тяжелым внешнеполитическим положением. Ко второму десятилетию XVII в. относится новое наступление яга на границы Конго. Но между этим вторжением и первыми нашествиями яга было существенное различие. Есть все основания полагать, что второе вторжение яга было либо целиком инспирировано португальскими властями Анголы, либо использовано ими для захватнических войн в Конго [130, д. 101, с. 351]. С 1615 г. начинается решительное наступление португальцев на исконные земли Конго (захват переправ через реки Данде и Бенго) [96, т. VI, д. 122, с. 366—374; 130, д. 102, с. 354].

В 1622 г. войска нового губернатора Анголы, авантюриста Жуана Корреа ди Соуза, вместе с отрядами яга вторглись в пределы государства Конго. Перейдя р. Данде, Соуза захватил земли правителя Бумбе. Множество знатных баконго было взято в плен и уведено в рабство. По некоторым данным, вспомогательные отряды яга в войсках Соузы насчитывали более 200 тыс. человек [130, д. 150—151, с. 453—461; 201, д. СШ, с. 176—177].

Варварские действия губернатора вызвали возмущение и протест даже властей Луанды (Палата правосу-

дия) и миссионеров-иезуитов. В ответ на это губернатор приказал арестовать недовольных и конфисковать их имущество, а иезуитов — выслать в Португалию. Этими событиями было возмущено и высшее духовенство при папском престоле. Когда вести о «подвигах» губернатора дошли до Испании, нунций в Мадриде тут же написал обо всем папе, прося его вмешательства и защиты христианского королевства Конго. О заступничестве просил папу Урбана VIII и сам Педру III Аф-фонсу Нканга Амбика (1622—1624)—король Конго [130, д. 148—149, с. 449—453]. Испанский двор, поняв, насколько серьезна реакция Ватикана на события в Конго и Анголе, поспешил отмежеваться от действий губернатора, который вскоре (в мае 1623 г.) бежал, прихватив всю казну Луанды [130, д. 148, с. 450].

Война с португальцами продолжалась еще три месяца. Армия Педру постепенно оттеснила их к границам государства. Так бесславно закончилась еще одна попытка Португалии захватить Конго [201, д. СНИ, с. 176—177]. Народ, возмущенный насилиями португальцев, возобновил нападения на европейские фактории. Народный гнев готов был выплываться наружу и обратиться против короля и знати. Короля открыто называли «королем португальцев» [201, д. СНИ, с. 176]. Эта презрительная кличка не только отражает настроения народа, но и позволяет судить, насколько была дискредитирована в глазах народа королевская власть.

Наиболее значительным свидетельством того, в какой мере народ Конго тяготился своими католическими королями — проводниками европейского влияния, были массовый отход от христианства и возрождение традиционных культов. Вероотступничество в то время было одной из форм пассивного протеста народа против христианской знати и короля. В первой половине XVII в. христианская религия была на грани исчезновения в Конго [130, д. 186, с. 497; 157, с. 17].

А 1625 г. ознаменовался новым стихийным народным движением, вспышки которого, чередовавшиеся с кровавыми войнами знати в борьбе за власть, длились без малого десятилетие. Наконец, в августе 1636 г. трон Конго был захвачен правителем Мбамба, который правил под именем Алвару VI (август 1636 — февраль 1641 г.). По-видимому, ему оказали активную помощь

португальцы, а сам он показал себя преданным защитником христианской веры и, что неизбежно было связано с этим, проводником европейского влияния. Во время войн с правителями провинции Сойо, начавшихся немедленно вслед за воцарением, Алвару VI неизменно получал поддержку португальцев и губернатора Анголы.

Рост могущества правителей приморской провинции Сойо шел параллельно ослаблению центральной власти. С 30—40-х годов XVII в. все три северных государства-данника (Нгойо, Каконго и Лоанго) после победоносных войн, развязанных правителем Сойо, признают свою зависимость от него. Правитель Сойо открыто отказывается признавать власть короля Конго, претендуя на роль «союзника» [131, с. 355].

Середина — вторая половина XVII в. — время, когда голландско-португальское соперничество втянуло страну в водоворот мировых событий. Это соперничество между могущественнейшей в Европе державой XIV—XVI вв. Португалией и быстро развивающейся по капиталистическому пути Голландией было одним из центральных направлений мировой истории в позднее средневековье и в начале нового времени.

С начала XVII в. голландские торговцы постепенно проникают в прибрежные провинции Конго. Цель их — захватить один из богатейших рынков оабов на Атлантическом побережье Африки. Ведь в XVII в. Португалия ежегодно вывозила из стран Нижней Гвинеи от 10 до 15 тыс. рабов [160, с. 209—210]. Однако лишь в 1641 г. голландцы делают решительный шаг к захвату португальских колоний в Анголе.

В августе 1641 г. без особых трудностей голландские войска высадились в Луанде, захватили столицу Анголы (25—26 августа 1641 г.) [131, с. 370—371] и удерживали страну до августа 1648 г., когда им пришлось эвакуировать гарнизон Луанды. На северном берегу Кванзы они построили форт, который закрывал португальцам вход в устье реки и мешал их торговле и работорговле [31, с. 372].

Захватив Луанду, голландцы уже в сентябре 1641 г. заключили соглашение с правителем Сойо, где была построена новая фактория голландцев [91, с. 31].

Следующим шагом новых хозяев Луанды была по-

пытка заручиться поддержкой правителей Конго и установить добрые взаимоотношения с соседним государством. Новый король Конго Гарсиа II Аффонсу (1641 — 1661), пришедший к власти как раз в момент нападения голландцев на Луанду, столкнулся с серьезными трудностями, пытаясь наметить линию поведения по отношению к новым хозяевам Луанды — еретикам, с точки зрения правоверного католика. Установление дружественных связей с голландцами привело бы его неизбежно к ссоре с Ватиканом, поддержки и милостей которого столь настойчиво добивались почти все католические правители Конго. Однако помощь Голландии, вне всякого сомнения, позволила бы королям Конго вести себя вполне независимо и решительно по отношению к давнему врагу — Португалии. Торговля и работоторговля с Голландией была много выгоднее, чем со странами Пиринейского полуострова; кроме того, она давала возможность приобретать огнестрельное оружие [182, с. 693]. Капитанам португальских (в период 1580—1640 гг. — и испанских) кораблей было строжайше запрещено продавать оружие африканцам.

В конце 1641 г. новые власти Луанды направили в Сан-Салвадор своих людей с подарками для короля. Среди подарков была кальвинистская книга на португальском языке. Это неофициальное посольство приняли дружелюбно. Но, прочитав книгу, Гарсиа II был возмущен попыткой склонить его к «ереси» и устроил на площади столицы при большом стечении народа торжественное сожжение кальвинистской книги. Об этом аутодафе и о клятве короля «отдать жизнь за святую веру» повествует в своем «Сообщении» миссионер Франческо Романо [91, с. 112].

В 1642 г. голландцы отправили официальное посольство ко двору короля Конго. Колебания короля нашли отражение в том приеме, который он оказал посольству. Он принял его с мрачной торжественностью, поздно вечером, при свете факелов и свечей. Перед тем как приблизиться к подножию трона, послам пришлось пройти двести шагов по узкому коридору, составленному из двух рядов мужчин, каждый из которых держал свечу. Помещение, в котором глава государства принял послов, было освещено люстрой со множеством свечей. Сам он был одет в простое (домашнее, как пишет Дап-

пер) платье с золотым крестом на левом рукаве. По правую руку от короля сидел португальский советник [131, с. 352]. Тем не менее голландцам удалось быстро найти общий язык с Гарсиа: захваченные ими в Луанде документы неопровержимо свидетельствовали о планах губернатора Анголы захватить государство Конго [95, с. 275]. 28 марта 1642 г. был заключен договор о дружбе между Голландией и Конго [91, с. 47, 112].

К союзу с «еретиками» толкало молодого короля тяжелое внутреннее положение в стране — восстания в разных провинциях, а главное, угроза новой войны с правителем Сойо. Ее правитель — Даниэл да Силва — не пожелал прибыть ко двору короля Конго, которому принадлежало право утвердить его у власти [131, с. 355]. Началась война. 25 июля 1646 г. армия короля потерпела позорное поражение. Главнокомандующий был убит. Король вынужден был уступить противнику новые земли. После этой победы правитель Сойо получил титул «великий князь Сойо» [91, с. 37; 131, с. 355—356; 154, с. 428]. Военные действия продолжались в течение 1645—1646 гг., изматывая силы обеих сторон, разрушая страну, все больше и больше погружая народ Конго в бездну нищеты и разорения. Эти беды усугубил налет саранчи, опустошившей земли Конго. В конце 1646 г. Гарсиа II Аффонсу воспользовался посредничеством миссионеров-капуцинов, посланных им в Рим с большим списком просьб к папе. Остановившись в провинции Сойо, они от имени короля заключили наконец мир с правителем Сойо [91, с. 61—66; 137, с. 107—109].

Государство было вконец расшатано войнами и работорговлей, которые обезлюднили страну. Франческо Романо пишет в 1648 г.: «Старцы из этого народа, вспоминая о... счастливых временах, имеют привычку говорить обычно: „Конго уже больше не Конго!“» [91, с. 85].

Изгнание голландцев из Луанды и укрепление позиций португальцев было следующей ступенью на пути упадка государства Конго [131, с. 372; 217, т. I, с. 265—266]. Гарсиа II поспешил восстановить добрососедские отношения с португальскими властями. В феврале 1649 г. в Луанду было направлено посольство. Переговоры затянулись на несколько лет. Окончательные условия мирного договора были выработаны в 1651 г. Мирный договор включал следующие условия: 1) испанцам,

голландцам и подданным королевы Нзинги запрещалось находиться на территории Конго; 2) любые отношения между Конго и Римом могли осуществляться только через Лиссабон (в соответствии с условиями «патронажа»); 3) король Конго и португальские власти в Анголе должны оказывать друг другу «взаимную помощь в войне»; 4) король Конго обязан послать заложников в Луанду и выплатить большую пеню рабами (900 рабов), слоновой костью и дорогими тканями.

И наконец, последнее и самое главное: все земли к югу от р. Данде, в том числе о-в Луанда, где добывались раковины — нзимбу — денежная единица в Конго, окончательно переходили под власть португальцев. Кроме того, португальцы получали право постоянно держать флот в устье р. Конго, чтобы вражеские корабли не могли войти в реку [95, с. 276—277; 201, д. СХХИ, с. 200—202; д. СХХХVII, с. 230—231].

Король, не пользующийся уважением простого народа и знати, не имеющий достаточной власти и сил для проведения самостоятельной политики, вел себя крайне непоследовательно. С одной стороны, ссоры с духовенством, приводившие к тому, что Гарсиа II неоднократно отрекался от христианства, с другой — апелляция к португальским властям Анголы в возникающих конфликтах с правителями провинций, презиравшими короля и не желавшими подчиняться ему. Главную роль в этом прогрессирующем упадке центральной власти играют, как и в предыдущие годы, правители Сойо.

Все чаще наши источники упоминают о проявлениях народного недовольства политикой правителей провинций и областей государства. Иногда это недовольство выливается в восстания, которые местной знати сравнительно легко удается подавить. Так, миссионер Джиро-тамо да Монтесарчио рассказывает о восстании крестьян области Эссево (август — сентябрь 1651 г.). Крестьянская армия насчитывала 20—30 тыс. человек, но потерпела поражение в столкновении с небольшим отрядом правителя Эссево, вооруженным огнестрельным оружием [93, с. 81—83].

Распри с католическим духовенством в конце правления Гарсиа II привели его к ссоре с Ватиканом. 5 октября 1660 г. папа направил послание (бреве), в котором разоблачал все «преступления» короля и народа

Конго против веры [201, д. CXLIV, с. 238—239]. Гар-сия II снова официально, и на этот раз окончательно, отрекся от христианства. По совету жрецов он отстранил от права наследовать ему старшего сына Аффонсу (жрецы обвинили его в том, что он отравил заболевшего в это время короля). Еще при жизни короля на престол был избран (коронован) второй его сын — Антониу I Вита а Нканга (1661 — 1665) [93, с. 171; 137, с. 142].

Распад государства Конго во второй половине XVII в. Внутренние смуты и войны, часто инспирированные португальскими правителями Анголы и всегда подстрекаемые и обостряемые ими, во второй половине XVII в. достигают своего апогея.

В 1665 г. междоусобия переросли в войну. Как и в предыдущие десятилетия, особенно напряженными и враждебными были отношения королей Конго с правителями Сойо. В 1665 г. против Антониу I восстали правители двух обширных областей, признававших власть Сойо. Оба обратились за помощью к португальцам [93, с. 173]. Губернатор Анголы послал большую и хорошо вооруженную армию под командованием генерала Се-кейра. Войска мятежников и вспомогательные отряды из страшных яга также подчинялись ему. Узнав об этом, Антониу I в июле 1665 г. призвал к оружию все взрослое мужское население страны. 29 октября 1665 г. произошло сражение у населенного пункта Амбуила, сыгравшее роковую роль в истории Конго. Войска португальцев легко разбили 20-тысячный авангард армии баконго. Однако король продолжал наступать во главе 70-тысячного войска. Отряды мятежников разбежались, не выдержав натиска. Армия Секейры удерживала позиции в течение девяти часов артиллерийским огнем, нанося страшные потери баконго. Лишь когда Антониу I, воодушевлявший личным примером и мужеством свои войска, был убит, его армия в беспорядке бежала. Португальцы преследовали бегущих, без пощады истребляя их. В сражении погибла значительная часть высшей знати баконго [93, с. 171 — 173; 92, с. 125(619) — 127(621); 154, с. 422—423, д. I, с. 473 и др.].

Один из священников так описывает события, разыгравшиеся вслед за битвой при Амбуила: «Король дон Антониу был убит 16 лет тому назад в войне против

Сосуд. Бакуба (дерево)

португальцев. Между его родственниками вспыхнуло соперничество из-за права наследования. Ожесточенная гражданская война уничтожила столицу; здания были сожжены. Остались лишь обуглившиеся стены» [157, с. 107—108].

Королям Конго с трудом удавалось удерживать реальную власть над центральной, столичной провинцией, которую все чаще называют «государство Конго». Были годы, когда в Конго одновременно правили

несколько

королей, оспаривавших с оружием в руках королевскую власть. Все провинции и области страны за пределами столичной провинции пользовались фактической независимостью.

Сан-Салвадор (Мбанза-Конго)—столица и центр государства — к 1684 г. была «совершенно покинута вследствие злополучных войн и превратилась в логовище диких зверей» [157, с. 108].

Обстановка всеобщей тревоги и неуверенности в завтрашнем дне прекрасно отражена в «Сообщениях» миссионеров: Мероллы (вторая половина XVII в.), Ло-ренцо да Лукка, Дзучелли (начало XVIII в.) и др. Междоусобия не только «раздирали на части» некогда могущественное государство, они вошли в плоть и кровь жизни каждой провинции. Так, об ожесточенной войне претендентов на пост правителя Мбамба, вспыхнувшей в 1691 г., пишут Лоренцо да Лукка и Дзучелли [270, с. 225, 336—337; 129, д. 9, с. 42—43]. В результате этих войн столица провинции была сожжена, страна разорена, а оба претендента жили в лесных лагерях. О войнах в Сою и восстании главнокомандующего в конце XVII в. подробно пишет Меролла, который был свидетелем и участником событий [82, с. 709—712].

По-прежнему португальские губернаторы Анголы пы-

таются проводить активную политику в Конго, вторгаясь в пределы страны. Португальский двор, не желая обострять отношений с церковными властями, старается свалить ответственность за войны в Конго на губернатора Анголы. Португалии, постепенно становящейся второстепенной европейской державой, было не под силу тягаться с огромным авторитетом папского престола, продолжавшего традиционную политику «покровительства» христианскому государству в Тропической Африке.

Вскоре и события в самом Конго показали, что попытки португальцев утвердиться в стране не увенчались успехом. Увязшие с головой в войнах с народами Анголы, сначала со знаменитой королевой Нзинга Мбанди Нгола, потом с ее наследниками и другими свободолюбивыми вождями — соба, скомпрометировавшие себя союзом с жестокими яга, португальцы были вынуждены на время уйти из Конго. Однако единство Конго было подорвано вконец. Письма миссионеров в этот период рисуют тягостную картину. Неизменный рефрен этих писем: «В Конго анархия продолжается...» [157, с. 164, 167; и др.].

В конце XVII в. два дома ведут нескончаемую борьбу из-за престола Конго — Кимпанзу (Мпанзу) и Эки-молаза (Нлаза). Первые являются прямыми потомками ранних христианских «законных» королей Конго, а вторые происходят от побочных, незаконнорожденных их потомков [201, д. CLXXXIX, с. 310]. В последние годы XVII в. в Конго были два короля. Один из них — Жуан — жил в Эмбула (коронован в 1696 г.). Другой — Педру IV Миротворец — обосновался в неприступных горах Кибангу. Он принял титул короля после смерти Алвару X в декабре 1695 г. Избрание его, казалось, могло примирить оба дома. Со стороны отца он происходил из дома Экимолаза, со стороны матери — из дома Кимпанзу. Дабы укрепить союз двух династий, он женился на дочери Кибенга, главы дома Кимпанзу, которого сделал главнокомандующим всеми войсками Конго [129, д. 10, с. 223—224].

Народное движение в Конго в начале XVIII в. («антонийская ересь»). В начале XVIII в. народные массы начинают принимать все более активное участие в событиях. В стране разворачивается

широкое народное движение — «антонианская ересь». Характерные особенности этого движения: религиозные формы, в которые оно вылилось; его основное содержание — борьба за восстановление государства Конго и, наконец, антиевропейская направленность.

Несомненно, в религиозной практике «антонианцев» были и элементы, перекликающиеся с обрядами и верованиями, заимствованными из традиционных культов. Однако миссионеры отличали сторонников «антониан-ской ереси» от сторонников местных культов, вождей этой ереси (ересиархов) — от жрецов-нганга.

Первые признаки начинающегося движения относятся к 1703 г. и связаны с народным недовольством, которое было вызвано действиями короля Педру IV. Он решил восстановить столицу Мбанза-Конго и спуститься с гор на равнину, однако медлил с исполнением этого намерения. Вот как передает события непосредственный их свидетель и участник, миссионер Бернардо да Галло, совершивший свою первую поездку в Конго в 1701 — 1709 гг.

Педру IV отправил на восстановление города «своих вассалов» с семьями во главе с главнокомандующим войсками Конго Педру Константину да Силва, местное имя — Кибенга⁷. Заподозрив измену со стороны этого честолюбивого и умного человека, король отдал ему приказание стать лагерем недалеко от разрушенной столицы. Кибенге было вменено в обязанность организовать обработку полей для будущих жителей города.

В начале 1703 г. в королевской ставке стали распространяться слухи о явлении Святой Девы, которая устами некоей женщины якобы вещала, что Христос вассержен на народ и требует восстановить столицу. Прибывший в это время в лагерь Бернардо был очень удивлен. Он пожелал поговорить с женщиной, но ему ответили, что в лагере ее никто не видел. Одновременно начались разговоры, что некое дитя молвило, будто бог накажет баконго, если они не пойдут в Сан-Салвадор [154, д. 3, с. 492—495].

Не лишено вероятности, что источником слухов был сам Кибенга, который пытался припугнуть не слишком решительного короля и побудить его к более активным действиям. Однако важно здесь совсем иное: во-первых, связь слухов с идеей восстановления государства Конго

во всем его былом могуществе и, во-вторых, широчайший отклик, который эта идея нашла в народе.

В начале 1704 г. народная молва, проникающая во все уголки страны, материализовалась в лице одной старой женщины по имени Маффута (христианское имя—Аполлония). Спустившись после праздника пасхи с гор в долину, Бернардо да Галло был остановлен женщиной, которая поведала ему о своих видениях и о том, что ее к нему послала якобы Мадонна, дабы предупредить всех христиан о великом божьем гневе. Бог разгневан на всю страну, а особенно на короля за то, что до сих пор народ не спустился с гор и не восстановил древнюю столицу. Бог грозил народу всяческими карами. Для убедительности она показала миссионеру камень, утверждая, что это — голова Христа, изуродованная ударами ножей «злостности человеческой» и ударами мотыг женщин, которые «работали в день святого праздника» [154, д. 3, с. 495].

Популярность проповедницы быстро росла. Женщина вела борьбу с традиционными культами, сжигая «фетиши», а вместе с ними и кресты (ведь крест — орудие мучений Христа!).

Обо всем этом миссионер узнал в августе того же года, вновь спустившись с гор в долину. Отовсюду стекался народ, чтобы послушать проповедницу. Поговаривали, что ее тайно поддерживает сама королева. Миссионер, не на шутку обеспокоенный таким оборотом дела, потребовал от короля, чтобы тот приказал схватить старуху. Бернардо собирался сделать ей внушение. Король согласился, но с условием, что это произойдет публично. Миссионер отказался, подозревая, что за спиной местной «святой» стоят какие-то иные, более могущественные силы. Он упрекнул короля в присутствии советников в том, что тот потворствует проповеднице, закрыл церковь и ушел из ставки. А по стране поползли слухи, будто миссионер хотел заживо зарыть «святую» в канаве, где брали глину для строительства церкви [154, д. 3, с. 196]. Слухи эти точно выражали отношение баконго к католическому духовенству, не гнушавшемуся переносить на конголезскую почву методы святой инквизиции.

В течение нескольких недель миссионер был всеми покинут. А в лагере короля события шли своим чере-

дом. О них сообщил Бернардо пришедший к нему тайком муконго, служивший при миссии. По его словам, к королю явилась молодая женщина Беатриче, именующая себя «святым Антонием». Она якобы всячески пыталась очернить миссионера в глазах короля, утверждая, будто Бернардо не желает восстановления королевства Конго, что он завистлив и не может допустить, чтобы в Конго были свои святые (поэтому он так преследовал старушку Аполлонию). Она настойчиво и энергично требовала от короля, чтобы он спустился с гор и восстановил Сан-Салвадор. Зачарованные люди готовы были слепо следовать за ней. Более того, «народ готов взбунтоваться...» Эта женщина творит чудеса. «Там, где она прошла, искривленные и поваленные деревья выпрямляются», — уверял служитель-муконго [154, д. 3, с. 497].

Король, напуганный не менее миссионеров быстро растущей популярностью проповедницы и презрением народа к нему и его советникам, поспешил примириться с Бернардо, рассчитывая на его помощь в борьбе с ней. В церкви, вновь открытой Бернардо, состоялась беседа миссионера со «святым Антонием». В своем отчете он передает то странное и незабываемое впечатление, которое произвела эта женщина на него самого: она шла, едва касаясь ногами земли, легкими шагами, находясь, по-видимому, в состоянии крайней экзальтации. Она сообщила Бернардо, что пришла с неба. К ней, больной и умирающей, якобы явился некто, одетый, как капуцин, и назвал себя святым Антонием. Его послал к ней бог с приказом, чтобы она проповедью боролась за восстановление государства Конго. Она умерла и вновь ожила с душой святого Антония и, раздав все свое имущество, отправилась выполнять свой долг, направляемая богом. Когда миссионер, упрекая ее и пытаясь «разоблачить», повысил голос, за нее вступился переводчик — знатный муконго Мигуэл ди Кастру. А перед дверью церкви проповедницу ждала огромная толпа народа, готовая вырвать ее из рук о. Бернардо [154, д. 3, с. 499—502].

Через несколько дней после беседы с миссионером Беатриче бежала из королевской резиденции и обосновалась близ Сан-Салвадора (Мбанза-Конго), в лагере Кибенги, оказавшего ей помощь и поддержку [154, д. 3,

с. 504—506]. Он, несомненно, пытался использовать и ее популярность и развернувшееся народное движение в своих целях — захватить власть.

Поселившись в древней столице Конго, Беатриче разослала во все провинции своих эмиссаров — «малых Антониев», целью которых было проповедью и угрозами заставить народ вернуться в Сан-Салвадор. И в этом она преуспела: город был быстро заселен и восстановлен. А Беатриче провозгласили «восстановительницей, властительницей и госпожой Конго». Беатриче почитали как святую. Отсюда, из древней столицы, она рассылала своих послов вербовать последователей в самые отдаленные уголки королевства [129, д. 10, с. 227; 154, д. 3, с. 506—507].

Остановимся на основных принципах и особенностях нового вероучения. Его адепты утверждали, что «не следует почитать крест, потому что он является инструментом страданий нашего Господа» [129, д. 9, с. 504—505]. Они заставляли своих последователей поклоняться как богу статуэтке святого Антония Падуанского. Главные ересиархи, а среди них было много женщин, называли себя именами христианских мучеников. Ересиархи крестили детей, выслушивали исповеди, давали отпущение грехов, словом, вели себя, как настоящее католическое духовенство. Многие из них регулярно проделывали обряд «умирания» (беседы с богом) и «воскрешения». Народ воздавал им великие почести: преклонял перед ними колени, целуя ноги.

Особенно популярна была сама Беатриче. Во время трапезы самые знатные баконго прислуживали Беатриче и были счастливы съесть кусочек, ею оброненный, или слизнуть капельку жидкости, упавшей из ее чаши. Дорогу от двери церкви к ее дому убирали самые знатные дамы, в том числе жена самого Кибенги [154, д. 3, с. 520].

Каждую пятницу святая «умирала», чтобы «отправиться на небо пообедать с господом, просить его о снижении к чернокожим, ее сподвижникам, и особенно просить об ускорении восстановления Конго...» Каждую субботу повторялся обряд «воскрешения» [154, д. 3, с. 518]. Торжественное шествие в церковь, где она служила службы, сопровождалось пением гимна «*Salve Antoniana*».

Беатриче в своих проповедях говорила, что в Конго нет короля, а лишь одни претенденты. Все они должны сойтись у дверей собора в Сан-Салвадоре, и корона, спустившись с неба, увенчает достойнейшего.

Распространение ереси сопровождалось открытым проявлением ненависти народа к миссионерам. Так, в 1705 г. Лоренцо да Лукка предпринял путешествие из Мбанза-Сойо в Луанду, длившееся более месяца. И почти все это время он провел под открытым небом. Жители придорожных деревень отказывались принимать его, осыпали бранью, грозили избить. На всем длинном пути не нашлось ни одного человека, который захотел бы креститься или крестить своих детей [129, д. 9, с. 180—195].

Между тем популярность народной «святой» продолжала расти столь быстро, что знать из лагеря короля Педру IV, побывавшая в Сан-Салвадоре, посоветовала ему немедленно спуститься с гор, «если он не хочет потерять все королевство» [154, д. 3, с. 508]. Перед лицом угрозы народного восстания и небывалой популярности «святого Антония» знать Конго на время оставила взаимную вражду и объединенными усилиями постаралась дать отпор движению. Возглавили знать одна из вдовствующих королев Конго — Анна (ей в то время было около 80 лет), а также правитель провинции Мбамба. К ним присоединился и король Педру IV. Им усердно помогали миссионеры [129, д. 10, с. 216, 228].

Случай помог расправиться со «святой» и ее близкими. В начале 1706 г. по пути в лагерь короля Педру послы мани Мбамба и королевы Анны в уединенном месте натолкнулись на Беатриче, кормящую ребенка, ее приближенного — ближайшего советника и друга, и маленькую няньку. Все они были немедленно схвачены. По настоянию миссионера королевский совет вынес решение о сожжении «святого Антония» и ее советника. 1 июня 1706 г. осужденных сожгли на площади. Ночью их останки были унесены народом и хранились как святыня [154, д. 3, с. 527—528].

Для знати баконго настало, казалось, время решительных действий. Объединенные войска короля и правителя Мбамба огнем и мечом прошли по территории провинций Мбамба и Мпемба, округа Макондо, отовсюду изгоняя открытых сторонников ереси. Особенно упор-

но сопротивлялся округ Муссето (колыбель ереси). Здесь «много деревень восстало и присоединилось к партии Кимпанзу и антонианской ереси» [129, д. 10, с. 228—229].

Однако зверская казнь вождей движения не остановила народ. Лоренцо да Лукка пишет не без удивления: «После ее смерти антонианцы, далекие от раскаяния, становятся как никогда упорными» [129, д. 10, с. 233]. Распространился слух, что Беатриче, «святую», после смерти якобы видели у вершин самых высоких деревьев Сан-Салвадора. Одна женщина объявила себя ее матерью и стала собирать вокруг себя антонианцев [129, д. 10, с. 238].

Об этом же сообщает и Бернардо да Галло. По его словам, сопротивление антонианцев после смерти «святого Антония» возросло. Спустя год после смерти Беатриче, в мае 1707 г., ему довелось побывать в Сан-Салвадоре, и он убедился, насколько жива память о «святой», ее учении, насколько жизненно еще антонианское движение в народе [154, д. 3, с. 528—529].

В противоположность этому знать во главе с Кибенгой спешила отмежеваться от движения. Она с почетом приняла миссионера и покаялась «в своих заблуждениях», но подчиниться королю Педру IV не пожелала. В октябре 1707 г. в Сан-Салвадор бежала королева, всегда тайно симпатизировавшая Кибенге [154, д. 3, с. 529—530]. Весь 1708 год прошел в стычках и небольших сражениях, но народное движение явно пошло на убыль.

Последним значительным отголоском его было восстание в начале 1708 г. в Сойо. Правитель Сойо Антониу Баррету да Силва был убит своими подданными. Взявшись за оружие, народ начал изгонять одного за другим представителей знати и правителей. Против восставших была направлена большая армия, но, не доходя до Китомбе, где был главный лагерь повстанцев, правительственная армия разбежалась. Восставшие направились в г. Сан-Антониу, по пути к ним отовсюду стекался народ. Был разграблен и разрушен до основания монастырь капуцинов. Однако дело кончилось тем, что на место убитого правителя был избран другой, а после его смерти (через несколько дней после избрания) — третий — Паулу да Силва [129, д. 15, с. 287—290].

Пожалуй, в этих событиях в Сойо наиболее ярко проявилась социальная сущность движения. Особенно важно подчеркнуть размах восстания и его направленность против знати баконго, несмотря на огромную силу традиционных уз, а также на традиционное большое уважение народа к знати.

В начале 1709 г. был окончательно разбит, а затем взят в плен и обезглавлен Кибенга.

Мощное народное движение, направленное против засилья европейцев и на восстановление единого централизованного государства, в создавшихся условиях привело к результатам, совершенно противоположным.

Война «всех против всех», главным стимулом которой была работорговля, фактически разрушила государство Конго. Оно распалось на уделы (провинции) уже в середине — во второй половине XVII в. Сильное, но не организованное, стихийное народное движение завершило упадок государства.

С середины XVIII в. территория Конго сократилась до границ столичной провинции. Хотя оно по-прежнему считалось «независимым» государством, а правители его продолжали поддерживать традиционные связи с Ватиканом [155, с. 137—178], Конго входит целиком в сферу влияния португальского колониализма. В конце XIX в., после неоднократно вспыхивавших восстаний и движений за независимость, правители Конго окончательно признали себя вассалами Португалии (1858— 1860) [155, с. 179—185]. После раздела Западной Экваториальной Африки между Францией, Португалией и Бельгией почти вся площадь средневекового Конго вошла в состав Анголы.

Баконго и процесс «размывания» этно-са. Завершая анализ истории государства Конго, следует подчеркнуть, что судьба баконго как единого народа (этноса) сложилась поистине трагически. Постепенный упадок государства вызвал к жизни такое явление, которое можно было бы назвать «размыванием» этноса. Назовем несколько этапов этого процесса.

Известно, что значительная группа баконго — тузон-го — живет в современном Заире, на левом берегу р. Касаи, близ границы с Анголой [90, с. 160].

Другая группа — баконго (бангонго, багонго) продвинулась еще дальше в глубь Экваториальной Африки,

как пишет Я. Вансина, ссылаясь при этом на ряд неопубликованных рукописей [251, с. 50; 176, карта]. В настоящее время она очень близка и по языку и по культуре бакуба (междуречье Касаи-Санкуру), а некогда входила в состав созданного ими доколониального государства. Живет смешанно с соседними народами (ба-пенде), часто в одних и тех же деревнях. Сопоставляя материалы исторических преданий баконго и бапенде, Вансина приходит к выводу, что туконго и бангонго являются этапами переселения этнических групп с запада (т. е. из восточных районов государства Конго) на восток. Сами баконго возглавили это передвижение [251, с. 51—52]. Нам пока не удалось установить время и причины этих миграций. Не лишено, на наш взгляд, вероятности предположение, что толчок движению дали события конца XV — начала XVI в., т. е. появление португальцев в государстве Конго, христианизация населения (как правило, насильственная) и первые шаги в истории работорговли при Аффонсу I.

Далее в 60—70-х годах XVI в., после первого нашествия яга, спасаясь от голода и междоусобий, часть баконго переселилась на правый берег р. Конго, главным образом в районы, окружающие внутреннее озеро по течению Конго (современное название — Малебо), и попала под власть правителя государства батеке (титул — макоко) [249]. В последующие века постепенное «размывание» населения государства Конго продолжалось. Таким образом, не только государство было разрушено, но с середины XVIII в. распадалось этническое единство баконго. Процессы эти шли еще и в начале XIX в. К концу XIX в., в период империалистического раздела Западной Экваториальной Африки между Францией (Французское Конго), Бельгией (Независимое государство Конго, в 1908 г. превращенное в колонию Бельгийское Конго) и Португалией (Ангола), баконго оказались расселенными на территории всех трех колониальных владений. При этом центр средневекового Конго вместе со столицей (Сан-Салвадор, или Мбанза-Конго) вошел в состав Анголы; провинция Нсунди — частью в состав Бельгийского Конго, частью — Французского Конго; баконго, переселившиеся к северу от устья реки, и близкие им бавили — в состав Французского Конго. Характерно при этом, что в наши

дни без малого $\frac{2}{3}$ баконго живет в Республике Заир (бывшее Бельгийское Конго), а численность их в Анголе и в Народной Республике Конго (бывшее Французское Конго) примерно одинакова [13, с. 116—120, 123—124].

Таким образом, можно считать, что баконго почти покинули страну предков, а основной центр воссоздания народности баконго переместился к северо-востоку, на территорию Заира.

Глава IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО КОНГО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Государственное устройство

Анализ уровня развития социальных отношений и политической организации баконго и других народов Атлантического побережья мы начинаем с вопросов государственного устройства. Это облегчает анализ социальных противоречий; в раннеклассовом обществе социальные противоречия принимают, как правило, публично-правовой характер. А многие древние пережиточные институты государство и господствующее сословие используют для укрепления власти этого сословия.

Административная структура. Государство Конго делилось на шесть провинций, в основе которых лежали княжества, некогда объединенные Нтину Вене: Сойо (Соньо), Мпемба, Мбамба, Нсунди, Мпан-гу, Мбатта.

Северная приморская провинция — Сойо — простиралась от нижнего течения р. Конго до р. Амбризи. К югу от этой реки была вторая приморская провинция — Мбамба, граничившая по р. Данде с государством Ангола. К востоку от этих провинций в самом сердце страны лежала столичная провинция Мпемба. Это был наиболее процветающий и населенный край. Прибрежные провинции защищали его от вторжения с океана и с юга — из Анголы. Северная провинция Нсунди — вдоль левого берега р. Конго от устья до Малebo (перед порогами р. Конго), и северо-восточная — Мпангу — защищали центр страны от воинственных племен, живущих к северу от Заира, а главное — от грозного соперника королей Конго — правителя государства народа батеке — Макоко (Анзиче, Анзикана), распо-

женного На плато Батеке к северу от Малебо. Между Нсунди и столичной провинцией вклинивались земли Мпангу. К югу от нее лежала обширная и уходящая далеко на восток провинция Мбатта, служившая заслоном от пришельцев из Центральной Африки. Население сложившихся задолго до объединения провинций сохранило черты своеобразия. Так, население Нсунди отличается свободолюбием, отчаянной смелостью; воинственность и крепкое телосложение характеризуют жителей Мбамба; а людям самой бедной из провинций, — Сойо, присущи жизнерадостность, веселость, любовь к развлечениям и танцам, несмотря на постоянное полуголодное существование.

Каждая провинция делилась на ряд территориальных подразделений, которые с XVI—XVII вв. назывались европейским термином — сеньория. С этого же времени все более прочно в обиход входят титулы европейского происхождения. Так, правитель государства называл себя королем, а правители провинций — герцогами, маркизами, графами (герцог Мбамба, граф Сойо, маркиз Нсунди и т. д.). Характерно, что эти титулы не только употреблялись в официальной переписке (с папским престолом, с королями Испании и Португалии), но были распространены и в повседневном быту.

Границы провинций были относительно устойчивыми не только в эпоху расцвета, но и в последующие столетия.

С глубокой древности возникло отличие в положении самого Конго с его шестью провинциями (Сойо, Мбамба, Мпемба, Нсунди, Мпангу, Мбатта) и государствами-данниками («вассалами», по европейской терминологии), — Нгойо, Лоанго, Каконго и Ангола.

Государства-данники сохраняли и верховную власть правителей, и территориальное деление, аналогичное административному делению Конго. Они регулярно собирали и платили дань королю Конго и, кроме того, были обязаны нести ряд других повинностей (например, оказывать вооруженную помощь в случае войны).

Однако, крепкие узы, связывавшие Конго с государствами-данниками, со временем ослабевали. Спустя два века после завоеваний Нтину Вене южное из этих государств Ндонго (Ангола), населенное народом амбун-ду, объявило себя независимым (конец XV в.) и с тех

пор известно под названием Ангола. Но на протяжении всего XVI в. правители Анголы продолжали время от времени посылать дары королю Конго в знак признания его главенствующей роли среди прибрежных государств Западной Экваториальной Африки.

Король и его власть. Верховная власть в государстве Конго принадлежала правителю страны, носившему титул «мани» или «не» (глава, голова, хозяин, господин, вождь). Исследователи подчеркивают, что титул «не» означает «хозяин», т. е. имеет оттенок права собственности [259, с. 10], а власть правителя — настолько велика, что он полностью располагал жизнью и имуществом своих подданных [130, д. 18, с. 132; и др.]. С начала XVI в. (с правления Аффонсу I) все чаще при дворе употребляют европейскую титулатуру — король (для знати — герцог, граф, маркиз). Мани не только управлял государством, но одновременно был верховным главнокомандующим и верховным судьей.

Прочной основой королевской власти служило представление о ее священном характере. Сведения об этом мы находим в разных «Сообщениях». Даже в период упадка государства идея священного характера королевской власти не потеряла своего значения. Миссионер Лоренцо да Лукка пишет (начало XVIII в.), что подданные почитают своего правителя «за, так сказать, Бога» [129, д. 8, с. 119].

Священный характер власти не-Конго нашел отражение в одном из торжественных обрядов, который европейцы-современники называют «обрядом благословения народа». Кавацци подчеркивает большую значимость этой церемонии. На нее стекаются огромные толпы народа: большая площадь Сан-Салвадора не в состоянии вместить всех желающих. «Они жаждут этой милости (благословения.— *Авт.*), самой большой, какую они только могли получить от своего короля: это — знак его благорасположения, который один стоит больше всех сокровищ мира» [160, т. II, с. 326]. Король же пользуется этой торжественной минутой, чтобы свести счеты с недругами. С возвышения в середине площади, где стоит его трон, он высматривает неугодных ему вельмож и приказывает изгнать их. Толпа немедленно набрасывается на них, избивает, превращая одежду в лохмотья. После того как неугодные изгнаны, король об-

ращается к народу с речью, призывая его к верности и подчинению. Затем он встает с трона и легкими движениями пальцев над замершей толпой как бы благословляет ее. Громкие крики радости, ружейные залпы завершают церемонию. Празднество длится несколько дней [160, т. II, с. 125—128].

Таким образом, король ставит на службу своим интересам этот очень, по-видимому, древний по своим корням обряд, используя его для укрепления собственной власти.

Представления о священном характере власти верховного правителя были широко распространены во многих государствах древней и средневековой Африки. Эти же верования мы встречаем и в соседних с Конго государствах, этнически и политически тесно связанных с ним, но до XVIII—XIX вв. не подвергавшихся сильному влиянию христианства. Речь идет о Нгойо, Каконго и Лоанго — северных соседях Конго. Беттел пишет: «Король (Лоанго.— *Авт.*) так почитаем, как будто он является богом...» [83, с. 46]. Миссионер Декувриер, живший в Каконго в конце XVIII в., сообщает, что все население страны «считает себя рабами короля и выражает ему экстраординарные знаки почтения...» [128, док. 8, с. 48].

Интересны материалы о чисто внешних проявлениях величия королевской власти. Жизнь короля была обставлена сложными церемониями, часть которых появилась в результате более чем двухвекового знакомства с жизнью и бытом европейских дворов, а другие сохранились с древних времен. Сравнение с жизнью и бытом северных государств бассейна Конго, а также государства Куба [231, с. 50—61; 222; 249, с. 373—386, 442] поможет нам разобраться в этом сложном переплетении местного и чуждого, наносного. В конце XVI в., по свидетельству Лопиша, короли Конго во всем старались подражать португальским. Так, трапеза неКонго происходила в присутствии всего двора; король сидел на возвышении, покрытом богатым ковром, один за столом в окружении вельмож, которые с обнаженной головой прислуживали ему. Столовая посуда, золотые и серебряные кубки прочно вошли в королевский быт. Особые лица пробовали пищу и напитки прежде, чем подать их королю. Когда он отправлялся на прогулку

или в какую-либо из провинций, его сопровождали все придворные. Громкие звуки рога на 10—12 км вокруг предупреджали народ об этом событии [171, с. 184; 130,

док. 18, с. 132—133]. Описание торжественного выхода короля, сделанное Франческо Романо (середина XVII в.), дает представление не только о пышности королевского двора, но и о самой свите. Процессию возглавлял отряд гвардейцев, вооруженных луками, копьями и мушкетами. За ним следовали музыканты, воспевавшие величие короля и его предков, королевские гонцы, пажи и другие должностные лица. Затем появлялся сам король, а впереди него — два юных оруженосца, отпрыски лучших семей королевства. Один из них нес щит, обтянутый

шкурой леопарда, и палаш, украшенный драгоценными камнями, другой — жезл, обтянутый красным бархатом и увенчанный большим серебряным шаром. По обе стороны короля шагали два представителя знати, обмахивающие его опахалами, третий сзади нес над его головой зонт из темно-красного Дамаска, расшитого золотом и с золотой бахромой [91, с. 125—126]. Королю в обычные дни прислуживали 100 пажей. Впоследствии,

не смотря на упадок государства, частые междоусобные

войны, пышность королевского двора все возрастала.

В 60-х годах XVII в. миссионеры-капуцины (Денис Карли и др.), имевшие возможность наблюдать королевский выход в городе Мпемба, были поражены богатством

одежды короля и его многочисленной свитой [160, т. V, с. 161—164].

Во время различных приемов, которые устраивал король, никто из присутствующих не имел права сидеть на стуле с покрытой головой. Не делалось различия между Господами и простым народом: все должны были стоять или сидеть на полу, скрестив ноги, с обнаженными головами [164, т. II, с. 331—332].

Правители провинций появлялись при дворе в окружении многочисленной свиты. «Хотя двор короля,— пишет Кавацци,— и не сравним с двором наших королей в Европе, он не лишен ни величия, ни блеска, ни великолепия» [160, т. II, с. 335].

Королевский двор и аппарат управления. Придворные, окружавшие короля, составляли в то же время и аппарат управления государством. При этом, чем ближе по службе стоял человек к королевской

особе, тем большее влияние он имел. По словам Франческо Романо, среди придворных особым влиянием пользовались два оруженосца, два служителя, несущие опахала, и служитель, несущий зонт, так как «...они имеют честь быть ближе всего к его особе» [91, с. 125—126]. Если оглянуться на европейское средневековье и Русь, то сходство бросается в глаза (стольники, конюшие и др.). Но источники не дают возможности определить, существовали ли эти обычаи до европейцев, или они привнесены ими.

С проникновением португальцев и христианства короли Конго вводят придворные должности по образцу двора католических королей. И таким образом, в этой сфере перед нами также выступает причудливое переплетение древнего, исконного и нового, привнесенного португальцами. Так, уже в 1512 г. Симон да Силва среди должностных лиц королевского двора перечисляет и такие, которые имеют португальские названия: «мордо-му моор» — главный мажордом; «вейадур да каза» — дворецкий, королевский эконо́м; «копейру моор» — главный виночерпий; «копейру пекену» — младший виночерпий; и мн. др. [128, с. 303; 260, с. 43].

Введение письменности, реорганизация двора на европейский манер сделали необходимой такую должность, как секретарь короля. Как правило, ее занимали образованные баконго или мулаты.

Совет двенадцати. Однако на фоне этих нововведений отчетливо проступает важная роль в управлении страной совета знати, или «совета двенадцати» [96, т. II, д. 14, с. 39; 201, док. XII, с. 70; д. XXXII, с. 61; док. XXXIX, с. 69—70]. В его состав входили: верховный судья (вангованго), глава совета (немфуланту), первый секретарь короля, все три «выборщика» короля Конго и шесть представителей крупной знати государства, правивших провинциями. Все они, как правило, были связаны с королем узами кровного родства или свойства.

Именно с представителями совета двенадцати король совещался в каждом важном случае (отдавая распоряжения, заключая мир или объявляя войну). Таким образом, в Конго XVI—XVII вв. совет знати имел только совещательные функции. Он мог также оказывать известное влияние на окончательный выбор наследника

престола, поскольку все три «выборщика» короля Конго входили в его состав. Но коль скоро власть правителя утвердилась, те же «выборщики» могли дорого поплатиться, если поддерживали другого претендента на престол.

Аристократические советы — одно из характерных явлений африканской государственности, но роль их у разных народов различна, а главное, она отражает степень развития государственной власти, уровень общественного развития. Например, в городах-государствах йоруба (Южная Нигерия), даже в наиболее могущественном из них — Ойо, «совет семи» имел право устранить неугодного правителя. Он посылал ему яйцо попугая; это означало, что правитель обязан покончить с собой [см. 32, с. 148—149]. В Конго не сохранилось и следов этого обычая, а король (в период расцвета государства) пользовался неограниченной властью.

В период, предшествовавший появлению португальцев, всех лиц знатного происхождения, занимавших определенную должность в административно-придворной иерархии, именовали «мани». Этим словом называли и короля Конго (мани Конго), и правителя провинции (мани Мбатта), и командира воинского подразделения, и любое должностное лицо (например, глава королевского птичника — мани-нуни; нуни — птица). Этот термин прочно отделял знать от простого народа. Социальное расслоение, выразившееся в употреблении термина „мани“, бросалось в глаза уже первым португальцам в стране. Барруш писал: «Правителю Сойо „дали почетную частичку дон, которая соответствует слову... мани, когда хотят сказать сеньор; прибавленное к Сойо, оно означает сеньор Сойо, потому что все народы имеют свои определения знатности и достоинства в отличие от простых тружеников"» [96, т. I, д. 21, с. 80].

Особенности преемственности власти. Власть короля была наследственной, но нормы наследования были достаточно сложными, и знать, правившая основными территориально-административными районами страны, имела большое влияние на окончательный выбор наследника. Правитель Конго, как уже говорилось выше, лишь намечал кандидатуру своего преемника, посылая его править провинцией Нсунди. Однако не всегда именно этот человек становился ко-

ролем. Многое зависело от «выборщиков», которым король передавал последнюю волю. Они могли истолковать ее по собственному усмотрению, заранее предупредив своего ставленника о предстоящей борьбе.

Христианская религия ничего не изменила в этих обычаях; она придавала больше пышности самому ритуалу «выборов». У нас имеются несколько лишь немного отличающихся друг от друга описаний этого ритуала. Кавацци сообщает, что «выборщики», придя к соглашению, оповещают об этом всех представителей знати и членов королевского рода. В Сан-Салвадор со всех сторон спешат толпы вооруженных людей. Когда народ заполняет обширную площадь, большая процессия, возглавляемая тремя «выборщиками», направляется к собору. У входа ставят богато украшенный алтарь. По одну сторону от него восседает епископ (или лицо, его заменяющее), по другую — глава «выборщиков» — мани Бунда. Ему принадлежит честь обнародовать результаты выборов. Встав перед алтарем, он произносит длинную торжественную речь. Мани Бунда напоминает королю о его обязанностях перед народом, католической церковью и португальским королем, его братом; описывает трудности, связанные с королевским званием; призывает его быть добрым и справедливым, быть другом бедных, не жалеть милостыни рабам и пленным и т. д. В конце речи он называет имя избранного, берет его за руку и ведет к епископу, который благословляет нового короля и, в свою очередь, произносит речь об обязанностях христианского короля. Король клянется жить и умереть в католической вере. Епископ ведет его к трону, вручает ему символы королевской власти, на руки надевает золотые браслеты, на голову — корону. Звучит музыка, раздаются ружейные залпы, народ аплодисментами приветствует нового короля. Торжественная процессия направляется к королевским апартаментам. Восемь дней новый король не покидает их, принимая поздравления и подтверждения верности от представителей знати. На следующей неделе он выходит к народу на большой площади столицы, где произносит речь, в которой обещает быть верным своим клятвам, содействовать процветанию страны и т. д. Это — своего рода присяга короля перед лицом народа. Народ, в свою очередь (через своих представи-

телей), дает ему клятву в верности [160, т. II, с. 317—318; 131, с. 335].

В соответствии с древними законами наследование власти у баконго шло по нормам материнского права (иными словами, если король не был женат на женщине королевского рода, т. е. на близкой родственнице, его сыновья исключались из числа законных наследников). Наследовать власть могли: дяди — братья матери короля; родные (единоутробные) братья короля; племянники—сыновья сестер короля; сыновья короля, если он женат на близкой родственнице, женщине, происходящей по прямой линии от первых королей Конго. Именно для закрепления власти за прямыми потомками— сыновьями, возникал такой порядок бракосочетания в королевском роде, который обеспечивал через женщину преемственность королевской крови. Не случайно еще во времена Кавацци (во второй половине XVII в.) считалось, что право на престол человека королевской крови было нерушимо в Конго и что царствовавший король происходил от древних королей, которые правили страной за несколько веков до открытия страны португальцами [160, т. II, с. 316—317]. Поэтому женой короля могла быть лишь его кровная родственница— сестра. Слово сестра в данном случае не означает родную сестру; как правило, это представительница более отдаленной степени родства.

Титул королевы — «не-мбанда» (у Даппера — мани Момбанда; этот титул он переводит —«госпожа жен») [131, с. 353]. В дохристианском Конго господствовала полигамная семья, число жен в которой зависело от достатка главы семьи. Но положение королевы резко отличалось от положения других жен короля. Введение норм христианского брака провело еще более глубокую черту между «законной женой» — королевой и «наложницами», «рабынями».

Все документы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что в XVI—XVII вв. королева не играла большой роли в политической жизни страны и не оказывала заметного влияния на дела управления. Более того, европейцы отмечали ее затворнический образ жизни: «...королева почти никогда не выходит за пределы королевской ограды» [цит. по 130, с. 200]. Королева имела свои покои, отделенные от жилища короля.

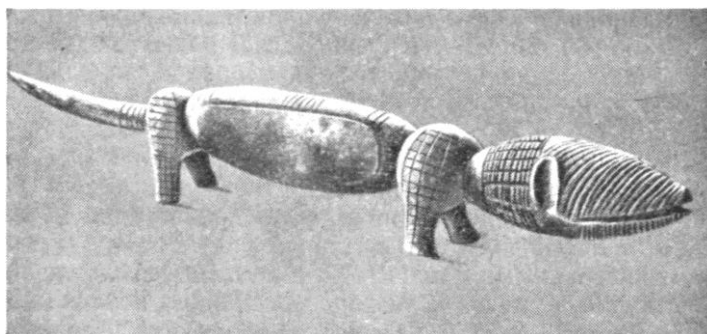
Она жила в окружении большого числа женщин и девушек из знатных семей. Ее выход из дворца был обставлен с большой пышностью: «...ее несут на носилках, украшенных шелком, бахромой, золочеными и посеребренными кистями...» [цит. по 130, с. 200]. Придворные дамы сопровождают ее, стуком кастаньет предупреждая о приближении кортежа.

В Конго XVI—XVII вв. не сохранилось и следов особой роли женщины-соправительницы, которая была отмечена наблюдателями во многих государствах доколониальной Африки, например, в Буганде — намасоле — «мать» короля и лубуга — «сестра» короля [215, с. 167; и др.], а также, например, у балунда (см. ниже).

Даже в соседнем с Конго государстве Лоанго правитель делил власть с женщиной, которая носила титул «матери» короля (маконда). Обычно королевский совет выбирал ее из числа самых пожилых женщин королевской крови, отнюдь не настоящую мать короля. Власть ее была настолько велика, что в случае если король был неугоден ей, она могла добиться смещения его; король не смел ничего предпринять без предварительного совета с ней [131, с. 329—330; 83, с. 50].

Особенности бракосочетания, преемственности власти, роль высшей знати, связанной узами кровного родства с королем, говорят о том, что он правил не как представитель королевской семьи в узком смысле этого слова, а как представитель довольно широкого кровнородственного объединения — династического рода, который, в свою очередь, являлся реальной опорой королевской власти. Таким образом, хотя это и звучит парадоксально, крепость родовых уз и обязательств (да и всей родовой структуры), сохраняющихся в условиях раннеклассового общества, служит опорой и одним из источников силы и прочности утвердившейся королевской власти.

В XVI—XVII вв. древние нормы наследования власти в *Конго* были в значительной мере расшатаны: власть, как правило, переходила к старшему сыну. Материалы Лоанго помогают нам уяснить строгий порядок, который существовал, по-видимому, и в дохристианском Конго. В Лоанго королю наследовали его братья в порядке старшинства. Все крупные населенные пункты (с окружающей сельской местностью) были от-

Крокодил. Бакуба (дерево)

даны в управление братьям и сестрам короля. Наиболее значительные укрепленные поселения находились на расстоянии, не превышающем полутора дней пути от столицы Лоанго. Чем дальше от резиденции правителя Лоанго был расположен населенный пункт, тем меньше прав на верховную власть имел его правитель. Положение правителей было строго иерархизировано. Так, старший брат короля, наследник престола, жил в Кайе около 5 км от столицы, следующей по старшинству — в Буке, около 10 км от столицы, и т. д. В случае если король умирал или умирал кто-либо из старших братьев, происходило передвижение по всем ступеням этой лестницы и соответствующее переселение братьев в ближайший к столице городок, дающий больше прав на престол [131, с. 321—329].

Налоги и налоговый пресс. Одна из важнейших функций государства — перераспределение материальных ценностей в пользу господствующего сословия или класса с помощью системы налогообложения. Фиксированных налогов в государстве Конго еще не существовало [130, док. 18, с. 133].

Однако все население государства было обложено податью в пользу короля. Подать эта выплачивалась местной монетой — раковинами-нзимбу, а также натурой — тканями из волокна пальмы-рафии, слоновой костью, шкурами диких животных, продуктами сельского хозяйства, в разгар работоторговли — рабами. Районы,

где разводили скот, подать уплачивали скотом: 20— 30 быков, 50 баранов. Другие области поставляли продукты земледелия: овощи, фрукты, пальмовое масло, вино и т. п. [130, док. 18, с. 121; док. 38, с. 199; 201, док. CLXIII, с. 270; 131, с. 350].

В конце XVI в. сложилась следующая практика взимания налогов: старейшины деревень посылали налог, собранный с населения, правителю провинции. Последний отправлял два раза в год караван с нзимбу, сельскохозяйственными продуктами и скотом в столицу, лично сопровождая его. Если король выражал неудовлетворенность полученным, правителю приходилось увеличивать поборы [130, док. 18, с. 133].

Позже, примерно с середины XVII в., сбор налогов производили раз в год накануне дня св. Яго — одного из «покровителей» государства Конго. Сбором налогов, как правило, стали заниматься специально назначенные королем должностные лица. Их вооруженные отряды прочесывали страну, отбирая у населения все, что крестьяне не успевали припрятать. В 70—80-х годах XVII в. только правители Сойо имели право сами собирать налог. Перед нами такая форма сбора налога, которая в раннесредневековой Руси называлась полюдьем.

Особый налог взимался в пользу королевы с провинции Мбатта. Есть сообщения и о налогах в пользу католического духовенства. Например, в одном из документов от 1597 г. сказано, что духовенство столичной церкви «...взимает для своего пропитания назначенные королем налоги, называемые десятиной, плохо выплачиваемые. Третья часть налогов причитается епископу, две трети — священникам» [130, док. 49, с. 240]. Таким образом, содержание католического духовенства лишним грузом ложилось на плечи крестьян баконго.

Кроме налога, выплачиваемого нзимбу и натурой, бытовали, по-видимому, и различные отработочные повинности — своего рода «королевская барщина». Но материалы, которыми мы располагаем, говорят, что она практиковалась лишь правителями провинций и государств-данников. Так, в королевстве Лоанго каждый год 4 января все жены подданных короля были обязаны являться к королевскому дворцу и идти обрабатывать и засеивать королевские земли. Их вооруженные мужья присутствовали при этом, готовые в случае необходи-

мости защищать их, а Также предотвратить могущие возникнуть ссоры [128, док. 8, с. 121; 131; с. 232]. Есть упоминания об отработочной повинности в провинции Сойо в конце XVII — начале XVIII в. [129, док. 8, с. 121].

Существовали и иные налоги и поборы. Еще в конце XIX в. брались налоги со всех торговых караванов, проходивших через город или хотя бы близ него. Этим ведал мфутила (от глагола «фута» — «платить») — представитель низшего ранга знати. Мфутила отвечал перед королем за безопасность каравана на участке, вверенном ему. Нет сомнения, что «торговые пошлины» существовали и в период расцвета государства [260, с. 43].

Еще один вид поборов, очень тяжелых для крестьянства, составляли конфискации продовольствия при путешествии короля со свитой или любого представителя высшей знати государства. Кавацци пишет: «Когда король и вельможи предпринимают какое-нибудь путешествие, то согласно обычаю они не думают о том, чтобы нести с собой продовольствие, необходимое для них и их свиты, всегда очень многочисленной. Закон страны обязывает жителей тех мест, по которым они идут, снабжать их (продовольствием. — *Авт.*) и избавлять от расходов» [160, т. I, с. 489—490]. Часто жители, услышав о таком путешествии, покидают жилища и прячутся, укуся с собой все что можно, пока эта туча саранчи не пролетит. Деревни, как правило, строили подальше от больших дорог из страха, что проходящие мимо группы знати и воинские отряды съедят все, что жители имеют, в особенности служители короля, которые повсюду, где бы они ни проходили, считали себя полными хозяевами [160, т. I, с. 490].

Форма обложения, методы взимания налогов в Конго почти аналогичны методам раннего европейского средневековья.

Остановимся на вопросе: на что шли многочисленные доходы, ручейками стекавшие в королевскую казну? Одна часть их шла на содержание королевского двора, на подарки вельможам, которыми «покупались» их усердие в сборе налогов, приверженность и преданность королю. В период, когда нищавшая португальская знать зачастила ко двору королей Конго в поисках новых доходов и выгодных должностей, большие средства тра-

тились на советников-португальцев, миссионеров, а также на строительство церквей [201, д. CLXVIII, с. 270; 131, с. 350].

Другая часть доходов расходовалась на организацию традиционных всенародных празднеств (например, праздник «благословения народа»), игравших, как свидетельствуют очевидцы, немалую роль в разрядке постепенно накапливавшегося народного недовольства [160, т. I, с. 451].

Суд, судопроизводство и право. Суд—одно из мощных орудий государства, служащих для укрепления власти господствующего сословия (класса). Степень централизации судебной власти в значительной мере отражает степень централизации государственной власти.

В Конго верховная судебная власть принадлежала королю. Именно ему были подсудны все дела любого характера, все тяжбы, возникавшие между представителями высшей знати. Обычно он отправлял правосудие публично два раза в неделю, но только для знати. Королю во время судебной процедуры помогал Совет двенадцати. Ему же было доверено приведение в исполнение решений правителя 1130, док. 18, с. 134; 131, с. 351]. Вторым лицом в государстве, обладавшим также большой судебной властью, был вангованго («верховный судья»), судивший не только знать, но и простой народ [130, док. 18, с. 131].

Многие документы XVI—XVII вв. свидетельствуют о том, что во все провинции государства король назначал верховных судей. Даппер пишет, что «в каждой провинции имеется королевский судья по гражданским делам, который может заключить в тюрьму, оставить на свободе или присудить к штрафу» [131, с. 351; см. также 130, док. 38, с. 201].

Низшая судебная власть принадлежала правителям небольших территориальных объединений — деревенских общин [131, с. 351]. У каждой деревни или города существовало специальное место для отправления правосудия (как правило, рыночная площадь). Под крышей, укрепленной на столбах, или под большим деревом обычно сидел судья с жезлом — символом своей власти в руках. Вокруг него располагались советники. Заинтересованные стороны являлись в сопровождении друзей,

которые играли роль «адвокатов». Истец, бросившись на колени, подобострастно излагал судье свои жалобы. Затем выступал ответчик, сдабривая свою речь лестью. Если было необходимо, судья опрашивал свидетелей, производил очную ставку. Обеим сторонам разрешалось излагать суть дела только один раз. После консультации со своими советниками судья произносил длинную речь, в которой повторял сказанное истцом, ответчиком и свидетелями, чтобы присутствующие поняли, что он все слышал и все принял во внимание. В конце речи судья выносил приговор [160, т. II, с. 23—25]. Миссионеры восхищались мудрыми решениями, отсутствием всяких формальностей, которые в Европе так часто являются поводом к коррупции. Особенно удивляло беспрекословное подчинение сторон приговору: «Совершенно удивительно видеть, с каким уважением стороны его принимают и подчиняются ему! Все это очень далеко от скверных манер европейцев... Стороны уходят с заседания довольные и примирившиеся...» [160, т. II, с. 25]. Приговор, как бы он ни был суров, исполнялся немедленно.

В судебной процедуре очень велика была роль «испытаний», или ордалий («суд божий» европейского средневековья). По нормам обычного права приказ о проведении «испытания» судья давал в том случае, если совершалось большое преступление, виновный не найден, но есть лица, подозреваемые в преступлении. В XVI—XVII вв. в Конго очень ярко проявляется классовый характер ордалий. Главным основанием для их проведения служило подозрение в заговорах против знати или в измене королю. Наиболее распространенным было «испытание» соком растения болонго. Стебли и листья болонго толкли, смешивали с водой, мясом змеи, мякотью фруктов и другими компонентами. Подозреваемому давали выпить эту жидкость. Существовало поверие, что виновный умрет в страшных мучениях, тогда как невиновному напиток не причинит никакого зла [128, док. 8, с. 122—140]. Другой вид ордалий — испытание раскаленным железом. Подозреваемый должен был наступить обнаженной ногой на раскаленный докрасна кусок железа либо лизнуть языком раскаленный молот; если нога или язык покроются волдырями — виновность доказана, в противном случае подозреваемо-

го освобождали. В общей сложности в Конго существовало более десяти видов ордалий [154, док. I, с. 463; 182, с. 675—679].

Из поздних (XVIII—XIX вв.) миссионерских отчетов мы узнаем еще об одной интересной стороне судебной практики африканского государства: представитель высшей знати мог избежать «испытания», выставив вместо себя одного из своих рабов. Миссионер Гиацинт да Болонья (середина XVIII в.) сообщает: «Если одному из знати этой страны угрожает „испытание“... допускается, что он вместо себя посылает одного из своих рабов» [196, с. 80]. И далее, завершая обзор форм ордалий, он пишет: «...всегда именно невиновный бедняк является жертвой злого умысла знати» [196, с. 81].

Система наказаний в государстве Конго предусматривала и смертную казнь, и заключение в тюрьму, и телесные наказания, и «выставление на посмешище прохожим», и конфискацию имущества. Наиболее ранние из авторов свидетельствуют о том, что смертная казнь применялась чрезвычайно редко. В XVI в. даже самые тяжелые преступления карались лишь изгнанием из страны [171, с. 184]. По-видимому, со временем наказания за тяжелые преступления становились все более суровыми.

К середине XVII в. в Конго убийство каралось смертной казнью. Смертный приговор выносили также за колдовство и идолопоклонничество. Виновных сжигали заживо — наказание, хорошо известное из истории инквизиции. За смертной казнью следовала конфискация имущества в пользу короля. Иногда власти выдвигали ложное обвинение, чтобы конфисковать имущество богатого человека [131, с. 351].

Воровство — преступление, столь распространенное как в азиатском, так и в европейском средневековье, — было почти неизвестно в Конго в XVI — первой половине XVII в. Оно становится все более частым явлением с проникновением европейского влияния. Авторы второй половины XVII в. уже пишут, что воровство в низовьях р. Конго (в частности, в Лоанго) было обычным явлением [см. 131, с. 328].

Наказанием за воровство в XVIII в. служила продажа в рабство [128, д. 8, с. 52]. В это время, в период расцвета европейской работорговли, почти все виды пре-

ступлений — от самых тяжелых (убийство) и до небольшой кражи — караются одним наказанием — обращением в рабство в пользу потерпевшей стороны или короны.

При относительной многочисленности упоминаний о заключении в тюрьму, как о мере наказания, нам почти ничего не известно ни о тюремных помещениях, ни об организации их, ни о тех лицах, которые охраняли преступников. Лишь у одного из миссионеров (конец XVII в.) мы находим случайное упоминание о том, что заключенные часто бегут из тюрем, представляющих собой сделанные из тростника легкие и непрочные сооружения [182, с. 679].

Суммируя даже эти весьма неполные материалы о суде в государстве Конго, мы можем, однако, с уверенностью говорить о том, что, во-первых, перед нами уже суд и право классового общества; во-вторых, что правовые нормы являются средством охраны и защиты государства, его главы и институтов этого государства; в-третьих, что суд и право в Конго, несомненно, служат орудием обогащения правящей верхушки государства. Вспомним такие наказания, как продажа в рабство, конфискация имущества, наконец, различные пени и штрафы, которые выплачивают обвиняемые в пользу королевской казны и судей.

Армия. В Конго существовало два вида воинских подразделений. В своей основе армия представляла собой ополчение, созываемое по приказу либо правителя провинции, либо самого короля. В последнем случае все боеспособное мужское население, организованное по территориальному принципу, вставало в ряды армии [130, док. 38, с. 198; 160, т. II, с. 3]. В соответствии с древним обычаем король (повторим это) являлся верховным главнокомандующим, и если он сам возглавлял войско, отправляясь на войну, уклонение от его призыва каралось смертной казнью. Однако, как правило, король редко выступал в роли верховного главнокомандующего. В государственном аппарате уже появился, и, по-видимому, задолго до проникновения европейцев в низовья Конго, пост верховного главнокомандующего. Его всегда занимал правитель провинции Мбамба, а отряды этой провинции составляли наиболее боеспособную часть войска. Численность отрядов Мбамба в конце

XVI в. наблюдатели оценивают в 40 тыс., а всей армии—100 тыс. человек [130, док. 38, с. 198; док. 18, с. 136; 171, с. 81; 160, т. I, с. 24—25; 201, док. CLXVIII, с. 270].

Другой вид воинских подразделений — отряды наемников — «королевская гвардия», формировавшаяся из «иноземцев» (чаще всего — батек). Королевская гвардия состояла из четырех больших подразделений численностью от четырех до пяти тысяч каждое, под командованием четырех военачальников из наиболее знатных родов королевства. Гвардию отличала строгая воинская дисциплина и выучка. Основной ее обязанностью была охрана королевской особы, наблюдение за порядком во дворце и во всей столице. В случае если король сам отправлялся в поход, наемная гвардия следовала за ним и принимала участие в военных действиях [171, с. 183; 130, док. 38, с. 198—199]. Такие же наемные гвардейские отряды, но меньшей численности, имели и правители провинций. Наемная гвардия, как основная сила и опора короля и его «вассалов», существовала задолго до появления португальцев в стране.

В XVII в. в войсках Конго создается третий вид воинских подразделений — регулярные отряды мушкетеров, вооруженные огнестрельным оружием и обученные европейцами-инструкторами [160, т. II, с. 9, 19]. Мушкетеры не только давали правителям Конго немалое преимущество в войнах с соседями, но и помогали отстаивать свободу и независимость страны против все более настойчивого стремления португальцев, испанцев и голландцев захватить ее.

Расскажем подробнее об ополчении, на которое падала основная тяжесть войны.

Вооружение простого воина состояло из лука и стрел, ассега — метательного копья с древком длиной от 1 м 50 см до 1 м 80 см и широким наконечником, тяжелого ударного копья, кинжала (за поясом с левой стороны), ножа в форме штыка длиной около полметра, топора в форме полукруга из железа или хорошо закаленной стали, щита. Лук делали из очень крепкого дерева. Длиной он был около 1 м, стрелы (такой же длины) с одного конца имели железные наконечники в форме крючка, с другой — перья. Огромные щиты, прикрывавшие все тело целиком, были обтянуты кожей

буйвола, такой прочной, что копье не пробивало ее. Наконечники стрел и копий — ударного и метательного — были отравлены [171, с. 68; 130, док. 18, с. 121; док. 38, с. 198; 160, т. II, с. 7, 9, 15, 19—22; 131, с. 351].

В XVI—XVII вв. получили распространение сабли и тяжелые мечи, ввезенные португальцами. Аналогичным было вооружение армии Анголы и северных государств — Лоанго, Каконго, Нгойо [171, с. 50—51, 69—70; 131, с. 368].

Одежда простых воинов сводилась к минимуму — лишь нижняя часть тела была прикрыта тканью или шкурой животного. Командиры отличались от простых воинов головными уборами и одеждой. На плечах и на шее они носили толстые железные цепочки. Поверх коротких, до колен, штанов наматывали кусок ткани, спускавшийся до икр; на красивом поясе висели колокольчики, звеневшие при малейшем движении. На голову надевали квадратной формы шапочку (колпачок) с перьями павлинов, страусов, петухов; иногда перья втыкали в волосы. Перья, так же как и звук колокольчиков, указывали солдатам, где находится их командир [171, с. 68; 160, т. II, с. 7]. Все войско передвигалось пешком. Лишь изредка командиры пользовались особым рода носилками, которые несли рабы. Короля, если он возглавлял войско, несли на носилках. Марш совершался под грохот барабанов и звук рожков. Командующий держался в середине войска, разделенного на несколько подразделений, «батальонов». Он подавал команды с помощью различных инструментов: больших деревянных трещоток, деревянных цилиндрических барабанов, обтянутых кожей треугольных пирамид, сделанных из полос железа, по которым ударяют палками, наконец, различной величины дудок и рожков из полых слоновых бивней. Аналогичные инструменты имели и командиры подразделений. Услышав команду, они повторяли ее, передавая таким образом солдатам. При этом каждому маневру соответствовал свой сигнал, подаваемый определенным инструментом. Согласно этим сигналам войско начинало сражение, поворачивало направо, налево, шло вперед, назад, в рассыпном строю или сомкнув ряды. Сигналы для всего войска подавались самыми большими по величине инструментами. Чем меньше инструмент, тем меньше и войсковое подразделение, к ко-

тому относилась команда [171, с. 66—71; 130, д. 18, с. 121 — 122].

Командующие армиями Конго и Анголы неоднократно прибегали к военным хитростям и прекрасно умели пользоваться благоприятными обстоятельствами. Часто они начинали атаку ночью, в момент, когда враги меньше всего ждали нападения, или во время проливного дождя, когда огнестрельное оружие (аркебузы и пушки), дававшие португальцам большое преимущество, бездействовало [171, с. 70].

Армия Конго (в годы расцвета государства) была большой силой, с которой считались и друзья, и недруги, и ближайшие соседи, и португальцы. Однако по мере упадка государства меняет свой характер и армия. Кавацци утверждает, что в войсках Конго нет ни порядка, ни дисциплины. Он жил в низовьях р. Конго в тот период, когда страна была разорена вторжениями яга и внутренними междоусобицами [160, т. II, с. 5—9].

Таково было государственное устройство Конго. Наши материалы свидетельствуют, что в Конго XVI—XVII вв. уже сложилось государство как аппарат угнетения одной группы общества другой, аппарат для извлечения прибыли в пользу господствующей группы общества, как аппарат, основное назначение которого — крепко держать в руках эксплуатируемую часть общества.

Общественная организация

Описание организации государства Конго помогает разобраться и в вопросе о социальных отношениях, сложившихся в XVI—XVII вв. Общество баконго состояло из нескольких групп, резко отличающихся по положению в обществе: высшая знать, знать рядовая, простой народ — земледельцы (крестьяне) и рабы.

Р а б с т в о. В самом низу общественной лестницы стояли рабы. Однако и они, в свою очередь, делились в середине XVII в. на три категории: 1) рабы-военнопленные и рабы-преступники, составлявшие наиболее бесправную группу; их, как правило, продавали европейским работорговцам и увозили за океан; 2) «рабы»,

очага», или домашние рабы, эксплуатация которых была очень близка по форме серважу раннефеодальной Европы (раб, посаженный на землю или посланный «на оброк») [160, т. II, с. 45—47, 82]; 3) «дети рабов», которые пользовались почти полной свободой, а их зависимость от хозяина их родителей-рабов была чисто номинальной. Однако по положению в обществе «дети рабов» стояли ниже свободных [260, с. 97]. Такое состояние «полусвободы», т. е. существование групп населения, переходных от зависимого состояния к свободному, широко известно и в других государствах средневековой Африки [см. 47; 37; 31 и др.].

Униженное положение рабов подчеркивалось тем, что разговаривать с хозяином, кем бы он ни был — представителем высшей знати или простым муконго, им разрешалось лишь стоя на коленях. Число рабов росло по мере развития работорговли. Увеличивалось и их значение в производстве. Следует при этом различать по положению и по использованию в хозяйстве рабов высшей знати и рабов, принадлежащих простым людям. В XVI—XVIII вв. каждый знатный муконго имел много рабов в своем услужении: поваров, камердинеров, слуг, домоправителей, носильщиков и прочей челяди. Нередко представители этой челяди настолько входили в доверие хозяев, что почти повластно распоряжались в их усадьбах.

Рабы-носильщики также принадлежали (преимущественно знати и уж, во всяком случае, людям богатым, связанным с торговлей. Расширение обмена между побережьем и внутренними областями, расширение сети постоянных караванных дорог приводило к тому, что численность этой категории рабов быстро росла. Караваны рабов-носильщиков под присмотром надсмотрщиков-рабов несли с побережья европейские и местные товары, а обратно возвращались нагруженные слоновой костью, кусками дерева ценных пород и т. п.

Рабы, посаженные на землю, обрабатывали угоды знати. Обычно семье раба хозяин выделял определенный участок. Как при этом делился урожай, какую долю получали рабы, какую — хозяин, нам неизвестно. Все земледельческие работы, кроме подъема целины, в таких хозяйствах, как и в обычных крестьянских семьях, выполняли женщины.

Известно, что домашний раб имел право на личное имущество (например, дом, различную утварь), на которое хозяину обычай запрещал претендовать. Хозяин не мог отнять жену раба, даже если она была его же (хозяина) рабыней [260, с. 40]. Домашний раб имел право взять в жены свободную женщину, и тогда дети его рождались свободными. Семью раба обычай запрещал разрушать. Наконец, домашний раб имел право выкупить себя и свою семью, накопив средства и отдав за себя одного или двух купленных им рабов. Кавацци рассказывает, что в его время (середина XVII в.) существовал способ, с помощью которого раб и его близкие входили в доверие к хозяину и получали фактически положение почти полной независимости — полусвободы. Вся семья раба, работая изо всех сил, расчищает участок, строит хороший дом и дарит его хозяину [160, т. II, с. 35].

Рабы-мужчины уже в середине XVII в. были заняты в ремесленном производстве. Так, Кавацци сообщает, что предприимчивые богатые горожане, занимающиеся производством тканей импульчи, циновок, работами по дереву, использовали труд своих рабов [160, т. I, с. 223—224].

Любопытны сведения Кавацци о беглых рабах. Найдя высокого покровителя, соглашающегося принять их, беглые обязуются регулярно приносить хозяину определенную сумму «денег», живя при этом на свободе. Эта своеобразная «оброчная» система имела довольно большое распространение. Кавацци пишет, что именно таким образом люди знатные увеличивали свое состояние [160, т. II, с. 44—45].

Итак, сравнение материалов основных источников с поздними данными позволяет утверждать, что по мере увеличения масштабов европейской работорговли расширяется и сфера использования рабского труда в хозяйстве баконго, появляются новые формы и методы эксплуатации рабов.

Однако главное — эксплуатация почти всех категорий рабов в хозяйстве самих баконго в это время принимает формы, сближающие рабов по положению с сервами и феодалнозависимым крестьянством раннего европейского средневековья: раб, посаженный на землю, или «оброчный раб». А сам институт рабства в это вре-

мя — в пору максимального его развития у баконго — является лишь укладом в недрах раннефеодального общества, о чем свидетельствуют формы использования рабского труда.

Один из исследователей общественных отношений у баконго, Чоффен, прямо пишет: «Домашнее рабство — это название, которым пользуются для обозначения института, очень близкого серважу нашего средневековья» [228, с. 261].

Крестьянство баконго. Основную массу населения Конго составляло свободное крестьянство. Европейцам, жившим в стране, резко бросались в глаза внешние отличия между высшим слоем общества и простым народом. Мы говорили уже о том, насколько ярко проявлялось в поведении людей сословное положение; при встрече со знатым муконго крестьянин униженно приветствовал его, становясь на колени и хлопая в ладоши. Жизнь крестьянина была наполнена повседневным напряженным трудом в тяжелых условиях тропиков. Этот низший слой свободного населения являлся главным производителем материальных благ в стране. Своим трудом крестьянство кормило знать и королевский двор, пребывавший в праздности.

Следует подчеркнуть, что при изучении крестьянства мы вынуждены опираться на поздние материалы конца XIX — начала XX в.; авторы-современники не обращали и не могли обратить внимания на роль рода, кровнородственных отношений в повседневной жизни населения Конго. Во-первых, вопрос о существовании родо-племенной организации, как одной из древнейших форм организации человеческого общества, стал предметом изучения лишь с появлением в последней трети XIX в. работ Моргана («Древнее общество» и др.). А во-вторых, мы вплотную сталкиваемся с явлением, которое, казалось бы, может поставить под сомнение все предыдущие выводы о сложившейся государственности и становлении раннефеодального общества, явлением, которое еще в XIX в. играло огромную роль в жизни подавляющей массы населения, и прежде всего в жизни крестьянства, различных общественных форм и организаций, связанных с кровнородственными отношениями, с родом и его сегментами.

Живучесть общественных форм, свойственных родо-

племенному строю, в условиях раннеклассового общества составляет одну из важнейших особенностей общественного развития всех народов, живших в низовьях р. Конго, как, впрочем, и всех без исключения народов Африки к югу от Сахары. При этом речь идет не только о сосуществовании, но и о тесном взаимопереплетении пережиточных форм доклассового общества с институтами классового общества.

Поэтому определение действительной роли и места родо-племенной организации в жизни общества баконго представляет собой неременное условие для правильной оценки уровня их общественного развития. Опираясь на обильные, подчас противоречивые поздние материалы, сопоставлять их с теми скудными данными, что содержатся в основных источниках, — вот путь, которым мы вынуждены следовать. Миссионеры и исследователи конца XIX в. не нашли у баконго намеков на существование племени. В языке народа баконго даже не было термина, соответствовавшего понятию «племя» [202, с. 245—246]. А это значит, что племя, как форма организации, исчезло у баконго очень давно.

Итак, племени баконго не знали. Напротив, в конце XIX в. они сохранили род в одной из наиболее древних его форм — матрилинейный род — канда, объединявший по женской линии потомков женщины-прародительницы. Их имена собственные превратились в названия основных родов [260, с. 96; 263, с. 85].

При всей противоречивости материалов у авторов конца XIX — начала XX в. по главной проблеме — единство родового коллектива и его право на землю как основное средство производства можно проследить, что такого единства не существовало. Так, К. Ламан, миссионер, живший в провинции Нсунди в конце XIX в., пишет, что канда населяют целую деревню, а вся земля, лес и фруктовые деревья принадлежат всецело им. Но затем он добавляет: «Часто случается, однако, что земля, лес и фруктовые деревья бывают поделены между различными нзо (домохозяйство. — *Авт.*), с очень точными границами. Право собственности на них является одновременно и частным и коллективным...» [164, т. II, с. 99]. Эта оговорка, по существу, сводит на нет его же указания на права собственности (владения) родового коллектива на землю. Ван Винг утверждает безогово-

точно, что главное, в чем проявляется общность сородичей— коллективные права на родовые угодья, на землю рода [263, с. 93—97]. Наконец, еще одно мнение, совершенно противоположное первым двум: «Роды и семьи, пишет Уикс, свободно перемешиваются, но члены рода имеют взаимную ответственность и помогают один другому» [260, с. 96]. И далее: «Нет ничего, что удерживало бы семью или род вместе, кроме признания общего происхождения от некоего женского предка» [260, с. 99]. Согласно этим утверждениям ни о каком расселении единым родовым коллективом и речи не может идти. Нам это мнение представляется наиболее близким к истине. Смешанный характер поселений (с точки зрения «родового коллектива») обусловил ряд факторов— и внутренних и внешних. В числе первых — патри-локальность брака: жена переходит в деревню мужа — главы семьи; и матриархальные нормы наследования имущества и власти: все жены и все дети данного му-конго, а некоторые в конце XIX в., остаются жить в его деревне,— принадлежат к другому роду. Важнейший из внешних факторов: вся история XVI—XIX вв.— представляет собой непрерывную цепь войн, восстаний, приводивших к перемещениям населения и к оседанию отдельных семей или групп семей в районах, весьма удаленных от деревень предка-основателя рода. Филиппар подчеркивает: «В жизнедеятельности общества род имеет значение куда менее важное, чем семья» [202, с. 249]. Подходя к изучению исторических явлений (особенно общественных отношений) следовало бы сказать безоговорочно, что двумя-тремя столетиями ранее, роль общинно-родовой организации была еще больше. Но кропотливый анализ и сопоставление материалов убеждают нас в том, что уже в XVI—XVII вв. род из единственной организационной основы общества превратился главным образом в организм, регулирующий семейно-брачные отношения [50, с. 232—261].

Отношениями внутри рода, связанными с обычаями родовой экзогамии, и между отдельными родовыми коллективами (нормы обязательного брака между некоторыми канда) определялся в XVI—XVII вв. состав большой полигамной семьи — домохозяйства. По всем данным, уже именно тогда территориальная община и большая семья были основными организационными фор-

мами, в рамках которых осуществлялось сельскохозяйственное производство. Посмотрим, однако, сначала, что собой представляла деревенская община по поздним материалам.

Население деревенских общин в XIX в. составляли большие полигамные семьи — домохозяйства, которые вели свое хозяйство самостоятельно и, как правило, принадлежали к различным родам-канда. Иными словами, здесь уже сложилась земледельческая община на чисто территориальной основе, а в отдельных районах (например, в провинции Нсунди) складывалась сельская община. Во главе такой общины стоял старейшина-макулунте, который осуществлял судебную и исполнительную власть и пользовался не только огромным авторитетом, но и реальными материальными преимуществами (право на часть урожая со всех домохозяйств, на пошлины за переход по территории общины и переправу через реки и др.). Старейшине принадлежало право наделять землей семьи, живущие в деревне. Происходя преимущественно из рода первопоселенца и основателя данной деревни и будучи представителем «родовой аристократии», старейшина осуществлял власть над семьями, большая часть которых ни в коей мере не была связана с этим родом. Общине были присущи внутренняя связь, солидарность и нерушимый закон взаимопомощи, а общие собрания играли в ее жизни такую роль, что с их мнением приходилось считаться самому старейшине. Так, «родовые власти», «надстраиваясь» над общиной, объединенной по чисто территориальному принципу, хотя и пользовались своим положением для личного обогащения, но постепенно теряли значительную долю былой власти и авторитета. Такой рисуют деревенскую общину авторы конца XIX — начала XX в. [260, с. 101; 263, с. 125—126; 202, с. 251; 164, т. II, с. 46—55, 99; 252]. Сравним эти данные с теми скудными материалами XVI—XVII вв., которыми мы располагаем. Источники этого времени говорят прежде всего о том, что для разных районов страны были характерны свои формы поселений, т. е. особые формы, в рамках которых осуществлялось сельскохозяйственное производство. Нам известно, например, что крестьяне-баконго некоторых провинций (Сойо, например) жили в небольших деревнях; хижины, окруженные приусадебными участ-

ками, пальмовыми насаждениями, были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга [91, с. 114; 129, док. 7, с. 75]. В других провинциях усадьбы тесно лепились одна к другой вдоль длинной улицы [160, т. I, с. 98]. В столичной провинции эти небольшие деревни стояли так близко одна к другой, что, по мнению современников, казалось, будто они составляют город необъятной величины [160, т. I, с. 211—212; 131, с. 343—344].

Авторы-современники уделяли много внимания роли старейшины деревни — макулунте. Все они свидетельствуют о большой власти старейшин, а также — об их чисто административных функциях. Об этом пишут Микель Анджело и Денис Карли, рассказывая о путешествии (1667) по провинции Мбамба; старейшины должны были предоставлять путешественникам новых носильщиков [160, т. V, с. 131]. О тех же обязанностях макулунте пишет и Лоренцо да Лукка [129, док. 9, с. 191—193]. В документах, исходящих от королей Конго, имеются сведения о большой роли деревенских старейшин. Так, в специальном указе от 7 июля 1587 г. король Алвару II дает распоряжение старостам оказывать всяческое содействие миссионерам и не препятствовать проходу по подчиненной им территории или переезду через реки [96, т. III, док. 90, с. 344—345].

Однако о составе той общественной ячейки — деревни-либатта, которой управляет макулунте, нет почти ни одного слова. Судя по косвенным данным, встречающимся в «Сообщениях», либатта обычно объединяла несколько самостоятельных домохозяйств. Кавацци, например, пишет, что король жаловал деревням земли, необходимые для их существования. Иногда в такой деревне, продолжает он, наделяют землей каждого человека согласно его нуждам. Но несколькими строками ниже тот же Кавацци говорит, что в других либатта «сеют и собирают урожай сообща и распределяют продукты земледелия каждому по потребностям» [160, т. II, с. 35—36].

Имеются упоминания о совместной обработке земли и последующем разделе урожая и в «Сообщении» миссионеров Микель Анджело и Дениса Карли о провинции Мбамба (в середине XVII в.). Они пишут: «Когда урожай собран (что происходит два раза в год), жители ссыпают в одну кучу бобы, в другую — кукурузу,

затем отдают часть урожая макулунте. Для его пропитания и, отложив семена для посева, оставшееся делят по хижинам, соответственно числу людей, проживающих в каждой. Затем женщины вместе сеют и обрабатывают землю под новый урожай» [160, т. V, с. 168].

Итак, судя по материалам Кавацци, Микель Андже-ло и Дениса Карли, в некоторых провинциях государства Конго, например в Мбамба, еще в середине XVII в. сохранялось коллективное землепользование, обработка земли и распределение урожая по числу душ в поселении. Особую долю деревня выделяла старейшине. В таком случае, казалось бы, деревенская община должна была представлять собой коллектив кровных родственников, подразделение рода, да еще совместно ведущее хозяйство. Однако, по всем данным, это не так. Не следует забывать, что баконго-христиане, как правило, не отказывались от обычая полигамии, скрывая его от духовенства. Деревня, небольшая по величине, могла быть (вероятно, и была) поселением большой полигамной семьи. Тогда становится понятным и совместная обработка земли, и распределение урожая по числу душ в хижине, и выделение особой доли главе семьи, которого миссионеры принимают за старейшину. В других «Сообщениях» (того же Кавацци об иных провинциях, Бернардо да Галло и многих других) есть указания на то, что деревню населяли не зависящие друг от друга домохозяйства. Таким образом, господствующей единицей организации крестьянского населения в это время можно считать земледельческую общину, в жизни которой еще играли большую роль кровнородственные отношения.

Что представляла собой семья? Судя по материалам XVI—XVII вв. и по более поздним, основной производственный коллектив в обществе баконго.

В конце XIX в. в стране не сохранилось и следов довольно длительного влияния христианства и католического духовенства, боровшегося всеми средствами (вплоть до судебно-административных мер) за моногамную семью по европейскому образцу. В это время семья у баконго, как правило полигамная, состояла из мужа, нескольких жен, малолетних детей, племянников-подростков и взрослых.

Девочки оставались под опекой матери и отца до за-

мужества. В случае смерти матери их отсылали к старшему брату матери. Мальчики в возрасте 15—16 лет обычно переходили в семью дяди. И тогда все права и обязанности отца по отношению к ним кончались. Отец был не вправе удерживать сыновей при себе. Однако в это время (конец XIX в.) нередко случалось, что сын (или сыновья) сам отказывался идти к дяде и оставался с отцом [260, с. 118—119; 263, с. 190—191; и др.].

Киконго — язык баконго — не имеет специального термина для обозначения такой полигамной большой семьи. Однако в нем существовали слова, которыми называли дом, двор, т. е. совокупность жилищ, занимаемых полигамной семьей. Эти слова — лумбу, нзо — могут служить и для обозначения большой семьи — домохозяйства [164, т. II, с. 49]. Одной из характерных черт такой семьи, по свидетельству многих авторов конца XIX в., было строгое разделение имущества, продуктов питания и отдельное приготовление пищи каждой женщиной для своих детей (муж питался по очереди у каждой из жен) [см., например, 260, с. 119].

Вторую характерную черту жизни домохозяйства (и деревенской общины в целом) составляло разделение труда (в этом вопросе мнение авторов XVI—XVIII вв. и мнение авторов XIX—XX вв. едино).

Несколько иной рисуют большую полигамную семью авторы XVI—XVII вв. Так, многие из них связывают число жен с положением человека в обществе: «...знатные и главные люди государства имеют их больше, а люди простые часто владеют одной; многие же вообще не имеют ни одной» [130, док. 18, с. 123]. Миссионеры отмечают, что, несмотря на постоянные упреки священников и их угрозы применить суровые наказания, ба-конго-христиане не хотят отказаться от обычая полигамии. Они совершают церковный брак лишь с одной женой, остальных берут в качестве сожительниц [160, т. I, с. 428—430, 433]. Законная жена является хозяйкой всего дома, она распоряжается всем, ничего не делается без ее ведома. Все другие женщины обязаны ей подчиняться. Хотя каждая из жен имеет свой домик, где живет со своими детьми, но миссионеры пишут о совместном приготовлении пищи для всей семьи. Эту пищу «законная» жена, которая ведала всем хозяйством, распределяет во время совместной трапезы между всеми

членами семьи-домохозяйства. Все садятся в круг, и каждый из ее рук получает свою порцию еды [160, т. I, с. 430—431].

Исследователь не может не отметить, что в этих описаниях структурное единство семьи как экономической ячейки общества проступает гораздо отчетливее, чем в описаниях авторов конца XIX — начала XX в.

Многие европейцы (на протяжении трех веков) пишут об огромной любви к детям, бесконечной нежности и заботливости матери по отношению к ним, как об одной из характерных черт жизни семейной общины. Многодетность рассматривается как величайшее счастье. Мать не расстается с ребенком ни на час, пока он не подрастет настолько, что может заботиться сам о себе. Детей никогда не бьют, с ними никогда не обращаются плохо [182, с. 696—697; 112, с. 191 — 193, 197; 252, с. 388 и мн. др.]. В связи с высоким положением женщины в Конго при рождении девочки устраивается празднество, а рождение мальчика считается будничным событием [130, док. 18, с. 123].

Таким образом, на протяжении длительного периода у баконго бытовала в качестве основной хозяйственной единицы большая полигамная семья-домохозяйство, включавшая в свой состав широкий круг кровных родственников главы семьи — мужчины, а также его жен с их детьми. Главенствующая роль мужчины сочеталась с неизменным уважением к женщине.

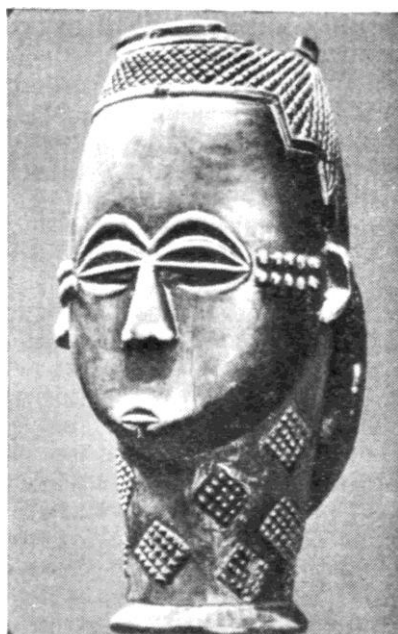
Одной из наиболее сложных проблем при изучении земледельческого населения, крестьянства (по европейской терминологии), является вопрос о поземельных отношениях. Здесь в распоряжении исследователя — лишь материалы сравнительно поздние. В конце XIX — начале XX в., в ту пору, когда государство Конго распалось, земля отнюдь не была «ничейной». Каждая деревенская община владела определенным участком земли, включавшим и обрабатываемую землю и различные лесные угодья. Границы земель деревенской общины строго определялись и, как правило, проходили вдоль русла рек и по опушке лесов и рощ. Один из миссионеров конца XIX в. подчеркивает, что эти порядки были особенно прочны «в прежние времена» [164, т. II, с. 100]. В эти времена отдельные домохозяйства имели право пользования участками, которые сами обрабатывали, а

все иные уголья использовали сообща для сбора диких и полукультурных плодов и ягод, для охоты и рыбной ловли. И речь может идти именно о праве пользования землей, а не о землевладении или собственности на землю. Земля принадлежала тому слою населения баконго, который стоял во главе государства.

Знать баконго. Анализ источников самого различного характера, но относящихся к XVI—XVII вв., позволяет выделить несколько особых групп в составе знати. Наиболее четко обособляется высшая знать, связанная узами родства или свойства с правителем государства. Это — представители королевского рода во главе с королем, правители провинций и тех территориальных единиц, на которые они делились (по терминологии португальцев — «сеньорий» или «маркизатов»), а также весь штат, обслуживавший короля. Основное занятие и в то же время привилегия этого круга знати — управление страной. Право на управление отдельными территориальными единицами давало в руки высшей знати огромную власть над населением и одновременно возможность эксплуатации его путем присвоения прибавочного продукта, собираемого в виде прямых и косвенных налогов. По образу жизни высшая знать резко выделялась на фоне остального народа. Именно она в XVI—XVII вв. испытывала сильное, но поверхностное влияние европейцев и европейской культуры.

Представители этого круга знати (как уже говорилось) присвоили себе пышную титулатуру (герцог Мбамба, граф Сойо и т. д.), португальские (христианские) имена и фамилии: граф Лакрима Кристи, князь да Силва Силварум и т. д. [130, док. 38, с. 196; 93, с. 101]. Различные привилегии ставили высокий барьер между высшей знатью и знатью рядовой, не говоря о простом народе. О многом мы уже упоминали в предыдущих разделах главы. Например, только «гранды», если их приговаривали к «божьему суду», имели право вместо себя посылать одного из рабов или домашней челяди.

Одна из привилегий высшей знати — право путешествовать в специальных гамаках-носилках. Существовало несколько видов носилок. Чем выше положение человека на общественной лестнице, тем роскошнее была их отделка. С течением времени внешняя роскошь, кото-

Кубок. Бакуба (дерево)

рой окружала себя высшая знать, все возмужала. Общественные различия тщательно фиксируются и в одежде. Кавацци пишет, что в Конго, как и в Европе, одежды отмечают положение людей. «Именно по различиям в одежде узнают знатное происхождение или должность» [160, т. II, с. 65].

Уже самые ранние известия португальских хронистов дают представление о том, что король и знать резко выделялись своим внешним видом и поведением.

Так, при описании приема Руй ди Соуза

(апрель 1491 г.) королем Конго, Барруш сообщает: «Король и знать помещались на высоком помосте, король сидел на троне из слоновой кости, а одеяние его состояло из длинной юбки и высокого головного убора, белой шапки, напоминающей митру, из тончайшей и очень красивой материи» и так далее [96, т. I, док. 21, с. 82].

Эти различия все более проявлялись в быту королевской семьи и высшей знати. Авторы конца XVI — начала XVII в. рассказывают о пышных и роскошных королевских одеяниях и о костюмах знати, немалого им уступавших [96, т. IV, док. 102, с. 364; 130, с. 180; 182, с. 694—696]. Кавацци уверяет, что одежды короля, очень богатые и разнообразные, украшены драгоценными камнями. В 80-х годах XVII в. он появляется в своих самых пышных одеяниях со множеством драгоценностей на руках и на шее, с золотой короной, надетой поверх традиционной белой шапки, в роскошной пунцовой ман-

тии, Шитой золотом и серебром [160, т. II, с. 66—67; 91, с. 104—105].

Чтобы показать свое богатство и поднять авторитет в глазах народа, король часто меняет одеяния. Иногда его видят одетым на португальский манер, в другой раз он появляется в старинной национальной одежде (с открытой верхней частью корпуса) [130, док. 38, с. 201 и др.].

Традиционная одежда знатного муконго состояла из короткой до колен туники и накидки из дорогой ткани местного производства, которую носили, оставляя одно плечо и руку открытыми. На голове — шапочка, украшенная перьями. В зависимости от положения, от степени знатности надевали различные украшения [182, с. 696]. Кавацци пишет, что у «принцев и правителей провинций» существовал штат ремесленников, специально их обслуживающий [160, т. II, с. 80].

Не менее яркой и богатой была и одежда женщин. «Женщины, — пишет Лопиш, — носят три юбочки, каждая из которых прикреплена к особому поясу; первая доходит до пяток, вторая — до колен, третья — до середины бедер... Грудь и спину прикрывают небольшой мантией... доходящей до пояса. На голове шапочки, подобные тем, что носят мужчины. Лица всегда открыты» [171, с. 182—183].

Одним из внешних признаков, отличавших высшую знать от остального народа, было право носить обувь. Еще одна привилегия — только высшей знати было разрешено носить одежды из ткани-импульчи, из »привозных тканей (шелка) и золотые украшения [131, с. 348; 91, с. 105—106; 160, т. II, с. 68].

И последнее, что в этой связи следует отметить: получая высокое звание или должность, представители высшей знати в торжественной обстановке получали от короля белые головные уборы-колпачки, или шапочки, как их называют европейцы. Даппер пишет: «Король Конго обычно носит на голове белую шапочку. Такую же шапочку он дарит своим фаворитам и знати, земли которых зависят от короны. Эта шапочка — своего рода признак знатности, и если король требует ее вернуть, — значит человек впал в немилость и лишен всех своих привилегий» [131, с. 352—353].

Низший слой знати также отличается внешним ви-

дом. Одежда старейшин деревни состояла из куска материи, обернутой вокруг бедер, и наброшенной на плечи накидки из дорогих местных тканей, спускавшейся почти до земли. Жители столицы Сан-Салвадора (Мбанза-Конго) одевались так же, как деревенская верхушка [131, с. 106].

Представление о внешнем различии между знатью и простым народом дают также и многочисленные в «Сообщениях» описания жилищ, формы которых менялись из провинции в провинцию. Усадьба простого человека состояла из нескольких хижин, расположенных вокруг дворика.

Внутреннее убранство было скромным: несколько циновок, на которых спали, да глиняные сосуды для приготовления пищи. Усадьба же знатного человека объединяла 30—40 построек с внутренними двориками и была огорожена высокой изгородью. Чем выше положение человека на общественной лестнице, тем большее число строений и внутренних двориков входило в его усадьбу [196, с. 92; 91, с. 113—114].

Королевский дворец, по описанию Франческо Романо, представлял собой большую усадьбу, более полутора миль в окружности, со множеством «домиков», построенных так же, как и другие жилища провинции. Лишь дом, в котором жил сам король, был сооружен из дерева и имел два этажа. В середине XVII в. «во всем Конго только один король имел двухэтажный дом» [91, с. 115].

Высшую знать от знати рядовой и простого народа отличал и образ жизни и манера вести себя: «Невозможно себе представить,— пишет Кавацци,— до чего доходит высокомерие и гордость людей с положением!» [160, т. I, с. 916].

Это же подчеркивает и Франческо Романо: Господа желают, чтобы их служители и рабы обращались к ним всегда, стоя на коленях. Если они королевской крови, то не только служители и рабы, но и стоящие ниже их, должны говорить с ними, стоя на коленях. Их жены желают, чтобы к ним обращались, стоя на коленях [91, с. 120]. При этом, тот, кто обращается, должен пользоваться самыми униженными выражениями [160, т. I, с. 216; и мн. др].

Высшая знать присвоила себе еще одну привиле-

гию — право на образование, широко распространенное в этих кругах, гораздо меньше — среди знати родовой. Очень велика была тяга юношества к образованию, к знаниям. В позднем средневековье обучение, как правило, было сосредоточено в руках духовенства. И в Конго с первых лет после крещения правителей и организации королем Афонсу I первой школы (1509) духовенство взяло в свои руки образование и воспитание детей высшей знати по европейскому образцу. Не прошло и семи лет со дня основания школы, а духовник Афонсу I пишет, что за короткий срок наблюдается такой прогресс, что это кажется ему чудом [96, т. I, док. 100, с. 362—363].

Об организации школ, об обучении знатного юношества в Португалии имеются сведения во многих документах XVI—XVII вв. Уже к концу XVI в. грамотность в столице была довольно широко распространена. Автор «Истории Конго» (конец XVI в.) пишет: «Почти все среди них умеют читать... они продают все, что имеют, чтобы купить рукопись или книгу» [130, док. 18, с. 130]. Об этом же пишет один из епископов Конго королю Португалии в начале XVII в. [96, т. VI, док. 123, с. 377]. Есть сообщения и о «домашнем» образовании знатной и богатой молодежи Конго [см. 160, т. V, с. 170].

В XVII в. школы создаются при дворах правителей провинций. С начала этого века по мере возвышения правителей Сойо, образование и школы все более сосредоточиваются в столице провинции Сойо. Питер ван ден Брук сообщает, что здесь существует восемь или десять школ. «Все дети знают португальский язык и получают образование на этом языке. В течение всего дня их можно видеть с маленькой книжечкой в руках» [128, с. 183].

Послы правителя Сойо, отправленные в 1643 г. в Бразилию, не только прекрасно говорили на португальском языке, но хорошо знали латынь и произнесли несколько речей на этом языке [цит. по: 128, с. 183]. Лоренцо да Лукка пишет, что знать посылает в Мбанза-Сойо, в монастырь, детей для получения образования. Сюда же в начале XVIII в. отправил сына и правитель государства Нгойо [129, док. 6, с. 56].

Многие священники, а также переводчики и секре-

тари королей Конго были, как правило, выходцами из образованной знати [130, док. 38, с. 201; док. 204, с. 507; и др.]. Так, секретарем Афонсу I в течение долгих лет был муконго—Жуан Тейшейра, секретарем Алвару III (60-е годы XVII в.)—мулат, и т. д. [128, с. 294; 160, т. V, с. 163]. Даппер подчеркивает, что в государстве Конго было много священников баконго и мулатов [131, с. 342, 357]. Об истории первого «черного епископа» Африки, Энрике, мы уже рассказывали выше. Итак, судя по документам, в XVI—начале XVIII в. в Конго существовала, и притом довольно значительная, прослойка образованных людей, в основном принадлежавших к высшим слоям общества.

Знать рядовая, не занятая непосредственно ни в управлении государством, ни при дворе —по обслуживанию верховного правителя, сосредоточила в своих руках торговлю (с течением времени и работорговлю) и занималась так называемыми «почетными ремеслами» (например, кузнечным).

Низший слой знати — деревенская верхушка (старейшины деревенских общин) представляла собой промежуточное звено между знатью и простым народом. Как деревенская община была низшим территориально-административным звеном в структуре большого государства, так и старейшина-макулунте входил в состав низшего слоя управленческого аппарата, выполняя определенные административные функции.

Подводя итоги изучению основных общественных функций знати и ее места в обществе баконго, можно сказать, что она была господствующим сословием с достаточно ярко выраженными сословными привилегиями. Эти выводы непосредственно подводят нас к наиболее спорной проблеме в истории общественных отношений баконго: о месте знати в поземельных отношениях и о различных формах крупного землевладения.

Приступая к изложению конкретного материала по этой проблеме, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Прежде всего следует обратить внимание на то, что в оценке сущности прав на землю обычно исходят из представлений и норм европейского так называемого «классического феодального общества», где развитие классовых отношений пошло по пути «романо-германского синтеза». В европейском средне-

вековые собственность на землю означала, как правило, свободную куплю-продажу земли, право отчуждения ее. Совершенно иное отношение к земле в странах, где развитие раннефеодальных отношений шло на основе разложения институтов родо-племенного общества. В подавляющем большинстве стран в основе процессов феодализации лежали не процессы экспроприации крестьянства (как во Франкском государстве), а процессы апроприации — подчинения крестьянина вместе с землей (которой он пользуется как член территориальной общины на разных этапах ее развития) власти меньшинства, власти правящего сословия. Поэтому здесь, в раннефеодальном обществе, права на эксплуатацию крестьянства, на прибавочный продукт, да и на значительную долю необходимого продукта, обусловлены прежде всего именно публичноправовыми функциями правящей верхушки общества, представителей всех ступеней государственной иерархии. Отсюда — и государственная собственность на землю, осуществляемая верховным правителем страны, который распоряжается землей в пользу высшей знати.

Почти весь раннесредневековый Восток — яркая иллюстрация данному положению, а в Конго XVI—XVII вв. — одна из разновидностей этого характерного явления.

В соответствии со спецификой развития в Конго XVI—XVII вв. складываются три формы крупного землевладения: 1) общегосударственная собственность на землю, персонифицированная в лице верховного правителя; 2) условные пожизненные (или на еще более ограниченный срок) владения землей, связанные с положением представителя знати на территориально-иерархической лестнице. Это — господствующая форма крупного землевладения; 3) пожалования в наследственное владение значительных по площади участков с правом на эксплуатацию населения. Такого рода пожалования правитель страны делал не только высшей знати, но и европейцам (Дуарти Лопишу и миссионерам) в знак признания их особых заслуг. Так, наследственные права на провинцию Сойо получил от первого христианского короля Конго правитель этой провинции в благодарность за то, что первым принял крещение [96, т. I, д. 16, с. 66; д. 17, с. 74; 130, с. 182].

Материальным

выражением прав на землю служили налоги — прямые и косвенные.

Таким образом, к Конго, далекому африканскому государству, подходят слова К. Маркса о государственной собственности на землю на Востоке: «Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя и существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» [2, ч. II, с. 354].

Завершая анализ прав знати на землю, следует подчеркнуть, что формы крупного землевладения, идентичные тем, которые сложились у баконго в XVI—XVII вв., существовали в прошлом у многих народов на различных материках. Пример этому — далекая от Африки страна европейского севера — Норвегия.

Здесь глава государства — конунг жаловал землю представителю знати — лендермену во временное владение. Лендермен мог «кормиться» за счет населения своих земель — свободного крестьянства, «но феодалом в обычном понимании он не был» [19, с. 93, 117 и др].

В основе «однотипности» форм становления феодального общества в Конго XVI—XVII вв. и в Норвегии XI—XIII вв. лежит тот факт, что в обоих случаях базисом, на котором складывалось классовое общество, служили поздние институты родо-племенного строя.

Выводы, которые мы делаем на основе изучения и систематизации материалов по общественным отношениям в государстве Конго, сводятся к следующему:

1. Общество баконго является раннеклассовым, а по своему характеру — раннефеодальным, но с далеко не завершенным процессом становления феодализма.

2. Общество баконго состоит из двух классов-сословий, резко отличающихся по положению: свободного крестьянства — производителя основных материальных благ в стране; знати (во главе с верховным правителем), осуществляющей эксплуатацию крестьянства главным образом через систему налогообложения.

3. В основе эксплуатации свободного крестьянства лежит право на управление и одновременно на владе-

ние (чаще всего пожизненное) территориальными единицами, на которые делится государство.

4. Незавершенность процессов феодализации сказывается на социальной структуре общества, и прежде всего на существовании значительного числа рабов, эксплуатация которых аналогична эксплуатации сервов раннесредневековой Европы. Европейская работорговля не только дала искусственный толчок развитию рабовладения, но и изменила сам характер рабства, изменила характер эксплуатации рабов.

5. Незавершенность процессов феодализации нашла выражение в существовании общественных групп, переходных от одного сословия к другому. Таковы дети рабов, а также низший слой знати — деревенская верхушка.

6. Необыкновенная живучесть организационных форм на кровнородственной основе — рода и его подразделений — в условиях процесса становления классов-сословий обладает неповторимым своеобразием классовых отношений. А у баконго эти процессы осложняются существованием одной из ранних форм рода — матрили-нейного рода канда.

Создается впечатление, будто общество баконго под воздействием каких-то нам еще неизвестных факторов сделало скачок в своем развитии, «перешагнув» через стадию патрилинейного рода к ранним формам государственности и развитию классовых отношений.

Тем не менее уже в изучаемое нами время род из единственной организационной основы общества превратился в механизм, регулирующий семейно-брачные отношения.

7. В XVI—XVII вв. ведущей формой организации сельского населения была земледельческая община на чисто территориальной основе, а главным производственным коллективом — большая полигамная семья — домохозяйство.

8. Европейская работорговля привела к полному развалу государства, к экономическому и политическому упадку страны, разоряемой войной ради захвата рабов-военнопленных. Но она же дала толчок оживлению и укреплению кровнородственных связей и рода — единственно уцелевшей формы организации общества. Работорговля, а также колониальный раздел Африки, коло-

ниальные войны, вся система управления, во многих странах строившаяся на основе искусственной поддержки и укрепления родовой организации (система «косвенного управления» с опорой на так называемые «традиционные власти» и институты), привели к тому, что род и вся система кровнородственных отношений до сих пор бытуют в свободных государствах Африки, осложняя и затрудняя их развитие.

ГОСУДАРСТВА ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ БАССЕЙНА р.
КОНГО: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

К востоку от государства Конго и к югу от гилеи — влажного экваториального леса, на просторах саванны раскинулись еще три государства, насчитывавших историю в несколько столетий и прекративших самостоятельное существование только на рубеже XIX—XX вв.

В этнографических трудах и описаниях общего характера прошлого столетия, а затем и в западной африканистике утвердились определения «королевство», «империя» для крупных политических объединений, «княжество» — для более мелких. Как это будет видно из описания государств бакуба, балуба и балунда, такие термины неприменимы к подобным политическим объединениям, стоявшим не на очень высоком уровне социального развития и не завершившим процесса клас-сообразования.

В советской литературе по истории Африки высказывалось даже мнение, что и термин «государство» по отношению к такого рода структурам несколько избыточен [48; 65, с. 281]. Мы же вслед за Л. Е. Куббелем полагаем, что возможно и даже правомерно появление «предклассовой публичной власти еще до завершения сложения классового общества» [35; 37, с. 10]. Превращение органов управления в государственную власть, т. е. «аппарат насилия», монополизация «общественной должностной функции» [6, с. 183], возникновение политической надстройки, несомненно, способствовали ускорению превращения доклассовых общественных отношений в классовые. Этот процесс хорошо прослеживается во всех политических объединениях доколониальной Африки, в том числе и в Центральной. Именно в этом смысле

мы и употребляем термин «государство», понимая под ним общество с еще не завершившимся классообразованием, но с достаточно развитым и абстрагированным аппаратом управления и насилия. Такого рода примеры и дают нам Куба, Луба и Лунда.

Названия эти связаны с народами, которые их основали: бакуба, балуба, балунда. В каждом из них было какое-то этническое ядро, вокруг которого добровольно или в силу военного превосходства объединялись другие этнические группы. Одни из них были близки по языку и культуре основному населению того или иного государственного объединения, другие отличались от него. Однако постепенно, в процессе сосуществования этих разных групп внутри одного политического целого, грани между ними сглаживались, и начинала складываться единая общность. Процесс их слияния и формирования единого этноса очень сложен и длителен; даже в наши дни его нельзя считать завершенным до конца.

Так же как баконго, балуба и балунда оказались разорванными политическими границами. Балуба живут сейчас в Заире, Замбии и Танзании; земли балунда разделены между Анголой, Заиром и Замбией. Только бакуба в силу своего географического положения сохранили в неприкосновенности свою этническую территорию.

Эти три народа близки по языку и культуре. Они живут в одинаковых экономических условиях, принадлежат к одному хозяйственно-культурному типу. Сходны и пути их исторического развития. Они имеют много общего и в социальной и в духовной жизни. Поэтому мы сочли возможным совместное параллельное рассмотрение государственного строя и общественной организации этих государств.

Как и баконго, все эти народы не знали письменности. Однако в отличие от Конго, уже с конца XV в. вступившего в контакт с португальцами, эти государства, лежащие далеко от океанского побережья, в глубине материка, сравнительно поздно познакомились с европейцами. Поэтому вплоть до 80-х годов прошлого столетия (лишь для балунда до конца XVIII в.) мы не имеем письменных свидетельств по истории этих народов. Основными источниками, дающими возможность воссоздать как политическую историю, так и общественное

устройство их, являются записи очевидцев — миссионеров и путешественников и устные исторические традиции¹

ГОСУДАРСТВО КУБА

Этногенез бакуба. Бакуба сами себя называют «бушонго». Это утвердившееся в африканистике название, под которым они впервые стали известны европейцам, было дано им одним из соседних народов. Оба наименования, и «бакуба» и «бушонго», связаны с «шонго» — древним неизвестным их соседям оружием — метательным ножом с несколькими обоюдоострыми лезвиями. Бушонго — люди, имеющие шонго. Слово же «куба» на чилуба (язык народа балуба) означает «молния», а «бакуба» — «люди молнии». Вероятно, с ударом молнии ассоциировалась стремительность, молниеносность и точность удара, наносимого этим страшным оружием.

Сейчас в африканистике принято название «бакуба» для всего народа и «бушонго» для этнического ядра — основного из 17 этнических подгрупп, игравшего ведущую роль в государстве.

Долгие годы многие европейские исследователи спорили о происхождении бакуба, народа, многим отличающегося от своих соседей. Ни у одного из соседних народов не существовало ни государства, ни таких особенностей культуры, как деревянная скульптура, метательные ножи, инкрустированные медью парадные мечи, и т. п. Европейцы, первыми побывавшие у бакуба, предполагали даже возможность древнеегипетского влияния [266, с. 258; 147, с. 172].

Это мнение давно опровергнуто. Однако до самых последних лет пользовалась признанием теория происхождения бакуба, предложенная самым первым исследователем этого народа — Э. Тордаи. И сейчас многие африканисты, популяризирующие историю Африки, считают его мнение неоспоримым и часто основываются на выводах Тордаи, когда говорят о происхождении, истории и датировке истории бакуба².

Э. Тордаи полагал, что бакуба не имели никаких корней в данной местности, и именно этим можно объ-

Сосуд. Бакуба (дерево)

яснить их развитую культуру, великолепное искусство резьбы по дереву и обработки металла, т. е. все, что так отличает их от соседей. По мнению Э. Тордаи, эти элементы культуры были привнесены бу-шонго в бассейн Конго с севера, с места их прежнего поселения, где они якобы были тесно связаны с берберскими народами [231, с. 35—37; 43—48]. Несомненно, на создание этой гипотезы Э. Тордаи повлияла распространенная в то время хамитская теория, предложенная

известными

африканистами Мейнхофом и Лу-шаном, которая объясняла все достижения народов Черной Африки внешними влияниями³.

В наше время гипотеза о северном происхождении бакуба отброшена, однако каждый исследователь, изучавший народы этого района, излагал свою теорию этногенеза бакуба. Одни выводили их с востока [74, с. 190—202], другие — с северо-запада [135, с. 108], третьи связывали с монго [158, с. 113—114; с. 341, с. 658]; четвертые полагали, что смешивались переселенцы разных направлений миграций [101, с. 205—217].

Наиболее разработана гипотеза Я. Вансина [244, с. 79—82; 246, с. 259—261]. По его мнению, часть переселенцев пришла с юга, большинство же — с запада. Толчком же к движению племен с запада и юго-запада послужило, видимо, завоевание португальцами прибрежных областей Анголы и устья Конго. Именно тогда бакуба переселились на берега Кванго, откуда затем яга, или имбангала, вытеснили их в глубь материка. Так как племена яга, разрушившие в 1568 г. столицу государства Конго, пришли, как полагают многие исследо-

вателей, с берегов Кванго, Я. Вансина делает вывод, что бакуба были вытеснены ими оттуда ранее, возможно в середине XVI в. Заметим, однако, что Г. Планкер, специально изучавший этнический состав района Кванго накануне вторжения яга, не называет в перечне народов, живших на берегах Кванго, ни одной из этнических групп бакуба [204].

Во всяком случае, можно считать доказанным относительно недавнее переселение бакуба в занимаемые ими сейчас районы и существование как восточных, так и западных связей [150, с. 328—333; 189, с. 419].

До сих пор вопрос о происхождении бакуба остается открытым. Возможно, будущие археологические раскопки в западных районах Заира и на территории, занимаемой бакуба, прольют некоторый свет на эту нерешенную проблему.

Образование государства Куба. Как полагают современные исследователи, государство Куба сложилось, вероятно, к концу XVI в. Пережив периоды становления и бурного подъема, оно просуществовало до бельгийской колонизации Конго.

Вансина начинает историю государства Куба с 1568 г. Первый период, по его мнению, — архаический (1568—1630). Его сменяет период расцвета (1630—1680), затем следует период стабилизации (1680—1885). И наконец, четвертый (после 1885 г.) характеризуется постепенным ослаблением государства Куба и проникновением европейского влияния в эти районы [242, с. 333]. Однако имеющиеся сведения об истории государства Куба позволяют думать, что ослабление государства началось значительно ранее (скорее всего после 1680 г.).

Трудно согласиться с Вансиной и относительно определения 1568 г. как даты основания государства. Во-первых, связь миграций бакуба с завоевательными походами яга в Конго далеко не доказана, пока это лишь гипотеза. Во-вторых, как известно, создание государства — процесс сложный и длительный, и попытка свести его к одному году в корне неверна. Правильней было бы говорить, что государство Куба возникло к концу XVI столетия⁴.

Ранние периоды истории бакуба окутаны легендами и мифами и плохо поддаются научному изучению. Пре-

Дания бушонго рассказывают о некоем Бумба, который сотворил мир, животных и людей, а также о Локо Йима, одном из его сыновей. Локо Йима стал якобы богом земли, прародителем бушонго и обладал властью над всеми людьми, живущими в лесах и саваннах. Два же других сына Бумба — Думанчала и Йеле (прародители бангенди и бангонго)—во всем подчинялись ему и регулярно платили дань. Этот миф, однако, наверняка сложился после окончательного формирования внутреннего устройства государства, когда бушонго уже заняли ведущее место среди других этнических групп ба-куба. Этот миф был призван узаконить власть ньями⁵ (титул правителя бакуба) и гегемонию бушонго.

В этот период истории бакуба твердая государственная власть отсутствовала. Скорее всего налицо был союз племен. Он возник, вероятно, благодаря необходимости объединения во время переселения и захвата новых земель.

Первые годы существования союза племен отмечены ожесточенной борьбой за власть вождей разных этнических групп. Известно, что Мансу ми Шьянг, принадлежавший к этнической группе бьенг, был свергнут (примерно к 1600 г.) Мбоонгом, вождем бушонго. С этого времени бушонго — ядро государства, к ним принадлежит как правящая династия, так и большинство лиц, занимавших различные посты административно-управленческого аппарата в государстве Куба.

Неизвестны причины явного и быстрого возвышения бушонго, но постепенно многие этнические группы бакуба признали свое зависимое положение в когда-то свободном союзе племен и начали выплачивать бушонго дань. Это признание было, однако, далеко не добровольным. История бакуба пестрит рассказами о войнах бушонго с другими этническими подразделениями. Первыми вассалами бушонго стали бангенде (это подтверждают устные предания последних). В то же время добиться полнейшей покорности таких этнических групп, как бьенг и пьянг, было нелегко.

К началу XVII в. сложился уже определенный статус главы государственного объединения. Из вождя военно-демократического союза племен вырос верховный правитель (ньями), отождествляемый с солнцем, орлом, соколом и попугаем. Со времени правления Ми-

ше ми Шьянга (приблизительно 1620 г.) признавалось сверхъестественное происхождение ными.

Расцвет и упадок государства. Со времени правления Шьяама а Мбул а Нгоонга (1630—1640) начался расцвет государства Куба, длившийся несколько десятилетий. Это был период завершения территориальных захватов и формирования государственного аппарата. По свидетельству Э. Тордаи, в начале нашего столетия имя Шьяама было самым известным и самым уважаемым в длинном списке правителей бакуба.

Со временем Шьяам стал своеобразным культурным героем бакуба. Одна из легенд рассказывает: «Еще будучи наследником, Шамба (так Э. Тордаи записал это имя.— *Авт.*) решил отправиться путешествовать, посетить народы, живущие за пределами государства бакуба. Мать отговаривала его, убеждая, что, так как после смерти дяди (а у бакуба до наших дней сохраняется материнский счет родства, и наследование как имущества, так и власти идет от дяди по материнской линии к племяннику.— *Авт.*) он должен стать главой государства, ему в интересах своего народа нельзя рисковать своей жизнью. На это молодой человек ответил: „Так как я буду королем, величайшим из людей, я должен быть и мудрейшим; путешествуя, я увижу достоинства и недостатки других племен и смогу использовать их у себя на родине: достоинства — чтобы следовать их примеру, недостатки — чтобы их избежать» [231, с. 25]. Устная хроника рассказывает, что он путешествовал в течение нескольких лет, посетил племена к западу от земель бакуба и, вернувшись наконец на родину, много сделал для процветания государства. Некоторые исследователи истории бакуба полагали, что во время этих странствий Шьяам посетил Конго и именно оттуда заимствовал и систему управления и многие черты культуры [230, с. 160—169], либо был беглым рабом из Конго [242, с. 342—343]. Однако сами авторы вынуждены признать, что это чисто теоретическое предположение не находит никаких подтверждений.

Скорее всего многие достижения были приписаны именно Шьяаму гораздо позднее, но несомненно, что при нем произошло значительное расширение ассортимента сельскохозяйственных культур, интенсивное развитие земледелия. Бакуба начали возделывать кукурузу,

табак и маниоку, сахарный тростник, а также земляные орехи⁶. Во время правления преемника Шьяама — Мбоонг а Леенга — бушонго познакомились с возделыванием бобов, а несколько позднее (при Мбо Мбоше — во второй половине XVII в.) научились получать из маниоки муку.

Именно в широком распространении земледелия, давшего надежный источник существования и возможность накопления прибавочного продукта, кроется причина относящегося к этому времени расцвета ремесла и торговли.

Можно с уверенностью сказать, что к XVII в. уже существовала твердая государственная власть, управление государством стало централизованным, были основаны суды.

Административно-управленческий аппарат, сложившийся в этот период, почти без изменений существовал до конца XIX в. В столице на основе известного всем африканским народам института возрастных классов были созданы постоянные воинские подразделения. Нерегулярный сбор дани заменили налоговой системой [242; с. 343; 231, с. 84], а при Мбоонг а Леенге (1640—1650) впервые появились сервильные поселения, жители которых работали непосредственно на нужды двора [242, с. 344].

Ко второй половине XVII в. окончательно сложилось и территориальное единство Куба. Еще Шьяам присоединил к своим владениям земли, населенные нгомбе, идинг и бакеле. Его преемники добились после долгих ожесточенных войн покорения пьянг.

Много сил и времени потребовало от Мбоонг а Леенга подчинение бьенг и бакете, живших к югу от бушонго. Его преемнику Мбо Мбошу для борьбы с Локоно, Ингома и Лончала (вождями банкуту) пришлось созвать ополчение, так как его дружине это оказалось не под силу.

Интенсивное развитие земледелия, ремесел, процесс образования аппарата управления свидетельствуют о появившихся отношениях господства и подчинения в среде бакуба. Войны, проводимые бакуба после XVII в., в основном были вызваны необходимостью подавлять сопротивление подчиненных групп и отдельных деревень (т. е. это были скорее полицейские акции) или отражать нападения, а не стремлением завоевывать новые земли.

Основой внешней политики стала не война, а торговля: посредническая — медью, солью, в небольшой степени рабами и монопольная — латунью.

Период стремительного подъема сменился постепенным спадом. Время правления Мбакама и ряда его преемников (конец XVII—XVIII вв.) характеризуется усиливающимися центробежными тенденциями. Правителям бакуба приходилось силой удерживать в повиновении многочисленные непокорные районы внутри государства. Ряд восстаний, причины которых достоверно неизвестны, вспыхнули в областях, заселенных нгонго. Мбакам жестоко подавил восставших пьянг и кайювенг. С волнениями внутри государства столкнулись и Кот а Мбееки (1695—1710) и Кот а Мбул (1785—1800), которому пришлось бороться против кофа, пьянг и нгенди.

Восстания нгенде, пьянг, кель, шова, нгонго продолжались и в правление Мбоп а Мабиинка (1835—1884) [231, с. 32; 242, с. 348]. К восстаниям, вспыхивавшим в разных частях страны, прибавлялись и междоусобицы. Особенно яростная борьба разгорелась между наследниками Мбоп а Мабиинка. Тот назначил преемником своего сына Мботе Кумамбиа, хотя согласно обычаю права на власть должен был унаследовать племянник Мико Мабиинк. Ожесточенная борьба закончилась победой законного (с точки зрения обычного права бакуба) наследника.

На это время распрей и междоусобиц в районе поселения бакуба приходится первое появление здесь европейцев. Правители бакуба, несомненно, давно слышали о европейцах, появившихся в Центральной Африке, и догадывались об их истинных целях. Поэтому, стремясь сохранить свободу, они закрыли европейцам доступ на территорию государства Куба, а Мбоп а Мабиинк даже штрафовал деревни, нарушившие запрет и принимавшие белых. В наказание за проступок такая деревня посылала ко двору ными раба. Поэтому Силва да Порту, первый европеец, достигший в 1880 г. границ государства Куба, не смог проникнуть в его внутренние области [218]. Только в 1884 г., когда бакуба были поглощены борьбой между Мботе Кумамбиа и Мико Мабиинком (Микопе Буимбе в записи Вольфа), Л. Вольфу [266] удалось побывать в самом сердце государства Куба.

Бакуба не допускали даже основания миссий в своем государстве. Первая из них (и в течение многих лет единственная) — Американская пресвитерианская христианская миссия — была основана только в 1897 г.

Между тем уже в 1884—1885 гг. было провозглашено создание Независимого государства Конго, и земли бакуба, на которые не допускались европейцы, официально вошли в состав нового государства. Фактически бакуба по-прежнему сохраняли свою независимость.

«До конца XIX в. бушонго представляли собой могучий, гордый народ, сохранивший непреклонность, свойственную расе победителей, и живший так замкнуто и обособленно, что европейские товары и продукты никогда не появлялись на его территории.

... Если бы тогда одному из бушонго сказали, что его страна будет порабощена иностранцами, он так же мало поверил бы этому, как римлянин времен Августа предсказанию о варварском нашествии» — так писал о бакуба Тордаи [66, с. 118].

Лишь в 1899 г. на территорию бакуба вторглись войска Независимого государства Конго и воинские подразделения его союзника Типпу Типа, некоронованного короля Восточного Конго. Вооруженные огнестрельным оружием солдаты разграбили пограничные деревни, покорили их, но не смогли захватить страну. Потеряв свои юго-восточные владения, государство Куба еще продолжало существовать.

Понадобился еще не один год упорной борьбы, чтобы заставить правителя бакуба признать суверенитет Независимого государства Конго. В 1900 г. европейцы захватили столицу, разбили войско ными. Жители столицы и сам правитель бежали. В этот день около 400 человек было убито, более 150 попали в плен. Спустя несколько месяцев, уплатив значительную контрибуцию, бакуба возвратились в свою столицу.

Это поражение было для бакуба тяжелым психологическим ударом. Оказался разрушенным миф о непобедимости бакуба. Хаос в государстве усилился еще из-за возникшей эпидемии, унесшей с собой множество жизней, в том числе и двух ными.

В 1901 г. была основана международная акционерная Компания Касаи, активно эксплуатирующая природные богатства и население этого района. Она полу-

чила монополию на торговлю слоновой костью и каучуком. Кольцо ее факторий постепенно сжималось вокруг остатков владений правителей бакуба.

В эти тяжелые дни во главе бакуба встал Кот а Пе. По описаниям хорошо знавшего его Тордаи, он был незаурядным человеком. Кот а Пе любил свой народ и пытался обратить ему на пользу знакомство с европейскими достижениями: «Квете (так у Тордаи записано имя Кот а Пе.— *Авт.*) мечтал сделать грамотными всех своих подданных, возродить старинные искусства. Он рассказывал о европейских «чудесах», торговле, научных открытиях. Хотел возвеличить свой народ и надеялся достичь этого с помощью бельгийцев» [66, с. 121].

Видимо, Кот а Пе сознавал, что не сумеет помешать проникновению европейцев и усилению их влияния. Поэтому он принял в столице трех миссионеров, согласился на строительство часовни и католической миссии неподалеку от своей резиденции. Кот а Пе готов был даже сотрудничать с европейцами. Но в феврале 1904 г. все иллюзии о мире и согласии с европейцами рассеялись — те не пожелали считать «туземного царька» равноправным партнером. Летом этого же года началось восстание бакуба против бельгийцев. Отряды бакуба атаковали фактории Компании Касаи, и управляющему районом Лубуди и его агентам пришлось спасаться бегством. Движение быстро распространялось по всей стране бакуба. В нем принимали участие все этнические группы бакуба: и бушонго, и бакете, и пьанг, и бангонго. К ноябрю в руках восставших были уже все фактории и посты на юге Куба. Европейцы в панике отступили в Луэбо. Однако в рядах восставших не было согласия, страна была ослаблена многолетними усобицами, вооружение армии составляли лишь луки, копья и мечи, которые, конечно же, не могли противостоять ружьям и пушкам.

Уже в феврале 1905 г. с помощью новых подкреплений сопротивление восставших было сломлено. Столицу заняли карательные отряды, ними пришлось бежать и скрываться в болотах.

Еще недавно были живы старики — свидетели этих событий. Вот как рассказывал об этом сражении один из них: «Офицеры государства (Независимого государства Конго.— *Авт.*) услышали, что здесь война, и они

привели солдат, и их ружья убили много людей. Когда люди в столице услышали это, они пошли им навстречу. Но ружья белых снова убили много людей. Мы поняли тогда, что наши заговоры бессильны против их ружей! Все бежали и спрятались в лесу. Они пришли в столицу и потребовали короля. Но король скрылся. Когда офицер увидел, что короля нет, он сказал: „Если король не покажется, я останусь здесь и не уйду. И он, и его солдаты расположились лагерем. Когда король увидел, что они не хотят уходить, он вышел и объявил: „Нет больше войны. Нужно сдаться европейцам⁴“. Короля взяли и посадили в тюрьму в Лусамбо. Он был шесть месяцев в тюрьме. Он понял, что нужно покориться белым, и тогда ему разрешили вернуться⁷.

Добавим к этому, что вернулся «король» лишь после того, как за него заплатили громадный выкуп — 500 рабов [240, с. 22]. Восставшие не смогли противостоять хорошо вооруженным войскам Независимого государства Конго.

Кот а Пе, вернувшийся в родные края в 1905 г., понимал безнадежность дальнейшей борьбы, но его политика сближения с белыми не встретила поддержки в стране. Ньими был вынужден, чтобы сохранить власть в своих руках, опираться на чужеземцев — охранников-батетела. В 1910 г. в столице появился военный пост бельгийской администрации.

Перестав существовать как самостоятельное государство, Куба все же надолго сохранило известную самостоятельность и культурную целостность. Земли, населенные бакуба, всегда составляли отдельную административную единицу (территорию Мвека) и во времена колониального раздела государства, и в независимой Республике Заир.

ГОСУДАРСТВО ЛУБА

Во второй половине прошлого столетия в бассейне р. Конго побывали и отдельные европейские путешественники и целые экспедиции, но обстоятельные их отчеты и популярные книги выходили небольшими тиражами и оставались малодоступными широкой публике. Зато с увлечением читалась приключенческая литера-

тура. Сердца и взрослых и детей завоевал Жюль Верн, среди книг которого особенно большой популярностью пользовался «Пятнадцатилетний капитан». Нет нужды напоминать содержание этого романа. Скажем только, что описание и природы Африки, и приключений героев, и характеристика политической обстановки, отдельных бытовых деталей заимствована автором у знаменитых путешественников по Центральной Африке — Г. Стенли и В. Камерона. Герои «Пятнадцатилетнего капитана» волей случая попадают на берега Анголы, а затем проходят горький путь невольников — до крупнейшего в конце XIX в. рынка рабов Уджиджи на восточном берегу оз. Танганьика. Этот путь проходил через загадочную страну Уруа. О ней рассказал Камерон в своей двухтомной работе «Через Африку» [111], материалы которой взял за основу Жюль Верн.

Более поздние авторы — и путешественники, и ученые, специально занимавшиеся историей этого района, не находили здесь ни такого государства, ни такого народа, а рассказывали о двух древних «империях» ба-луба. Если же посмотреть на немногочисленные карты этих земель конца прошлого столетия, то мы увидим перекрывающую почти всю Шабу надпись «империя Мсири». Итак, что же было в этой области, получившей впоследствии благодаря богатейшим запасам полезных ископаемых всемирную известность, — государство Уруа, «империя Мсири» или две «империи» балуба?

Первые годы государства Луба. Районы, занятые сейчас балуба, были заселены с древнейших времен. Археологические раскопки в районе оз. Кисале в Республике Заир свидетельствуют, что население IX—X вв. — прямой предшественник современных народов Шабы [192].

С конца XV в. из многочисленных разрозненных племен этого района начинает выделяться воинственная группа, положившая начало образованию одного из самых крупных народов современного Заира — балуба [257, с. 64].

К 1500 г. существовало множество мелких княжеств; среди них выделялись два наиболее сильных и крупных — Каниок и Калундве. Существует много легенд, рассказывающих об одном старом рыбаке Мулейя Мон-га и о его сыне Конголо. Они жили в стране, к северу

от Каниока и Калундве, занимаемой бакаланга. Занимаясь ловлей черных муравьев, употребляемых здесь в пищу, мальчик заинтересовался их жизнью. Однажды он спросил своего отца: «Как могут черные муравьи побеждать термитов, которые гораздо крупнее и сильнее их?» Старый рыбак объяснил ему, что сила черных муравьев в том, что они работают и борются сообща; только так слабые насекомые могут противостоять более сильному противнику. Конголо запомнил это объяснение и решил, что, когда вырастет, объединит людей, живущих пока обособленно. Став взрослым, он с группой своих сверстников отправился на юг⁸. Остановившись в верховьях р. Ломами и подчинив себе местные племена, он постепенно распространил свою власть от Луалабы (так называется р. Конго в верхнем течении) на востоке до р. Бушимаи на западе. Эти территории и стали ядром будущего государства Луба.

Таковы предания [106, с. 293]. Исходя из них, многие европейские авторы утверждают, что именно завоевание было решающим фактором в возникновении здесь государства.

Вероятно, сам факт завоевания имел место. Однако не это явилось решающим фактором и причиной создания государства у балуба. Предпосылки появления социального неравенства, отношений господства и подчинения, а как результат — формирования государственного аппарата, призванного закрепить и удержать эти новые отношения, возникли здесь, на месте. Пришедшие в такое общество немногочисленные завоеватели, отряды охотников-мужчин, не сопровождаемые семьями, быстро влились в местное население, смешались с ним и сумели использовать в своих интересах уже имевшиеся зачатки государственности. Таким образом, завоевание не было решающим этапом в истории образования государства Луба. Всемирная история знает немало примеров, когда захваты в период складывания государственного аппарата приводили к тому, что завоеватели входили в высший слой общества, самостоятельно достигшего этого уровня развития, а иногда и составляли основную его часть.

Конголо начал свое правление с завоевательных походов. Особое его внимание привлекали восточные районы, богатые солью и пальмовым маслом, и скоро восточ-

ной границей его владений стала р. Луалаба. Во всем этом районе не нашлось таких сильных племенных объединений, которые могли бы противостоять завоевателям. Единственное исключение составляла Киконджа на берегах оз. Кисале. Подобно Конголо, правители Киконджи стремились укрепить свое княжество за счет соседей. Они захватывали малозаселенные земли и покоряли слабые племена. Столкновение этих двух сил было неизбежно. Конголо нанес поражение предводителю воинов Киконджи и, таким образом, расширил свои владения. Господство Конголо в дальнейшем было закреплено брачными союзами. Две его сестры стали женами Мбили Килуе— сына правителя Киконджи.

Так сложилось большое территориальное объединение балуба во главе с Конголо.

Среди покоренных племен центральное место занимали более развитые и многочисленные бахемба (балу-ба-хемба)—основное население Киконджи. В глазах бахемба жестокий, высокомерный и заносчивый Конголо оставался чужеземцем, завоевателем. В конце прошлого столетия старики балуба утверждали, что тщеславие Конголо доходило до того, что он пытался строить деревянные башни, чтобы достичь неба [119, с. 355; 257, с. 921.

Недовольство основной массы населения жестоким правлением Конголо росло. Им воспользовался Калала Илунга — племянник Конголо, сын его сестры Буланды, одной из жен правителя Киконджи. Юноша рос при дворе своего дяди, слыл одним из лучших его воинов и участвовал в завоевании южных областей. Удачи молодого военачальника вызвали подозрения и опасения Конголо, и он даже пытался убить Калала Илунга, но тому удалось бежать на родину, в Киконджа. Там он собрал сторонников и вернулся с большим войском. Понимая, что народ поддержит Калала Илунга, Конголо попытался спастись бегством, но был схвачен и убит. Захватив власть, Калала Илунга построил новую столицу. Это было примерно в 1585 г.

Указанную дату многие авторы, писавшие о балуба, считали определяющей вехой в истории Луба. По их мнению, правление Конголо до 1585 г.— это «первая империя» балуба, а переворот, приведший к правлению Калала Илунга, положил начало «второй империи» Лу-

ба. По-видимому, нет смысла проводить такое деление. Период правления Конголо был слишком мал и не столь важен, чтобы считать его целой эпохой.

Территориальная экспансия балуба. Династическая линия, основателем которой стал Калала Илунга, не прерывалась до последних дней существования государства, до конца XIX в. За это время Луба пережило постепенный подъем, период расцвета и быстрый упадок, приведший к распаду государства, что значительно облегчило порабощение районов Катанги европейскими колонизаторами.

Со времени основания государства Луба его правители проводили территориальные захваты. Первое серьезное расширение пределов государства связано с именем сына Калала Илунга — Илунга ва Лиу, а затем внука — Касонго Мвине Кибанза (первая половина XVII в.). Последний, выдержав борьбу с пятью соперниками, сумел укрепить свою власть; именно при нем были присоединены новые земли. Однако его преемники, занятые внутренними распрями, не смогли сохранить целостности государства, и уже во время правления Нгои Санза (конец XVII в.) от Луба отделилось несколько небольших объединений, правители которых начали борьбу против центральной власти. И при Касонго Бонсве, непосредственном преемнике Нгои Санза, и при его сыне Мвине Комбе Дай государство балуба территориально не расширялось.

Новый период в истории Луба начался с приходом к власти Кадила (начало XVIII в.). Положение в Шабе осложнялось тем, что на южных ее границах возникли новые государственные объединения, ставшие соперниками Луба. На берегах верхней Луалабы появилось владение Казембе, данника и вассала государства Лунда. Балунда, пришедшие с запада, продолжали активную экспансию. Еще южнее начало развиваться государство Лози, ставшее вскоре опасным соперником Луба и Лунда.

Последующие несколько десятилетий были ознаменованы частыми смутами. Кекения, наследнику Кадила и его сыну Илунга Сунгу пришлось выдержать серьезную борьбу со своими двумя братьями.

Илунга Сунгу был, как рассказывают устные исторические хроники, великим завоевателем; он совершил

множество удачных походов в районы между Луалабой и оз. Танганьика. Как и его предшественникам, ему пришлось вести суровую борьбу с соперниками внутри государства, но Илунга Сунгу вышел из нее победителем.

Его сын — Кумвимба Нгомбе (приблизительно конец XVIII — начало XIX в.) характеризуется устной традицией как самый великий воин и завоеватель в длинном ряду правителей балуба. (К этому времени относится наивысший расцвет государства.)

При Кумвимбе Нгомбе государство Луба раскинулось с востока на запад более чем на 600 км (от оз. Танганьика до р. Бушимаи) и почти на 560 км с севера на юг (от р. Лукуга до северных границ современной Замбии). Площадь его (около 36 тыс. кв. км) в восемь раз превышала площадь современной Бельгии, хозяйничавшей в Конго в годы колонизации.

Все эти области, и вошедшие в состав государства Луба при предшественниках Кумвимбы Нгомбе и вновь завоеванные, были населены разными племенами и этническими группами. Обычно и после покорения этих племен во главе их продолжали стоять местные вожди, если они признавали зависимость от правителя Луба и регулярно платили ему дань. В противном случае их лишали власти и расправлялись не только с ними, но и с членами семей. На их место назначали новых правителей, преимущественно балуба. Начиная с правления Кумвимбы Нгомбе на всех завоеванных землях появились переселенцы-балуба. Они становились опорой центральной власти на местах. В пограничных районах создавались укрепления с постоянным гарнизоном воинов-балуба.

Рудники и соляные копи на южных землях балуба всегда служили предметом вождения их соседей: сначала Бемба, а затем Казембе. Однако государство Луба было еще достаточно сильным и могло противостоять агрессивным устремлениям балунда. Южный сосед таил в себе другую, не меньшую, а, может быть, даже большую опасность, чем просто захват принадлежавших балуба территорий. Дело в том, что Казембе, как и все государство Лунда, давно уже было втянуто в европейскую работоторговлю, центром которой было Атлантическое побережье Африки, устье р. Конго и Ангола.

По его территории, в непосредственной близости от земель балуба, проходил трансконтинентальный торговый путь, связывавший португальские владения — Анголу на Атлантическом побережье и Мозамбик на побережье Индийского океана. Представители правящей верхушки Лунда не только контролировали эту торговлю, но и сами активно в ней участвовали, получая немалые доходы.

Последние годы государства Луба. Уже первый преемник Кумвимба Нгомбе был убит своим братом, Илунга Кабале (первая половина XIX в.), который вел постоянные войны с соседями и которому приходилось довольно часто подавлять волнения внутри самого государства. Илунга Кабале получил славу самого могущественного правителя во всей Шабе, но какой ценой! О жестокости, с которой он расправлялся с недовольными, рассказывали и после его смерти. В период правления его и его преемников в восточных областях современного Заира появились воины-завоеватели (байеке) во главе со знаменитым Мсири, а затем — торговцы с восточного берега Африки. Один из самых влиятельных работорговцев, Типпу Тип, сфера действия которого охватывала всю Восточную Африку и Шабу, писал в автобиографии: «В то время Рунгу Кабаре (Илунга Кабале.— *Авт.*), великий вождь Уруа (Луба.— *Авт.*), был очень сильным. Он захватил всю область Маньемы до оз. Танганьика. После своей смерти он оставил много наследников, которые спорили о праве на власть. Вот почему их могущество ослабло...» [76, с. 100].

История балуба во второй половине XIX в.— это история непрерывных ожесточенных войн брата против брата и сына против отца.

Последний мулохве единого государства Луба, Ка-сонго Каломбо, только по титулу был главой всех балуба. На самом же деле страна распалась на множество мелких объединений, самое крупное и значительное из которых возглавлял Касонго Каломбо. Камерон называет это владение Уруа. Долгое время считали, что Уруа не имело ничего общего со старым государством Луба. Так говорит о нем и Ф. фон Гельванд, автор вышедшей в 70-х годах XIX в. книги «Земля и ее народы». Четвертый том ее — «Живописная Африка» — на

протяжении МНОГИХ Десятилетий оставался основным источником сведений об Африке для массового читателя [17, с. 126]. То же название страны можно обнаружить на картах того времени [102, карта]. Однако слово Уруа лишь суахилизированная форма балуба⁹.

Уже в самом начале правления Касонго Каломбо в стране балуба появились первые торговцы, хорошо принятые мулохве. Он установил тесные отношения с пришельцами, отдавал им на расправу непокорные деревни, которые они могли грабить, а жителей забирать в рабство. Касонго Каломбо сам нередко принимал участие в таких набегах. Появление в стране работорговцев вызвало недовольство народа и привело к открытым восстаниям. Наиболее известно движение, возглавляемое кузнецом Дэла, который в первом же столкновении заставил отступить войска Касонго Каломбо. Однако последний сумел получить поддержку английских торговцев, и уже в следующий раз оружие оказалось, как писали европейцы-очевидцы, «сильнее энтузиазма сторонников Дэла». Армия кузнеца была разбита.

Касонго Каломбо, как и его предшественники, продолжал торговые связи с анголезцами-помбейруш, которые продавали ему «прекрасные кремневые ружья». Обладая таким несомненным преимуществом, как огнестрельное оружие, он смог подавить все выступления против центральной власти. Но правление его было недолгим: в одном из походов, носившем, как обычно, карательный характер, ружье Касонго разорвалось в его руках. Так погиб последний могущественный правитель балуба. Это случилось около 1885 г.

После смерти Касонго Каломбо вновь началась ожесточенная борьба за власть, в результате которой во главе балуба встал Касонго Ньембо (1885—1917). Он не обладал реальной властью, но держался как могущественный правитель, важно выслушивая подобострастные приветствия и восхваления его «великих дел», как и его предшественник, о котором Камерон писал: «После того как все вожди приветствовали Касонго, он произнес длинную речь о себе, о своих божественных правах, о величии и власти, объявив, что есть только один человек, который может сравниться с ним — это его родственник Мата Яфа»¹⁰ [111, с. 82—83].

В правление Касонго Ньембо вся страна преврати-

лась в конгломерат мелких, слабых и разрозненных территориальных объединений. Занятое внутренними распрями, ослабленное непрерывными войнами, длившимися годами, государство Луба уже не могло противостоять внешним нападениям. С берегов р. Лулуа в страну балуба вторглись племена бадьок (киоко, или тучок-ве). Основные же захватчики двигались с востока и юго-востока: это были байеке¹¹ и работоторговцы с Занзибара. Завоевать страну Луба не составляло никакого труда. Еще около 1800 г. торговцы-байеке нашли пути к столице южного соседа балуба — Казембе. Сначала они покупали здесь лишь слоновую кость для перепродажи на побережье Индийского океана, а оттуда — в страны Востока, но затем, их внимание привлекла медь из Шабы. Одним из самых первых пришел в Казембе некий Калаза.

В свое следующее путешествие в Казембе в 1858 г. он взял сына Мсири (известны и другие его имена: Нге-ленгва, Мвенда, Мушиди), который сыграл в дальнейшем значительную роль в развитии этого района. Мсири добрался до столицы Казембе, откуда часть его каравана отправилась дальше на запад, а он с оставшимися спутниками двинулся в Шабу. В то время южные области Шабы находились под властью Чиньянта Муно-на, и лишь с разрешения последнего торговые караваны имели право проходить через эти земли. Такое разрешение получил и Мсири, который с 1867 г. сам уже начал контролировать торговые пути на запад.

В 1869 г., после смерти отца, Мсири был провозглашен «мвами» (правителем) байеке Шабы. Земли, вошедшие в состав его владений, стали называться Гарен-ганза или «империей Мсири». Сначала Мсири не стремился к крупным территориальным захватам и не требовал от соседей полной и безоговорочной покорности: он предпочитал мирные отношения с наиболее сильными правителями, как, например, с муата ямво. Мсири регулярно посылал ему подарки, помня, что тот контролирует пути к западному берегу Африки, куда Мсири отправлял медь и соль.

В 70-е годы политика Мсири, почувствовавшего свое могущество, становится политикой силы по отношению к северным землям, заселенным балуба. В долине р. Луфиры была построена его резиденция Бункейя: по-

селение с 10 000 жителей. Отсюда Мсири совершал походы и набеги на владения балуба. Некоторым правителям мелких административных владений на правом берегу Луалабы пришлось признать его сюзеренитет.

Еще Касонго Каломбо заключил с Мсири союз. При его преемнике произошло окончательное подчинение балуба «империи Мсири». Лишь Киконжа сумела сохранить относительную независимость. Во главе всех покоренных владений стояли резиденты — наместники Мсири, которые должны были обеспечивать своевременное поступление меди, слоновой кости и рабов.

В 1880—1887 гг. Мсири находился в зените славы. Его агенты и торговцы проникали практически во все уголки владений балуба. По их землям проходил один из главных торговых маршрутов Мсири. На западе байе-ке установили дружественные отношения почти со всеми данниками муата ямво. На севере владения Мсири доходили до р. Лулуа, на юге — до водораздела Конго—Замбези, на востоке—до р. Луапунулы, на западе — до р. Луалабы. Мсири заключал крупные сделки, торговал слоновой костью, медью и рабами с купцами, приходившими с побережья Индийского океана. К восточному берегу Африки ходили и его собственные караваны. Торговцы Мсири бывали и в Анголе (в частности, в Бие).

Мсири управлял своими обширными владениями около 30 лет. Он располагал двумя-тремя тысячами воинов, вооруженных огнестрельным оружием и втрое большим числом лучников [255, с. 60]. Однако около 1886 г. его власть пошатнулась. По стране прокатилась волна восстаний, самым серьезным из которых было движение басанга, на чьих землях находились самые богатые медные рудники. В 1891 г. басанга выступили против непомерно тяжелых налогов медью и слоновой костью. Несмотря на превосходство в военной силе, Мсири долго не мог подавить сопротивление. В результате нарушилась связь и торговля с западным побережьем, и это сразу тяжело сказалось на положении Мсири и его двора, так как именно торговля составляла основу их богатства и благополучия.

Такова была обстановка в стране, когда здесь появились первые миссионеры. Именно от миссионеров стало известно в Европе о минеральных богатствах Ка-

танги. Попытки англичан-миссионеров убедить Мсири признать сюзеренитет Британской Южноафриканской компании и присоединить его земли к английским владениям, вошедшим в состав Северной Родезии (ныне Замбия), окончились неудачей [143, с. 50].

К этому времени судьба Центральной Африки решалась далеко за пределами континента, в Европе¹². Однако провозглашение Независимого государства Конго под протекторатом бельгийского короля Леопольда II еще не означало подчинения местных народов его власти. Этого еще предстояло добиться. И вот в Шабе одна за другой начали появляться европейские экспедиции, целью которых было любыми средствами добиться покорности со стороны местных народов. Когда не удалось склонить к союзу самого Мсири, бельгийские колониальные офицеры, следуя древнему принципу «разделяй и властвуй», пытались привлечь на свою сторону восставшие против байеке племена. После нескольких столкновений с правительственными войсками, Мсири был предательски убит во время переговоров с капитаном Бодсоном. Это произошло 20 декабря 1891 года [143, с. 54].

Злодейское убийство Мсири послужило толчком для новых массовых выступлений местного населения. Большинство племен стали вести борьбу на два фронта — и против байеке и против бельгийцев. Так, басанга, например, более пяти лет выступали против байеке, а затем девять лет — против войск Независимого государства Конго! Наследник Мсири, Мукунда Банту, со своими уже немногочисленными сторонниками, потеряв поддержку покоренных его отцом племен, нашел в европейцах новых союзников. В 1900 г. на территории Шабы были основаны первые опорные пункты колониальной администрации. «Государство Мсири» перестало существовать. Немногочисленные байеке, когда-то пришедшие вместе с Мсири, расселившись среди балуба, настолько восприняли культуру и обычаи местного населения, что многие из них даже забыли свой родной язык.

Помимо захватов Мсири, постоянного соперничества южных соседей балуба — балунда (в Казембе), междоусобий внутри государства Луба была и еще одна сила, которая ослабила государство и облегчила его коло-

ниальный захват и включение в Независимое государство Конго. Эта сила — торговцы с восточного побережья Африки. Их проникновение в области западнее оз. Танганьика было постепенным и продолжалось несколько десятилетий. Казалось бы, оно не было связано с крупными территориальными захватами, но оказало на развитие этого района не меньшее влияние, чем вторжение других народов. Первые торговцы (арабы, индийцы и суахили) проникли на берега оз. Танганьика еще в средние века. Многие из них говорили на суахили, но исповедовали ислам и носили арабские имена; всех их называли собирательно «арабы». Их деятельность в XIX в. была тесно связана с подъемом Занзибара — важного торгового центра Оманского султаната.

Первое время они скупали главным образом слоновую кость и медь. Отмена рабства в начале XIX в. в английских владениях в Восточной Африке нанесла удар по работорговле в этом районе. Многочисленные плантации по-прежнему обрабатывались здесь рабами, и если экономическое развитие передовых капиталистических стран требовало отмены рабства, то перед плантационным хозяйством этого региона такой необходимости еще не возникло. Основным местом восточной работорговли стали внутренние районы Африки.

Многие племена и племенные союзы оказывали сопротивление развитию работорговли. И по всей области Великих озер были организованы опорные пункты пришельцев. Основными стали Табора (в современной Танзании), Уджиджи (там же, на берегу оз. Танганьика) и др. Были такие поселения и на территории современного Заира, в Шабе; самое значительное из них — Ньян-гве. Эти опорные пункты представляли собой хорошо укрепленные селения, которые могли выдержать натиск местных войск. Вот какой, например, предстает перед нами ставка одного из активных торговцев в Заире — Уледи Балиуза, более известного по прозвищу Угар-руз: «У них чрезвычайно обширное селение, огороженное высокими заборами из частокола, подбитого с внутренней стороны дранкой, чтобы сделать его непроницаемым для стрел; дранки в несколько рядов, и притом в поперечном направлении. В центре селения, фасадом к реке (Арувими.— *Авт.*), возвышалось жилище начальника, очень удобное и вместительное. Толстые, высокие

стены его из обожженной глины с проделанными в них бойницами делают его похожим на крепость» [63, с. 84].

Пришельцы захватывали обширные районы, убивали непокорных местных жителей или обращали их в рабов. Спустившись по р. Луалабе, они стали контролировать северо-восточную часть современного Заира. Пришельцы создавали плантации, которые обрабатывали рабы. Но главным их занятием была торговля слоновой костью и рабами, причем купцов привлекала возможность быстрого оборота капитала. Неудивительно, что подобная торговля опустошала земли Центральной Африки, как ранее европейская работорговля — ее западные области (государство Конго и Ангола). Одним из самых известных и

«Ндоп» ^{значительных} Шьяама, ^{ними} бакуба ^(дерево) людей среди торговцев был Хамед ибн

Муха-мед аль-Мурждеби, прозванный местным населением Типпу Тип («собиратель сокровищ»). Типпу Тип происходил из семьи арабских торговцев, выходцев из Маската. Тесные родственные и деловые отношения связывали Типпу Типа и его семью с африканцами [76, с. 22]. Его торговая деятельность охватывала всю Восточную Африку и восток Независимого государства Конго.

Он играл Настолько большую роль в политической и торговой жизни Шабы конца прошлого столетия, что будь то европейский путешественник, чиновник колониального аппарата или же офицер войск Независимого государства Конго, никто, работая здесь, не мог обойтись без контакта с Типпу Типом. Описание встреч с ним мы находим буквально у всех европейцев, побывавших в этой стране.

Вот как рассказывал о нем Л. Лежен: «Типпу Тип — человек среднего роста... около сорока пяти лет, его короткая борода и бритая голова уже начали седеть. Его одежда была из шелка; он носил подобно занзибар-цам белую рубаху и длинную верхнюю одежду с широкими рукавами серого цвета с серебряными нашивками; на голову надевалась шапочка вроде ермолки, украшенная по краю золотой нитью и полосатой бахромой (красной, желтой и зеленой)... Типпу Тип — хороший собеседник, хотя и не получил образования. Он многое знает о разных национальностях (англичанах, немцах, французах, итальянцах, бельгийцах), что говорит о его любознательности... Типпу Тип посетил наш пароход и интересовался, как работают его механизмы» [167, с. 62—63].

Вначале торговцы стремились поддерживать хорошие отношения с местными вождями, нередко даже брали в жены их дочерей или сестер. Однако с непрерывным ростом торгового оборота усилилось и влияние пришельцев на местную политику. «Арабы» уже не совершали отдельные, малоприбыльные походы, а организовали между Луалабой и оз. Танганьика разветвленную сеть рынков, связанных постоянными торговыми путями. К этому времени у него были собственные хорошо вооруженные войска. В 1869—1870 гг. Типпу Типа сопровождали 4 тыс. человек. С 1871 г. Ньянгве, где находилась его резиденция, становится самым крупным рынком рабов в Центральной Африке. Второй опорный пункт — Касонго, куда Типпу Тип переселился в 1875 г. С этого времени он перестает быть простым торговцем и начинает по поручению султана Занзибара создавать под своей властью новое политическое объединение.

Помимо того, что большая часть земель Шабы оказалась под его прямым контролем, караваны Типпу Ти-

па бывали в резиденциях Мсири и Касонго Каломбо, ходили в глубину материка и добирались до Санкуру. Типпу Тип дружественно встретил Г. Стенли и провел его по Конго до устья Касуку. В ноябре 1883 г. близ водопада Стенли (ныне Кисангани) был основан бельгийский пост Стенли-Фоллс, а в 1884 г. между командиром поста и местными торговцами был заключен мирный договор, по которому последние обязались не совершать рейдов ниже порогов. Стенли писал о Типпу Типе: «В настоящее время он царь не коронованный, но бесспорный всей страны, простирающейся от порогов Стенли до оз. Танганьика; он повелевает тысячами воинов, опытных в бою и приспособленных к жизни под экватором» [63, с. 38].

События последних десятилетий прошлого столетия в восточной части современного Заира облегчили завоевание этих районов, тем более что приход европейцев многие местные народы воспринимали как средство избавления от тяжелой зависимости, не подозревая, что их войска несут новое, колониальное рабство.

Эта сложная ситуация была использована правительством Независимого государства Конго и состоявшими на его службе людьми для соответствующей обработки общественного мнения и оправдания новых захватов. Так, Стенли писал: «Остается только одно возможное и радикальное средство против такого огульного истребления аборигенов — это соглашение между Англией, Германией, Францией, Португалией, южными и восточными провинциями Африки и Великою областью Конго...» [63, с. 109]. Борьба за богатейшие земли балуба велась под лозунгом «священной войны за свободу, за освобождение от рабства и работорговцев». За этими красивыми фразами, которыми полна пресса тех лет (как европейская, так и колониальная)¹³, скрывались чисто колониалистские устремления. Велась настоящая война между воинами Типпу Типа и войсками государства Конго за влияние в Шабе. Борьба шла с переменным успехом. Европейские отряды были не в состоянии эффективно бороться с войсками, хорошо знакомыми с местностью, а также умело использовавшими противоречия между местными племенами. Однако неустойчивое положение в самом султанате (с 1840 г. Занзибар стал самостоятельным), угроза за-

!

хвата европейцами даже самого Занзибара требовали от султана упорядочения положения в Центральной Африке. Типпу Тип получил указание заключить мир с европейцами, и в феврале 1887 г. был подписан контракт, где он провозглашал себя «губернатором» района Стен-ли-Фоллс. Типпу Тип занимал этот пост до апреля 1890 г., когда покинул Конго.

Конец владычеству торговцев с востока в этих районах положила экспедиция майора Даниса и лейтенанта Де Брюйена. Они умело использовали недовольство местного населения. Многие вожди были готовы ради борьбы с наследником Типпу Типа, Сефу, заключить союз с белыми. Отряд европейцев состоял из 450 солдат, к ним присоединилось более 3000 местных жителей. В апреле 1893 г. борьба Независимого государства Конго за Шабу завершилась. Основной силой, слолившей могущество арабов, явились не отряды европейцев, а местные воины, которые освобождали родную землю. Сами командиры-европейцы были вынуждены признать ту огромную роль, которую сыграли местные жители, и отметить их храбрость. «Арабская кампания показала... что туземцы различных районов Конго ничуть не уступают живущим на побережье неграм, хорошо известным своей храбростью», — писал один из «героев» покорения Шабы — майор Данис [133, с. 79]. Однако эта храбрость и отчаянная борьба лишь способствовали укреплению позиций новых поработителей — европейских колонизаторов.

Годы ожесточенной борьбы между Мсири, войсками Типпу Типа, европейскими отрядами и местными восставшими племенами — закат государства Луба. Хотя, как уже говорилось, Касонго Ньембо провозгласил себя верховным правителем балуба, значительная часть их земель оказалась в руках его самого серьезного противника¹ — Кабонго Кумвимба Шимбу. Борьба между ними окончательно развалила и без того уже слабое государство. С появлением войск Независимого государства Конго Касонго Ньембо поспешил встать на их сторону, а его соперник Кабонго выступил против. Ле Ма-ринель, возглавлявший одну из военных экспедиций по завоеванию Шабы, вступил в союз с Касонго Ньембо, обещав ему поддержку в борьбе за власть.

В 1895 г. в отряде Ле Маринеля, состоявшем из за-

вербованных африканцев (батетела), вспыхнуло восстание. Реакционная буржуазная историография отрицает антиколониальный характер этого восстания, объясняя его случайными причинами (например, долгой неуплатой жалованья) или даже жестокостью и кровожадностью самих африканцев. Исследованиями советских ученых доказана антиколониальная направленность движения, к которому примкнуло и местное население [23; 24].

С восставшими заключил союз Кабонго, соперник Касонго Ньембо. В течение пяти лет весь район между реками Ломами и Ловой был занят Кабонго и восставшими солдатами-батетела. Однако новая военная экспедиция бельгийцев во главе с Малфейтом подавила восстание. Кабонго потерпел поражение.

Так окончательно распалось государство Луба. Европейская администрация Независимого государства Конго объявила большую часть территории бывшего обширного государства балуба свободной. Остальные земли были поделены на две части. Северную получил Кабонго, а южную — Касонго Ньембо. Так как последний не хотел полностью покориться новым хозяевам, его выслали за пределы государства. Илунга Кумвимбо, сыну и наследнику Касонго Ньембо, достались жалкие остатки былого могущественного государства — территория Мато с населением около 30 тыс. человек.

ГОСУДАРСТВО ЛУНДА

От берегов р. Кванго до верховьев Замбези раскинулись владения балунда. За несколько столетий этот народ расселился по южным районам бассейна Конго. Этническая характеристика балунда довольно сложна. Территория, на которой начал формироваться этот народ и которая осталась в памяти всех групп балунда, рассеянных по южным саваннам, как их общая прародина, расположена при впадении в Касаи небольшой речки Нкалаани. В процессе расселения, а чаще завоевания балунда земель других народов происходило постепенное смешение завоевателей и побежденных. Признавая верховную власть муата ямво, правителя балунда, вожди местных племен через браки с завоевателями, через своеобразные церемонии усыновления стремились

породниться с правящей верхушкой балунда, отказываясь от этнического самоназвания и принимая в качестве такового термин «балунда», но тем не менее на протяжении многих лет сохраняя собственную культуру, обычаи и язык.

Этнографы и историки, изучавшие этот регион, вкладывают в сам термин «балунда» различное значение. До сих пор трудно провести четкие этнические границы. Одни говорят о группах лунда-луэна, лунда-чокве и т. п., другие резко различают северных, восточных и южных лунда [172, с. 5], третьи подчеркивают, что лунда скорее не этнический, а «политико-исторический термин», относящийся ко «всему населению», которое когда-то было связано общей даннической повинностью [108, с. IX]. Это, вероятно, справедливо для XVII—XVIII вв., позднее же, во второй половине XIX в., подданные муата ямво (все население, а не только местные правители, связанные узами подлинного или мнимого родства с верхушкой государства) называли себя «балунда».

Современные балунда считают себя единой этнической общностью, и именно в этом смысле мы употребляем термин «балунда».

В конце прошлого столетия, накануне распада государства, оно состояло из ряда полусамостоятельных областей: центральная область в среднем течении Касаи, где находилась резиденция муата ямво — Мусумба; Шинде — на верхней Касаи; Мусонкантанда — на юге Шабы; Казембе — по среднему течению Луапулы; Ка-нонгеша — по р. Ндембу (на северо-западе современных Замбии и Анголы); Казембе-Мутанда — к северу от Канонгеша¹⁴. По свидетельству П. Погге, владения муата ямво раскинулись от 18° до 30° в. д. и от 7° до 12,5° ю. ш. [206, с. 14], т. е. примерно на 1380 км с запада на восток и более чем на 600 км с севера на юг.

Попытаемся проследить, как на протяжении столетий складывалось это самое обширное государство Центральной Африки. История одних его районов известна довольно подробно, других же — фрагментарно. Раньше всех установили связь с европейцами области Касанже (уже с первых лет ставшая практически самостоятельной) и Казембе. Первая непосредственно граничила с

португальскими владениями в Анголе, вторая — лежала на пути из Мозамбика в Анголу. Неудивительно, что именно здесь обнаружили письменные свидетельства — рассказы помбейруш и европейцев, посещавших эти земли еще в XVII в. Об истории же других районов расселения балунда сведений гораздо меньше, и они более позднего времени.

Первые годы и даже десятилетия истории балунда теряются в глубине веков и нашли отражение только в устной традиции этого народа¹⁵. Балунда очень ревностно сохраняли сведения о своем прошлом. Один из первых европейцев, оставивших описание самых восточных земель балунда Казембе, Гамитту писал, что «балунда, или казембе — единственный народ из живущих в глубине Африки, который может дать верное и полное описание истории своего народа» [105, с. 142]. Первым правителем балунда, которого вспоминают все устные традиции, был Мваакв. По преданию, он — прямой потомок первого человека на земле. Его сын Нконде (Конде) имел дочь Луеджи и двух сыновей-близнецов — Кингури и Чиньяма. Они были ленивы и жестоки, да к тому же и злобны, и отец завещал управление своим народом не сыновьям, а единственной дочери. Она стала всеми уважаемой и заботливой правительницей. Ангольский писатель Каштру Сороменью, который всю жизнь собирал и обрабатывал сказки и предания народов Анголы, в том числе и балунда, так рассказывает об этом:

«А Луеджи-иа-Канти, Владычица Земли, как только солнце вставало на горизонте, над равниной, как и прежде, шла в сопровождении рабынь на поля, раскинувшиеся вдоль берега реки. Там она, как некогда и старая Конти, ее мать, проводила весь день, наблюдая за работами. Но прежде чем солнце заходило, Луеджи возвращалась в селение. И все видели, как она восседала на троне из черного дерева, украшенном резьбой, изображающей разные сцены жизни человека. Сидя на этом троне, она принимала людей, просивших у нее совета, придумывала новые законы, сама спрашивала совета у старейшин, всегда учитывая мнение большинства. Поступая таким образом, она быстро завоевала расположение народа, больше всего ценившего справедливость» [25, с. 218—219].

Далее миф рассказывает, что в начале правления Луеджи в стране балунда появился храбрый охотник-мулуба по имени Чибинда Илунга. Он пленился королевой, и они поженились. Так сплелись династические линии балунда и балуба. По мнению Я. Вансина, в этом мифе отразился факт древнего завоевания земель балунда военными отрядами балуба. Это подтверждается и тем, что многие титулы балунда взяты из языка ки-луба [238, с. 55—56].

Предания самих балунда придают балуба и их влиянию большое значение. В частности, они рассказывают, что именно охотники, пришедшие с Илунга, познакомили балунда с железным оружием. До этого же «камень был их оружием, а праща — законом».

Легенды связывают с балуба и само название страны. Как записал Каштру Сороменью, в знак вечного мира Илунга и люди Луеджи посадили молодые деревья, и «с этого дня страна стала называться „Лунда“, что значит „дружба“» [25, с. 333]. Это же толкование дает и Р. Корневен [122, с. 47].

Владения Луеджи и ее мужа-мулуба стали центром государства Лунда. Братья Луеджи — Кингури (Чингу-ли) и Чиньяма (Киньяма, Ньяма) — не признали нового правителя и мигрировали. По преданиям, которые подтверждаются и письменными источниками, они стали основоположниками Касанже на реках Кванго и Луэна.

По одним версиям, брак Луеджи был не очень счастливым, у нее не было детей. Поэтому Чибинда Илунга взял вторую жену — Камонга Луаза. От этого брака родился сын — Мваант Лузеенг, который наследовал своему отцу [238; 253, с. 66]. По другим вариантам легенды, Мваант Лузеенг был сыном самой Луеджи¹⁶. Исторические предания рисуют его умелым правителем. Во время его правления была заложена основа политической структуры королевства Лунда и появилась титулатура, сохранившаяся до XX в. Его дело продолжил его сын и наследник Мваант Яяв Наведжи (Муата Ямво Навед-жи). Это имя стало наследственным титулом для верховных правителей балунда. Так, например, считают балунда Анголы [25, с. 235]. В это время власть балунда распространялась на довольно большую территорию — от долины р. Нкалаани, которая считается колыбелью

этого народа, до р. Касаи на западе и до истоков Лу-луа на юге.

Правление Мваант Лузеенг и Мваант Яяв Наведжи (конец XVI — первая половина XVII в.) было временем консолидации государства. Расширение территории владений балунда началось с захвата после длительной и упорной борьбы земель каниок к северу от прародины Лунда — берега р. Мулунго.

Был также присоединен большой район между реками Бушимаи и Лулуа, а правитель народа бакете Му-коко стал постоянным данником муата ямво¹⁷.

В дальнейшей политической и социальной истории лунда громадную роль начали играть их торговые связи с западными «княжествами», а через них — с португальцами, обосновавшимися к тому времени на побережье. В свою очередь, выход лунда на арену международных связей стал возможен благодаря первой экспансии их на запад, на территории современной Анголы. Здесь находилось «княжество» Имбангала — Касанже, хорошо известное по португальским источникам. Обратимся вновь к устной традиции.

Экспансия в Анголу. Кингури, брат Луеджи (основательницы государства), оставил Лунда и мигрировал на плато между реками Кванго и Касаи. Затем он послал охотников на разведку на запад. Вернувшись, они сообщили, что там очень хорошие плодородные земли. Узнав, что еще дальше, в Касанга, живут белые люди, которые имеют невиданное чудесное оружие, Кингури переселился еще дальше на запад. Убитому заговорщиками Кингури наследовал племянник — Касанже ка Имба. В это время правитель Ндонго, государства на территории современной Анголы, сражался против португальцев. На освободившихся землях образовалось новое государственное объединение. Им управляли представители разных правящих родов — потомки Касанже и потомки Нгола Мбанди [193, с. 99—100].

Используя эти легенды и ссылаясь также на данные Диаш ди Карвалью и А. Планкера, Ферхюльпен считал, что встреча португальцев с Кингури произошла между 1600—1609 или 1630—1638 гг. [257, с. 80—86]. Ту же точку зрения разделяет и Я. Вансина. Они опираются на тот факт, что главой португальского гарнизона в

Луанде был дон Мануэл, и полагают, что имеется в виду дон Мануэл Перейра Форжиш, вступивший на этот пост в 1606 [70, с. 70] или 1610 г. [89, с. 76]. Английский историк Д. Бирмингем, тщательно изучив свидетельства европейцев (работы Кавацци, Пигафетты и Лопиша, Д. ди Карвалью, документы, собранные А. Бразиу и др.), а также устные традиции населения Касанже предполагает, что первые контакты могли иметь место ранее 1575 г., а встреча с дон Мануэлем — это связи с Мануэлем Сервейра Перейра, бывшим губернатором Анголы в 1602—1603 гг. [89, с. 69—75].

Отсюда следует, что первые шаги государственности в Лунд\$ были сделаны в середине XVI в. Предположения Д. Бирмингема о том, что имбангала, первые сведения о которых дал еще А. Беттел [83, с. 16—20 и др.] и чьи владения отмечались на всех позднейших европейских картах, являются балунда, пришедшие вместе с Кингури, также представляются довольно убедительными. По его мнению, сам термин «имбангала» произошел от имени Кингури, включавшего в себя название области Бенгуэла — Кингури киа Бангуэла — Кингури Кабангуэла — Кингури Кабангала — имбангала [89, с. 69].

Почти одновременно с Кингури родные места покинул и его брат-близнец Чиньяма. Его путь лежал к югу, где он обосновался среди луэна и чокве.

Период проникновения балунда в места расселения чокве и луэна тянулся, видимо, около полустолетия.

Причины широкого расселения балунда до сих пор не ясны. Большинство современных исследователей даже не пытаются найти им объяснения. Так, традиции многих народов, насельников в этом районе (чокве, имбангала, луэна) и самих балунда обычно рассказывают о войне, которая вызвала многие переселения. Поводом к ней было соперничество в стране Лунда правителя Нконде и вождей других племен, боровшихся за власть.

Лэнгворти, например, полагает, что основной причиной миграции послужил прирост населения и недостаток земель [165, с. 21]. Это его утверждение как будто вступает в противоречие со свидетельствами путешественников, которые отмечали (даже во второй половине прошлого столетия), что страна балунда мало заселена, в

ней много пустующих земель. Однако это кажущееся противоречие. Общеизвестно, что в конце XVI — начале XVII в. в Центральной Африке произошла своеобразная «зеленая революция». Новые культуры — маис, кас-сава, маниока и другие быстро истощили земли. Учитывая особенности земледелия жителей саванн Африки, можно считать справедливыми предположения Лэнгворти.

На берегах Кванго. Другое направление экспансии балунда — в район р. Кванго. Легенды рассказывают, что Луеджи послала своего родственника Кан-думба на запад, чтобы основать новое государственное объединение, которое служило бы буфером между владениями Кингури и страной собственно Лунда.

На запад же отправился и Касонго, по одним версиям, сын Луеджи, по другим — племянник Чибинда Илунга. Он достиг реки Кванго.

На севере страны возникла область Май Мунене, в которую вошли пигмеи, бакете и позднее бапенде, а также владения Камеши и его сыновей. Эти районы не стали самостоятельными государствами Лунда, а остались провинциями под непосредственным контролем муата ямво — верховного правителя балунда.

Вплоть до конца прошлого столетия к этим первым иммигрантам присоединялись все новые и новые группы. Здесь, как и в северной Анголе, экспансия балунда представляла собой не единовременное массовое переселение, а постепенное, растянувшееся на два столетия, проникновение мелких групп балунда.

Еще одно направление экспансии балунда — к востоку от Кванго, где в начале XVII в. жили бапенде [114, с. 99—100; 205, с. 84—85].

Движение на юг. После смерти Наведжи и ряда неудачных попыток захватить восточные земли баконго, его преемники начали активную экспансию на юг и юго-восток. Приблизительно около 1700 г. народы между-речья Замбези и Луалабы были завоеваны тремя военачальниками балунда: Мусонкантанда, Шинде, Канон-геша. Устная традиция этих народов рассказывает, что, отделившись от основного ядра балунда, Мусонкантанда повернул к северу, Канонгеша — к востоку, а Шинде — к югу. Каждый из них создал полусамостоятельное владение, а их имена стали титулами правителей.

Канонгеша завоевал новые области к западу от Зам-

бези. Двенадцать подвластных местных вождей и получившие собственные владения родственники военачальника посылали ежегодную дань канонгеше, который, в свою очередь, передавал определенную ее часть муата ямво. Местные вожди должны были, кроме того, посылать женщин из знатных родов ко двору правителя. Дети от подобных браков считались и балунда, и представителями местных этносов. Так балунда сливались с местной знатью и получали власть в новых владениях как бы не по праву завоевателей, а по праву наследования. Наступил долгий мир, но местные вожди нередко стремились добиться автономии. Устные традиции рассказывают, что столкновения между ними и наместниками обычно заканчивались без вмешательства центральной власти канонгеша, которая была довольно слаба. Тернер объясняет это значительной удаленностью от столицы балунда, с ее относительно высоким уровнем культуры, небольшой плотностью населения, экономической автономией отдельных деревень (натуральное хозяйство), которая вела и к политической автономии, а также низким, даже рудиментарным уровнем экономического развития многих поселений [235, с. 318]. Ван-сина считает такое объяснение явно недостаточным, так как эти же или сходные факторы имели место и в других районах [238, с. 127]. Однако сравнение прочности власти в Канонгеше и Казембе позволяет согласиться с Тернером.

Первым шинде, или ишинде, был Мвенифунди Касон-гу, современник Мутеба. Один из его потомков, Кавам-бу Сакапепала, встретил в своей резиденции Луфвиджи Д. Ливингстона [39, с. 196]. Владения его к тому времени объединяли девять подчиненных ему областей. Об этом можно судить по сообщениям того же доктора Ливингстона, отметившего девять присутствовавших на аудиенции «чиновников», произносивших почтительные речи в честь шинде [39, с. 196].

Первый мусонкантанда обосновался на соляных копях Луалабы и Кесиля около современного Колвези. Позднее мусонкантанда пошел дальше на восток и подчинил каонде, которые жили в верховьях Луалабы и в Северной Родезии.

Эти даннические области со времени своего возникновения и на протяжении последующих почти двух сто-

летий существования претерпели мало изменений. Они оставались небольшими, слабо централизованными объединениями. Можно, видимо, согласиться с объяснением Г. Лэнгворти причин этого: «...малочисленное население, отсутствие ценных природных ресурсов, удаленность от торговых путей, слабо централизованная социальная и политическая структура местных племен и отсутствие выдающихся лидеров» [165, с. 19]. Иной была судьба их восточного соседа — Казембе, возникшего на торговом пути из Восточной Африки, в богатейших районах южной Шабы и северной Замбии.

Саванны к югу от государства Луба, на территории современной Замбии, к 1600 г. были заселены народами с очень сходной культурой. Они жили небольшими поселениями, разбросанными по просторам степей. Можно отметить лишь три района особо плотного сосредоточения населения: верхняя Шаба, долина р. Луапулы, северо-восточное плато. Но и здесь не было более или менее крупных государственных объединений.

Миграции этих близких балуба племен сопровождались постепенным проникновением в эти области балунда с северо-запада. Небольшие селения были очень подвижны, наличие свободных земель позволяло проводить частые переселения, по мере того как истощалось плодородие земель вокруг деревни.

Первыми иммигрантами из Центральной Африки, из страны Лунда, были, вероятно, бемба, народ, весьма близкий к балунда и балуба. Их основными владениями стали земли на р. Луапуле и к северу от оз. Банг-веулу. Согласно устным традициям бемба, это переселение произошло во время правления в государстве Луба Чибинда Илунга.

Очень быстро, в течение XVII в., почти все племена южной Шабы и современной Замбии стали подчиняться балунда. «Вожди» балунда были у свака, амбо, дамба, мукулу, шила, ауши и других этнических групп этого района.

Не исключено, однако, что традиции, дошедшие до наших дней, несколько преувеличивают размах расселения балунда. Возможно, что легенды о происхождении главнейших правящих династий в этом районе от пере-селенцев-балунда сложились позднее, когда балунда уже стали важнейшей политической силой и принадле-

жать к ним было высшей честью. Это частое явление во всемирной истории. В средние века многие христианские государи нередко стремились доказать, что происходят от библейских героев (вспомним хотя бы Соломонову династию в Эфиопии), а мусульманские владыки считали своими предками выходцев из Мекки.

Южнее первых владений балунда в Шабе жили коса, не признававшие власти муата ямво. Лишь после нескольких лет ожесточенной войны они были покорены, а их предводителя, по имени Чиньянта, отправили в столицу муата ямво. Верховный правитель хорошо принял его и поселил в своей резиденции¹⁸.

Между тем, пока Чиньянта жил при дворе муата ямво, в его собственных владениях было неспокойно. Во главе восставших встал кузнец Лубунда, основавший собственное самостоятельное «княжество». Ему удалось занять соляные копи и рудники, установить контроль над проходившими через его владения торговыми караванами. Из столицы муата ямво была послана карательная экспедиция во главе с Мутанда Йем-бейембе. Его первым советником и помощником стал Чиньянта. Основной целью этой карательной экспедиции являлся захват соляных и медных рудников. Балунда, хорошо организованные и опытные воины, сумели одержать быструю победу. Все население к западу от р. Луалабы подчинилось сюзеренитету Лунда.

Стремление Мутанды и Чиньянты к неограниченной власти привело к соперничеству, борьбе за благосклонность муата ямво и к прямым вооруженным столкновениям. Чиньянта был убит.

Однако Мутанда не получил поддержки со стороны центральной власти. Казембе стал сын Чиньянты Нган-да Билонда.

Нганда Билонда (ок. 1700 г.) в своих попытках расширить владения балунда за Луалабой столкнулся не только с разрозненными племенами, но и с более серьезной силой — отрядами балуба, предводительствуемыми Мафунга. После двухдневной ожесточенной битвы глава этих отрядов был убит, балуба и местные племена разбиты, а балунда настолько ослаблены, что не смогли воспользоваться победой. А вскоре умер и сам казембе Нганда Билонда. Устные хроники не устают перечислять названия деревень и этнических групп, имена

вождей, которые покорились этому прирожденному воину. Все вожди местных племен и отдельных кланов начали посылать дань верховному правителю балунда.

Уже в период правления Каньембо (приблизительно с 1725 г.) эта область стала практически независимой, хотя муата ямво считался «отцом» всех правителей-ка-зембе и регулярно получал дань. Казембе получил от муата ямво знаки достоинства, подчеркивавшие его независимость: парадный меч, пояс, кольца, бусы, одежду и черенок дерева мутаба, который он должен был посадить в своей резиденции¹⁹.

Усиление этого владения балунда в противовес упоминавшимся выше Шинде, Канонгеша, Мусонкантанда происходило благодаря его особым природным условиям. Плодородные земли, богатые рыбой реки и озера (даже в наши дни они играют видную экономическую роль в Замбии), железные рудники к востоку от Луа-пулы на плато Чишинга и Уши, медные копи в южной Шабе, залежи каменной соли по р. Луалаба, стада слонов — все это обеспечило независимость от милостей муата ямво.

Расширение границ Казембе обеспокоило балуба, и они решили послать армию, чтобы остановить его. Балунда во главе с Каньембо с помощью соседей разбили балуба, а пленных вождей отправили в главные свои владения. После этой битвы еще целая страна между Луалабой и Луапулой стала данником казембе.

Время окончательного формирования Казембе как политического объединения обычно определяют приблизительно 1720—1730-ми годами, ссылаясь на показания побывавшего там в 1798 г. Ласерды, который утверждал, что балунда на этих землях живут не менее шестидесяти лет. Некоторые исследователи, однако, полагают, что можно говорить о Казембе уже с начала XVIII в. [165, с. 37].

Берега Луапулы (в районе порогов Джонстона, на территории современной Замбии) были выбраны для постройки резиденции и усыпальниц правителей. Это место находилось примерно в центре владений Казембе, раскинувшихся от Луалабы до берегов озер Танганьика и Бангвеулу [127, с. 1].

Этнический состав владений Казембе был довольно сложен. Здесь особенно заметно, насколько условен тер-

мин «балунда» относительно завоевателей

XVIII и даже начала XIX в. Под ним подразумевались три различных слоя. Во-первых, это были балунда — сам казембе и его приближенные, посланные муата ямво [238, с. 130—131]; во-вторых, балуба, жившие по Луалубе, завоеванные балунда и включенные в их отряды; в-третьих, много людей из самых разных мелких этнических групп. Эта смешанность населения сохраняется до наших дней [126, с. 3].

Вторая половина XVIII в. была периодом расцвета Казембе. В это время правил Казембе III Илунга (или

Луквеца) (примерно 1760—1805 гг.). Сразу же после прихода к власти он продолжил завоевательную политику своих предшественников, захватил земли восточнее оз. Мверу, а вскоре были завоеваны все территории вокруг оз. Мверу.

Примерно в 1790 г. Луквеца установил торговые отношения с португальцами из Тете. В 1798—1799 гг. страну посетила португальская экспедиция²⁰. Казембе отказался вести ее в Мусумбу, резиденцию муата ямво, а оставил португальцев в своей столице. Торговля развивалась быстро, и вскоре столица казембе сделалась пунктом обязательной остановки на пути как к оз. Нья-са, так и к Тете.

Казембе Луквеца умер в 1805 г. Его сын Кибангу Келека (Черека, Казембе IV) взял имя, уже знакомое читателю, — Каньембо.

Около 1830 г. большая армия балуба напала на зем-

Маска члена тайного общества.
Бакуба

ли казембе, пытаясь вернуть соляные копи, но была отброшена в топи Луапулы. Это было третье и последнее нападение на владения казембе.

В конце 1806 г. двое помбейруш из Анголы прибыли в его столицу и прожили там до 1810 г.²¹. Именно в период правления Келека в Европе появляются первые сведения о Казембе.

В 1830—1831 гг. резиденцию казембе посетила другая португальская экспедиция — Моитейру и Гамитту²².

Казембе было самым большим и самым сильным из всех владений лунда. С 1750 по 1850 г. оно было важнейшей политической силой в южной Шабе и северо-восточной части Замбии. Однако уже правление преемника Келека (тот умер в 1850 г.), Мванга, было осложнено внутренними и внешними столкновениями. В эти годы начался упадок когда-то могущественного владения. Мванга приходилось бороться и с племенами, вошедшими в состав его земель, но пытавшимися время от времени выйти из-под его влияния, и с пограничными жителями. Военное счастье, неуловимое и переменчивое, часто улыбалось ему. Мванга удалось сохранить целостность Казембе.

После неожиданной смерти Мванга и борьбы за власть Чиньянта Мунона и его сестры Касау началось падение Казембе. В 1856 г. в страну пришел уже известный Мсири.

Последние годы государства Лунда. В центральной области Лунда, которая оставалась под непосредственным и прямым управлением самого муата ямво, прошлое столетие было сложным периодом. Один из самых известных верховных правителей балунда — Наведжи II, получивший власть после острой борьбы с тремя другими претендентами на трон. Он, как и его предшественники, стремился расширить владения балунда за счет баконго и южных бакете. Однако, несмотря на значительную военную силу балунда, Наведжи не сумел присоединить земли этих народов к своим владениям. Ко времени его правления относится появление нового соперника балунда — чокве, которые в последующие годы сыграли большую роль в истории этого региона. Первые мигранты-чокве, пришедшие из Анголы, начали захватывать земли по течению р. Лувуа. В борьбе с ними погиб наместник балунда в этих районах, но

погиб также и Мва Чизенге, предводитель чокве, смерть которого способствовала тому, что Наведжи II смог добиться от его преемника обещания выплачивать дань. Однако чокве не одобрили поведения своего вождя и подняли восстание. Лишь после подавления восстания балунда удалось окончательно заключить выгодное для них соглашение.

Во время правления Наведжи II на берегах Касаи в местах расселения балунда появился первый европеец. Это был Грасиа (1846 г.)²³. С этого времени связи балунда с побережьем стали еще более прочными. Если ранее они осуществлялись через посредничество соседей, то теперь участились и даже стали постоянными походы торговых караванов мулатов, овимбунду и португальцев от Имбангала и Амбака во владения муата ямво. Многие из торговцев селились около резиденции верховного правителя балунда. В 1852 г. Наведжи отправил посольство к командующему португальской армией с целью упрочить и расширить торговые связи. Оказавшись втянутыми в работоторговлю, процветающую в западных районах Центральной Африки, Лунда испытало на себе те же тяжелые последствия, что и Конго. Все это вызвало справедливое возмущение народа и в 1847 г. вылилось в неудавшийся заговор против муата ямво.

Правление Чакасекене, пришедшего ему на смену в 1852 г., было столь жестоким, что совету знати балунда даже пришлось изгнать его и выбрать другого муата ямво. Во главе государства Лунда встал Мутеба II, правивший до 1873 г. В его правление, как и в правление его преемников Мбала и Мбумба, происходили столкновения с соседями. Если в первые годы правления Мутеба II балунда удавалось одерживать победы (подчинить восемь деревень каниока, изгнать из своих северных владений бакете и таба, неоднократно нападавших на них, и т. д.), то позднее, особенно в период правления его преемников, войскам балунда приходилось трудно, так как кроме соседей борьба велась, как уже говорилось, и с чокве, начавшими активное проникновение на земли балунда. Свидетелем этого был П. Погге [206].

В 1875 г. чокве было разрешено селиться в стране Лунда. Их деревни появились на берегах Касаи. Уже в 1880 г. весь район от Мона Кимбунду до Май

был заселен смешанным населением чокве и балунда. Население этого района перестало платить дань муата ямво. Дальше к югу чокве вообще поглотили деревни балунда. В 1878—1883 гг. чокве без особого сопротивления взяли контроль над этим обширным районом. Между 1880 и 1887 гг. они разбили всех балунда к востоку от Квилу и к западу от Касай. Чокве, которые пытались пройти далее на север, были остановлены местными племенами и повернули на юго-восток, на столицу балунда. Мудиба, правившему в это время, удалось одержать победу в первом сражении, но во втором он был убит. Чокве захватили столицу и продали ее жителей в рабство. Новый правитель Муканза бежал, но впоследствии сумел вернуть столицу. Однако, когда в начале 1887 г. появились новые отряды чокве, он снова сбежал с поля боя. Совет знати сместил и его. В 1887 г. самый могущественный вождь чокве — Ма-кове осадил Мусумбу. Мушири (муата ямво) и его брат Кавела бежали, а чокве десять лет владели всей страной. В эти годы (1888—1898) только небольшая часть земель балунда, страна Ине

Чивингу, не была оккупирована. Однако Мушири и Кавеле не упали духом. Они собирали войско и в 1898 г. напали на чокве. Их поддержали все балунда, жившие под властью чокве. Макове через три дня был полностью разбит. Однако балунда не могли воспользоваться победой, так как в это время в страну вступили колониальные войска. Мушири и Кавеле атаковали их, но потерпели неудачу и вынуждены были бежать. Хотя у балунда появился но-

вый «король» Мутеба III, признанный правительством Независимого государства Конго, они продолжали вооруженную борьбу против правительственных войск, пока в 1909 г. не были разбиты.

В южных областях владений балунда тоже было неспокойно. С запада с 1855 г. сюда двигались луэна. Во владениях Шинде и Канонгеша балунда оказывали слабое сопротивление. Прочные экономические связи между отдельными областями фактически отсутствовали. Правящая верхушка была давно дискредитирована покровительством торговле рабами и, как в свое время Навед-жи II, отдавала деревни на разграбление торговым караванам.

Положение осложнялось еще и междоусобной борьбой. Это влекло за собой частую смену правителей, убийства, грабежи. Сам канонгеша был разбит, его владения разграблены, а жители его резиденции проданы в рабство. Тем не менее балунда пытались сопротивляться захватчикам-луэна. Возглавил движение в Канонгеше не правитель этой области, а глава небольшой деревни Чи-пенге. Ему удалось изгнать пришельцев из страны.

Менее удачным было сопротивление балунда нашествию луэна в области Шинде. Балунда потерпели поражение, их правителю пришлось бежать, и в 1892 г. он с остатками своих сторонников обосновался на землях баротсе.

Однако независимо от отношений с луэна ни Канонгеша, ни Шинде не смогли противостоять правительственным войскам, продвигавшимся с запада, и обе эти области, как и центральная часть государства Лунда, были включены в Независимое государство Конго.

Несколько иначе развивались события в самом восточном «княжестве» балунда — Казембе.

В правление Чиньянта Мунона на его землях появились воины Мсири и арабо-суахилийские торговцы.

Чиньянта Мунона умер в 1862 г. Его преемником должен был стать Луквеза Мпанга, до этого живший в изгнании. Однако, несмотря на такое решение знати, население столицы выбрало и короновало Мвенга Нзем-ба. Борьба за власть, в которую оказались втянутыми северные соседи — байеке «империи Мсири», продолжалась почти тридцать лет.

С 1872 г. у власти встал Каньембо, изгнавший своего

предшественника Луквезу. В борьбе с байеке он использовал союз с бабемба. В это время соседние с владениями Казембе территории, входившие в состав «империи Мсири», уже были захвачены европейскими войсками. Байеке не могли сражаться на два фронта и поэтому заключили с Каньембо мир. В течение нескольких лет долина Луапуды оставалась маленькой гаванью мира. Сюда бежали многие спасавшиеся от рейдов работорговцев.

Однако страна, ослабленная многолетними войнами, не смогла сопротивляться новой силе—английским колониальным войскам. Британская Южноафриканская компания навязала в 1899 г. колониальное управление. Земли Казембе вошли в английскую колонию Родезию, а часть их — в Независимое государство Конго.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ КУБА, ЛУБА И ЛУНДА

На землях Куба, Луба и Лунда за многие века исторического развития населяющих их народов сложился весьма своеобразный управленческий аппарат, полностью оторванный от народа. Здесь возникла государственная власть — особый аппарат «для систематического применения насилия и подчинения людей насилию» [9, с. 68]. По сравнению с баконго у народностей глубинных районов бассейна Конго проявились несколько специфические черты государственного строя.

Прежде всего надо иметь в виду (и это делает данные о бакуба, балуба и балунда особенно интересными для решения не только конкретных, но и некоторых общетеоретических вопросов классовообразования и складывания государственности), что вплоть до второй половины XIX в. бакуба и балуба, по-видимому, не имели никаких, а балунда — прямых контактов с более развитыми цивилизациями и процессы складывания государства у них были аутогеничными. Эти процессы протекали чрезвычайно медленно, и незрелость и противоречивость общественных отношений отражались на формировании системы управления.

Различные «составляющие» этого не оформившегося окончательно аппарата насилия неодинаково изучены. Верховная власть, двор правителя особенно привлекали внимание наблюдателей и исследователей и описаны достаточно скрупулезно. Меньше данных мы имеем относительно суда и армии, наконец, совсем немного известно о тайных союзах как об одном из элементов государственной власти.

Еще одна весьма существенная черта классово- и государствообразования у бакуба, балуба и балунда — их

консервативность, необычайно замедленное развитие. В частности, основные институты государственной власти складывались в течение нескольких столетий и сохраняются нередко даже и в наши дни в резиденции наследственных правителей [88, с. 778—790].

Наконец, чрезвычайно важно то обстоятельство, что эти три политических объединения дают интересный пример последовательного развития черт, общих для многих государств не только данного региона, но и всего континента.

Административное устройство государств Куба, Луба и Лунда. Уже при рассмотрении административного устройства этих государств весьма заметна разная степень их развития. Наиболее стабильным было государство Куба. Его границы сложились еще в XVII в. и почти без изменений сохранялись на протяжении всего существования этого государства как самостоятельного политического объединения. Государство Куба сохранило свою территориальную целостность даже в годы бельгийской колонизации Конго. В 50-х годах нашего века административное деление оставалось таким же, как и десятки и сотни лет назад. Вся территория государства делилась на 4 крупные провинции. Отдельную административную единицу представляла центральная область, населенная бушонго, которые составляли этническое ядро государства. Хотя по территории это была небольшая провинция, она была самой сильной в политическом и военном отношении и играла ведущую роль в государстве. Здесь, в центре страны, находилась резиденция ными, здесь же была сосредоточена армия.

Значительно менее стабильным было государство Луба. В разные периоды его истории менялось число провинций, входивших в его состав: нередко целые области фактически добивались независимости. В настоящее время нет возможности даже восстановить не только точные названия, но и число этих областей. Для одного из периодов можно считать, что их было 13. Такую цифру называет Ферхюльпен, когда говорит о числе представителей подвластных областей при дворе мулох-ве — главы государства Луба [257, с. 187]. К концу XIX в., когда государство Луба как единое целое практически перестало существовать, эти старые провинции

сохранились как самостоятельные владения, платящие дань завоевавшему страну Мсири. Европейские путешественники, первыми посетившие Катангу во второй половине XIX в., встретили множество отдельных «княжеств», правители которых не признавали власти Ка-сонго Ньембо, последнего мулохве балуба.

Наконец, еще более эфемерным было государство Лунда. Власть верховного правителя балунда, муата ямво, особенно в последние десятилетия существования Лунда, была лишь чисто номинальной. Хотя юридически Шинде, Казембе, Канонгеша и Казембе-Мутанда (княжества, на которые делилось государство Лунда) подчинялись центральной власти, на деле они являлись фактически независимыми.

Степень их самостоятельности зависела от военной силы, которой они располагали. Самым могущественным владетелем был Казембе. Еще Ласерда писал о нем: «У него большое число хорошо дисциплинированных отрядов, начальники которых каждый вечер сообщают ему новости и получают от него пароли, которыми они пользуются так же, как цивилизованные нации. Имеются различные отряды, патрули и дозоры, которые охраняют покой и пресекают беспорядки» [105, с. 42—43]. То же свидетельствует Баптиста: «Казембе всемогущ в своей столице и управляет большим количеством людей. Его приказы тверды, и он внушает страх даже крупным вождям, которые имеют собственные земли; они боролись с ним, но теперь находятся в его власти» [256, с. 100].

В 1867 г. Д. Ливингстон отмечал четкую организацию сбора информации [38, с. 185] и хорошие дороги в районах, контролируемых этим правителем [38, с. 186].

Другие правители, которые располагали малочисленными или небоеспособными отрядами, сохраняли лишь чисто номинальную власть. Они, как, например, шинде или канонгеша, скорее царствовали, нежели управляли. Сохраняя функцию ритуального вождя, они практически передавали политическую власть наместникам из центра.

Несмотря на значительное богатство и некоторую самостоятельность, каждый новый правитель должен был получать знаки власти именно от муата ямво. Однако с начала XIX в. казембе уже сами устанавливали

порядок преемственности. По свидетельству Баптисты, «несколько лет назад (написано в 1806—1810 гг.— *Авт.*) Казембе должен был наносить визит муата ямво лично. Согласно приказам последнего, предыдущие правители Казембе должны были завоевывать земли, которыми правит современный „король“. Но они решили не покидать своих земель, боясь, что жители в их отсутствие могут возмутиться и убить родственников и друзей уехавшего правителя, в то время как он будет у муата ямво. Вот почему они сохранили общий обычай ездить в Мусумбу, но отправляются туда не сами, а посылают послов со своими „муламба"» [256, с. 8]. Вернее, однако, предположить, что не боязнь восстаний, а именно чувство независимости позволяло казембе так поступать. В период же ослабления казембе, к концу XIX в., правители вновь стали ездить к муато ямво лично. Так, Камерон не сумел встретиться с казембе, так как тот отправился засвидетельствовать уважение новому муата ямво [111, с. 132].

Во всех трех государствах провинции или области, в свою очередь, делились на округа, объединявшие по несколько деревень. Как правило, во главе округов оставались старые вожди завоеванных народов, однако их действия контролировались присланными из центральной резиденции наместниками. Лишь в исключительных случаях особенно явного неповиновения местные правители заменялись балуба или бушонго. Во владениях ба-лунда равновесие сохранялось чаще благодаря матри-мониальным связям завоевателей и побежденных.

Основной тип поселений в этом районе, как и повсюду в Африке,— деревни. По всем землям бакуба были разбросаны небольшие (по 150—175 жителей) деревни с уличной планировкой. Располагались они на вершинах холмов — необходимая предосторожность у народов, не знавших укреплений. В центре каждой деревни оставляли свободную площадку с навесом посреди нее. Эта площадь — средоточие общественной жизни любой африканской деревни. Жилище бакуба — одно- или двухкамерная постройка с двускатной крышей из пальмовых листьев, скрепленных пальмовыми волокнами. Чем более высокое положение занимал хозяин дома, тем ярче и разнообразнее были орнаменты на стенах и тем больше сам дом.

Такие же небольшие поселения были характерны и для балуба и балунда — лишь изредка численность их жителей достигала 600—700 человек. Однако для этих народов основной тип жилища — круглая в плане, крытая пальмовыми листьями или травой хижина.

Ни у одного из этих народов не существовало постоянной «столицы»: каждый новый правитель сооружал свою резиденцию. Внешне последняя лишь размерами отличалась от обычной деревни. Однако качественно эти резиденции, особенно «мушенге» у бакуба, представляли собой нечто иное.

Прежде чем говорить подробнее о столице бакуба, скажем несколько слов о типах поселений в Африке. Долго бытовало мнение, что на континенте в древности и в средневековье не существовало городских цивилизаций. Сейчас мы уже много знаем о древних Мероэ и Алве в долине Судана, Аксуме в Эфиопии, Гао и Тимбукту в Мали, Кано и других городах хауса в Нигерии, Момбасе и иных городах суахили на побережье современных Кении и Танзании... Перечисление всех городских поселений Африки заняло бы много места. Арабские авторы VIII—XIV вв. в своих работах упоминают 95 африканских городов [14, 15]. Разной была их судьба. Одни давно погибли, как Аудагост или Геди; другие сохранились, но потеряли свое былое значение, как Тимбукту и Дженне; третьи превратились в большие современные города, как Могадишо и Момбаса. Но даже признавая существование городских центров в Западном Судане, Северо-Восточной Африке или на побережье Индийского океана, исследователи считают обычно, что в центральных районах континента городов никогда не было, да и быть не могло.

Но что же такое город докапиталистической формации? Чем отличался от деревни город африканского да и европейского средневековья? Размерами? Но нередко были деревни, по величине и населенности превосходившие небольшие города и городки. Стенами и укреплениями? Но в смутные периоды истории как деревни, так и отдельные замки и хутора укреплялись не хуже городов. Отрывом их жителей от земледелия? Но даже в больших городах феодальных обществ внутри городской черты были огороды и поля, а жители небольших, даже современных городов не чуждаются земледелия.

Видимо, все это лишь внешние черты, которые не могут определить отличия этих двух типов поселений. Но где же тогда четкая граница между поселением городским и деревенским? Она прежде всего в совершенно разных их социальных функциях. Город отличается от деревни не размером, не наличием или отсутствием укрепленных стен, а прежде всего тем, что он — торговый, ремесленный и административный центр. В разных районах мира в докапиталистических городах либо преобладала одна из этих трех функций, либо были разные типы их сочетаний.

Мушенге на первый взгляд была похожа на другие поселения бакуба. Однако это было лишь внешнее сходство. Состав жителей, их занятия, образ жизни показывают, что по своей сути это поселение далеко ушло от обычной деревни.

Резиденция ными — прежде всего административно-управленческий центр, средоточие власти — политической, судебной, фискальной. Население столицы государства Куба составляли обладатели высших административных должностей, многочисленные придворные ными, челядь, ремесленники, обслуживавшие двор, рабская гвардия, несущая службу охраны.

В мушенге, представлявшей собой в плане квадрат со стороной 3 км, жило около 4 тысяч человек [174, с. 103; 248, с. 85]. Большую часть площади занимал дворец самого ными, жилища его жен, ближайших сановников, челяди и личной гвардии. Вся эта территория была обнесена единым забором и тщательно охранялась [231, с. 154—156].

Все население столицы было свободно от уплаты дани [232, с. 198]. Для обеспечения продовольствием ными и его ближайшего окружения работали жители особых сервильных поселений на дворцовых землях. Остальное население мушенге закупало продукты на единственном в стране рынке, работавшем ежедневно. Так административный центр становился постепенно и торговым. По существу, резиденция ными государства Куба была поселением, экономически и политически отличающимся от окружающих его деревень, зародышем города, одним из первых в этом районе Африки.

Резиденция муата ямво известна под названием «Му-сумба». Однако это не наименование столицы, а лишь

термин, обозначавший местопребывание верховного правителя, — «большой лагерь». Как и в других государственных объединениях этого региона, это было временное поселение: каждый новый муата ямво строил себе новую резиденцию. Погге отмечал, что эти поселения располагались обычно в одном районе, неподалеку друг от друга. Так, Кабебе, резиденция муата ямво в середине прошлого столетия, лежала в полутора милях (около 3 км) от Лумбатта, резиденции предшественника современного Погге правителя, а Квиземеме, где был сам Погге, — двумя милями (около 4 км) севернее Лумбатта [207, с. 28].

Столица представляла собой большое поселение, где жило 8—10 тысяч человек. Это были в основном придворные, ремесленники, челядь. Одна только свита муата ямво насчитывала до 2—3 тысяч человек. Столица была окружена земляными укреплениями и сухими рвами общей протяженностью более 30 км. Столичные жители не занимались физическим трудом. Столица была значительно удалена от сельскохозяйственных поселений, жителям которых, для того чтобы доставить продукты в Мусумбу, нужно было затратить не менее дня на дорогу. Некоторые современные исследователи прямо классифицируют Мусумбу как город [181, с. 857]. В прошлом столетии несколько европейских путешественников сумели побывать в Мусумбе. Они были поражены чистотой, простором, прямыми улицами, открытыми площадями. По сравнению со столицей муата ямво португальская Луанда описывалась такими наблюдателями, как Погге и Карвалью, как маленькое и довольно захолустное поселение.

Верховный правитель и характер его власти. Центральная государственная власть была здесь призвана сохранять господство завоевателей над покоренными народами, поддерживать привилегированное положение знати, державшееся на эксплуатации как своих крестьян-общинников, так и соседей, земли которых прямо или косвенно входили в состав этих государств. После того как были установлены постоянные торговые отношения с португальскими владениями как на Атлантическом побережье, так и в Мозамбике, широко разветвленный административный аппарат призван был удерживать в повиновении рабов.

Рассмотрим последовательно его составляющие: власть верховного правителя, совета знати, суд, армию.

Власть в государствах этого региона принадлежала верховному правителю: ными у бакуба, мулохве у ба-луба, муата ямво у балунда. В европейской литературе их нередко называют «король» или даже «император». Употребление этого термина применительно к ним, по нашему мнению, не оправданно. Это искусственное перенесение терминологии позднего европейского средневековья на своеобразную африканскую действительность. Правитель в государствах бассейна Конго — отнюдь не монарх европейских держав. Применению этих терминов способствовало то обстоятельство, что на первый взгляд власть главы государства представлялась европейскому наблюдателю абсолютной и неограниченной.

В государстве Луба мулохве (а когда государство как единое целое перестало существовать, глава каждого независимого «княжества») выступал как единственное лицо, обладавшее верховными правами. Прекрасной иллюстрацией этого положения служит описание В. Камероном «княжества» Уруа. Его правитель Касон-го, последний из «императоров» балуба, вел себя в своих владениях, уже небольших по территории, как хозяин всего сущего, как неограниченный деспот [111, с. 70, 108].

Таким же неограниченным правителем был как будто и ными. Он был волен распоряжаться всем в своих владениях, и без его ведома ничто не могло произойти в государстве Куба. Он считался хозяином жизни и смерти своих подданных [152, с. 383; 266, с. 245].

Казалось бы, что в пользу этого утверждения абсолютности власти говорит и свидетельство Д. Ливинг-стона: «Люди в стране Матиамво покорно сносят всякий несправедливый поступок своих вождей, и ни один голос не может подняться против их жестокостей, потому что подданные Матиамво боятся бежать куда-нибудь» [38, с. 212].

Идеологическим обоснованием и прочной основой власти верховного правителя служила вера (как и у многих других народов на определенном уровне развития общества) в особый, священный ее характер, в сакральную сущность правителя. А религия бакуба, балуба и балунда представляла собой веру в существование

множества духов¹. Сонм их был весьма многочислен. Среди них выделялся создатель мира «реза» [105, с. 404], богиня земли, бог дождя, «замби» — дух добра и т. п. Они рассматривались как высшие духи, стоявшие над другими. Позднейшие миссионеры-европейцы пытались обнаружить среди них верховное божество. В частности, они объявляли создателя мира равным христианскому понятию бога-творца. Однако сами ба-лунда не рассматривали его как верховное божество, не имели ни культа, ни особого почитания. Отсутствие такого верховного божества, да и пантеона богов у ба-лунда вынудило одного из первых христианских миссионеров на земле балунда, патера Пинто, сказать: «Му-рунда, как другие народы страны, не имеют практически религии» [105, с. 404].

Другую категорию духов представляли духи сил природы: леса, саванны, стихий. Распространено было почитание фетишей, воплощавших сверхъестественную могущественную силу: камней, деревьев, холмов. Однако чаще им посвящались особые изображения человека или животного — «идолы», как их называли европейцы прошлого столетия. Эти «идолы» могли выглядеть по-разному. Чаще всего они были грубыми изображениями человеческого существа [38, с. 193].

В других случаях идол — просто изогнутая палка, смазанная снадобьями — символ человеческой головы или фигуры льва; «иногда,— пишет Д. Ливингстон,— вы видите просто небольшой горшок со снадобьями, поставленный под навесом в миниатюрной хижине с небольшой насыпью внутри этой хижины» [38, с. 205]. Подобные фигуры видел и П. Погге в столице муата ямво [206, с. 155].

Особое положение в сонме духов занимали духи умерших, а среди последних — духи предков — первых поселенцев и духи предков — правителей. По представлениям, бытовавшим почти у всех африканских народов, умершие не исчезали безвозвратно, а продолжали жить, но в ином, не материальном, а духовном воплощении. Они даже оставались в составе семьи и общины. Каждая из последних, как верили африканцы, состояла из двух разнородных частей — умерших и живых. При этом умершие члены общины считались более могущественными, чем живущие. Именно они были подлинными хо-

зьявами земель, именно от них зависело благополучие живущих.

В разных районах расселения балунда эти духи носили разные названия. В землях вокруг Мусумбы их называли «махамба», в восточных областях — «азимос». Махамба, по представлениям балунда, могли приносить человеку серьезный вред. Чтобы обеспечить свою безопасность, а тем более покровительство с их стороны, балунда приносили этим духам жертвы мясом, вином, зерном, маслом, устраивали в их честь ритуальные танцы с участием масок [206, с. 241—243]. То же писал патер Пинто о верованиях балунда во владениях казем-бе: «Они особо почитают „азимос" (муримос), или мертвых, с которыми они советуются во всех случаях войны, торговли и мира. Негры — служители в любой „мока-за" (лагерь, где должны быть места захоронений.— Я. Я.), или месте, где похоронен король, имеют много привилегий. „Азимос" требуют подношений пищей, такой, как, например, дуф, приготовленный из цветов маниоки, тушеных с кашей, которую в Бразилии называют „ангу"; квириса (похлебки из мяса, рыбы и трав.— Я. Я.) и помбе, пива из проса, которое уже было (мною) описано» [105, с. 404].

Такие духи нередко фигурируют и в сказках: они выступают там как некие сверхъестественные существа, иногда наподобие вампиров (таковы же, например, «ндо-ки» в сказках бангала).

Среди множества таких духов умерших, как уже указывалось, особое место занимали духи предков — первопоселенцев. Именно они являлись, по представлениям балунда, подлинными хозяевами всех земель. Связь с живыми, своими потомками, они «поддерживали» через живых посредников — так называемых хозяев или владык земель.

В мире духов души умерших правителей, по представлениям этих народов, якобы занимали главное место. Они, в частности, помогали править живым, которые часто обращались к ним за советами. Могилы предков правителей были объектами особого поклонения. У каждой из них, как заметил еще Гамитту, был собственный хранитель — «мвине мачамо», который получал подарки, предназначавшиеся для жертв духу могилы, следил за ней [141, с. 120]. Такие хранители «королев-

ских могил» занимали высокое положение среди придворных.

Да и живой правитель рассматривался не просто как потомок «духа-предка», но как существо необычное, наделенное особой чудодейственной силой. Здесь "вплоть до конца прошлого столетия, а в пережиточной форме и доньше, сохранялся культ «священного царя-жреца», известный у многих народов мира в древности и у некоторых коренных народов Африки, Азии и Америки в средневековье и в новое время. Многие европейцы упоминали проявления этого своеобразного культа при описаниях маны Конго. Согласно им, «царь-жрец», верховный правитель, воплощавший на земле сверхъестественные силы, был тесно связан с силами природы и последние через него могли оказывать влияние на благоденствие его народа. Известный этнограф прошлого столетия Д. Фрэзер писал:

«На известном этапе истории первобытного общества существует часто верование, что царь или жрец является обладателем сверхъестественных способностей или воплощением божества, предполагается, следовательно, что жизнь природы и ее процессы более или менее зависят от него; царя или жреца считают ответственным за плохую погоду, за скверные урожаи, за всякие бедствия подобного рода... Иногда, однако, предполагается, что процессы природы лишь частично зависят от царской воли: его личность рассматривается, если можно так выразиться, как динамический центр вселенной, откуда излучается в разных направлениях действие сил.

«Ндоп» Мико ми Мбул,
ными бакуба (дерево)

Таким образом, малейший жест считается способным непосредственно влиять на ту или иную стихию и серьезно возмущать ее. Монарх с этой точки зрения оказывается точкой приложения для мирового рычага, так что малейшее нарушение с его стороны может нарушить все равновесие мира, отличающееся величайшей неустойчивостью. Вот почему там, где распространено подобное представление о царе, проявляется такая великая заботливость к его особе, вот почему от самого царя требуется величайшее внимание к своему поведению; вся жизнь царя до ее мельчайших деталей регулируется таким образом, чтобы ни одно из *его* действий, сознательно или бессознательно, не нарушило и не расстроило установленного строя природы» [68, с. 177—178].

С таким представлением было тесно связано безоговорочное требование безусловного физического совершенства «царя». Существовали особые формы проверки здоровья такого правителя, и в случае каких-либо отклонений совершалось ритуальное убийство его. Фрэзер собрал немало доказательств этого обычая в древней истории многих народов Европы и Востока. Известны такие обычаи и в странах Африки. На более поздних этапах развития они нередко использовались знатью для устранения неугодных правителей. Наиболее яркий пример — ритуальные самоубийства алафинов у йоруба после получения символа приговора совета знати — яйца попугая или пустого калекбаса. В других странах Африки не осталось свидетельств существования ритуального убийства, но часты указания на проводимые время от времени испытания здоровья правителей и последующие изгнания их [67]. В описываемом регионе также не отмечен такой обычай даже в самых ранних свидетельствах (за все время истории государства Куба, нашедшей отражение в устных преданиях, была лишь одна попытка убить ными, но и та не увенчалась успехом), однако отголоски его можно видеть, например, в тексте клятвы, которую приносили ными знатные люди государства Куба.

Напротив, представление о священном характере правителей и вытекающей из этого понятии строгой регламентации их жизни существовало у всех народов бассейна Конго, а у балунда это представление относи-

лось не только к муата ямво, но и к лукокеше—его соправительнице. Жизнь и быт их были строго регламентированы, ограничены рядом бытовых запретов.

Так, ными не имел права пересекать поля, переплывать реки, ходить по земле, сидеть на ней. Бакуба свято верили, что, если ными коснется земли, «земля загорится» [231, с. 61; 248, с. 100]. Лишь к концу XIX столетия это строгое запрещение стало нарушаться. Л. Вольф уже видел ными, стоящим на земле (пешком и в то время ными еще не ходили, а Кот а Пе, последний независимый правитель бакуба, принимал Э. Тордаи, сидя на стуле и касаясь одной ногой земли [232, с. 131]. Строгость запрета смягчилась.

Когда долго не было дождей и наступала сильная засуха или если ожидался плохой урожай, ными проводил церемонию вызывания дождя.

Бакуба были убеждены, что ными может лишить проклятую им деревню урожая, отнять плодородие почвы. Вера в сверхъестественное могущество ными сохранялась вплоть до середины нашего столетия.

Множество бытовых запретов осложняло и жизнь мулохве. Так, он мог принимать пищу только в одиночестве. Его пища должна была быть приготовлена только на священном огне, добытом с помощью трения двух палочек [119, с. 840; 257, с. 181—182]. Мужчина, обязаный добывать этот огонь, и женщина из числа придворных, готовящая пищу для мулохве, пользовались особыми уважением и почтением и не могли общаться ни с кем в те часы, когда выполняли свои обязанности. Мулохве не мог употреблять в пищу змей, рыб и мясо белого орла.

Мулохве, да и «вожди» более низкого ранга, не имели права, например, переплывать реки, касаться земли ногами (их должны были переносить слуги, а когда они сидели, под ноги им подкладывали циновку или шкуры животных).

По представлениям балуба, после смерти мулохве сам становился священным духом, руководящим всей жизнью живых. Так, основатель государства Луба Конголо со временем превратился в личность полумифическую. Его земным воплощением балуба считали змею. Две змеи разного пола были еще в конце прошлого столетия предметом культа в долине Луалабы. Конголо, как

Женщина, держащая калемас.Балу-ба (дерево)

и последующие за ним балохве, после смерти превратившиеся в духов, по представлениям балуба, могли послать на землю дождь или засуху.

Точно так же ни муата ямво, ни лукоке-ша не имели права касаться земли — в противном случае, верили балунда, земля может стать бесплодной. Никто не должен был видеть, как они едят, спят; разговаривать с ними можно было только через посредника.

Подобные же отношения связывали балунда и правителей отдельных областей, которые тоже выступали как «священные вожди». Многие бытовые запреты ложились и на людей, непосредственно обслуживавших их. Так Ливингстон, побывав-

ший у правителя Шинде, писал: «Мы видели

несколько раз женщину, которая занимала у Шинде должность водоноски. Когда она идет с водой, то звонит в колокольчик, предупреждая всех, чтобы они сходили в сторону от дороги. Если бы кто-нибудь подошел к ней близко, то это считалось бы большим преступлением, потому что его близость может оказать вредное действие на воду, которую будет пить вождь» [39, с. 199].

Точно так же, как при дворе муата ямво, при каждом правителе округа были особые лица, передававшие ему речи просителей. Вот каким образом проходил разговор Ливингстона с Нямоаной, женщиной-вождем од-

ного из районов балунда: «Колимбота передавал уполномоченному Нямоаны все, что я говорил ей. Тот передавал все сказанное дословно ее супругу, который снова повторял все ей. Таким образом, все это пересказывалось четыре раза и так громко, что все присутствующие могли слышать. Ответ возвращался ко мне таким же круговым путем, начиная от леди к ее супругу и так далее» [39, с. 184].

Из той же веры в неразрывность и взаимосвязь священного правителя и сил природы вытекал другой принцип — его бессмертие [248, с. 100].

По смерти ными, как верили бакуба, его дух воплощался в его статую — «ндоп» [248, с. 100—101]. Кот а Пе рассказывал Тордаи, что всегда советуется со статуей легендарного Шьяама перед тем, как принять то или иное решение и ждет от него одобрения своим действиям [231, с. 25].

Эта галерея ндоп принесла бакуба всемирную славу. Ни один народ Африки не знал такой своеобразной скульптуры, объектом которой был не человек вообще, а то или иное подлинное лицо². После смерти каждого правителя искусный скульптор вырезал из единого куска дерева портрет умершего. Бакуба верили, что такое скульптурное изображение становилось вместилищем души умершего. Первый такой «портрет» был сделан после смерти Шьяама (в первой половине XVII в.). С той поры и до нашего столетия бакуба сделали семнадцать ндоп. Как бронза Бенина, как маски бамбара и догонов, как золото Мапунгубве, большинство этих скульптур-портретов оказались не у подлинных их хозяев, а в музеях Европы.

В Британском музее, в Лондоне, хранится изображение Шьяама из полированного красного дерева. Скрестив ноги, спокойно положив на колено правую руку, сидит на резной подставке величественный ными бакуба — самый почитаемый и самый любимый правитель. Лицо его мудро и безмятежно. Как и требуется по канонам африканского искусства, его голова составляет третью часть всей более чем полуметровой скульптуры. Искусный мастер сосредоточил главное внимание на изображении лица. Тщательно проработаны черты его: широкий нос, спокойный рот, большие полуприкрытые глаза, дуги бровей. На обнаженном торсе подчеркнуты

знаки богатства и царского достоинства: браслеты, оплечья, ожерелье, узорчатый пояс, парадный колокольчик в левой руке... Особенно проработан головной убор — знак королевской власти. Это экоти — плетеная, облегающая голову шапочка, украшенная выступающим далеко вперед плоским прямоугольником.

В Королевском музее Бельгии, в г. Тервюрене, находится идоол Кот а Мбула, жившего в конце XVIII столетия. На лице его следы беспокойства: ведь время его правления отмечено волнениями и смутами внутри государства. Как знать, может быть, именно поэтому изображен правитель бакуба сидящим перед сигнальным барабаном, как будто он вот-вот его боем вызовет на защиту старых завоеваний свою гвардию, а то и ополчение всех свободных бакуба. Его голова тоже украшена экоти. В современной Республике Заир этот традиционный головной убор правителей бакуба стал символом священника-африканца католической церкви, которая сейчас широко использует традиционную обрядность и костюмы, приспособляя их к христианским обрядам.

Верховный правитель был и своего рода божеством, воплощением священного духа, и в то же время в некотором роде служителем культа. Главное чувство, которое владело, по описаниям П. Погге, всеми балунда, — страх перед возможными кознями колдунов, злой силой фетишей. Поэтому каждый стремился иметь в качестве защиты отвращающие магические средства. Очень распространено было ношение различных амулетов и талисманов. Но если рядовой мулунда при этом заботился лишь о собственной безопасности, то муата ямво должен был думать о безопасности всего государства. Во время своего пребывания в Мусумбе Погге как-то услышал о том, что муата ямво prepares такое магическое средство. Вся столица в течение трех дней, пока верховный правитель пребывал в полном уединении, жила ожиданием и надеждой. О завершении работы было торжественно объявлено. Об этом возвестили звуки рогов, а знать и простой народ радостно отпраздновали это событие [206, с. 162—163].

Верховному правителю были посвящены священные животные — они символизировали власть, мудрость, могущество, силу, ум, долголетие. Ими были, в частности, питон и черепаха. Согласно представлениям балунда,

душа муата ямво после его смерти вселялась в одно из этих животных (аналогичное представление бытовало у балуба — вспомним о двух змеях — воплощении Конголо). Эти верования пронизывали всю жизнь и быт балунда. Как показал на основании полевых исследований А. Маргаридо, даже планировка Мусумбы была подчинена идее вечности верховного правителя [181, с. 857]. Резиденция муата ямво повторяла очертания священной черепахи. В центре (в сердце) располагался дворец правителя; другие строения символизировали голову, хвост и бока этого животного.

Наследование власти (как и наследование имущества) проходило, как и в Конго, по нормам материнского права. В число возможных наследников входили, во-первых, дяди (братья матери), во-вторых, родные (единоутробные) братья, в-третьих, племянники — сыновья сестер. Сыновья правителя, согласно этим древним правилам, полностью исключались из списка законных претендентов на престол. Стремление передать сыновьям свою власть привело к особым формам бракосочетания правителей. Женами правителей должны были обязательно быть их «сестры». Это, однако, были не сестры в нашем понимании степеней родства, а двоюродные или сводные, или племянницы — важно было лишь, чтобы они принадлежали к «королевскому» роду. Их сыновья, таким образом, были одновременно племянниками правителя и имели, следовательно, право на наследование власти по нормам материнского права.

Бракосочетание правителя с родственницами имело и другой смысл. Поскольку сохранялся счет родства по материнской линии, именно женщина была продолжательницей рода и только такой порядок бракосочетания обеспечивал чистоту и преемственность священной крови. Нередко имя матери присоединяли к имени правителя (Мбоп а Кьен и Мико ми Кьен у бакуба, Касонго Каломбо у балуба — второе имя — имя матери). Мать и первая жена правителя находились на особом положении, располагали исключительным престижем и авторитетом, участвовали в управлении страной. Такие соправительницы известны во многих государствах Африки, например лукокеша у балунда, намасоле и лубуга у баганда и др. Правда, к концу прошлого столетия они

уже не играли сколько-нибудь существенной роли в управлении государством, исключение составляли лишь балунда. У бакуба еще в конце прошлого столетия сохранялось особое положение мана ными — матери правителя. Она имела свой отдельный двор, ее встречали почтительными приветствиями, на торжественных церемониях она занимала почетное место, сам ными сидел справа от нее. Именно ей давалось первое слово на советах и к ней в первую очередь обращались. Она, единственная женщина в государстве, пользовалась правом полиандрии, чтобы отец ными был лишь одним из многих [231, с. 53]. Помимо мана ными в совете знати бакуба было еще 14 женщин.

Возможно, в более ранние периоды истории бакуба мана ными, как и его первая жена, были не только уважаемыми, но и могущественными лицами, делившими власть с ными.

Однако у балунда подобные обычаи сохранялись довольно долго. Даже в конце прошлого века Д. Ливингстон встречал в землях балунда женщин-вождей, которые безраздельно управляли своими владениями. Мужья таких правительниц не имели никакой реальной власти [38, с. 184, 186].

Лукокеша не только правила собственным независимым двором, но и имела собственные деревни, на которые не распространялась власть муата ямво. Более того, ее слово имело большое значение и в решении многих важных государственных дел. Так, например, без ее согласия невозможно было назначение нового правителя [99, с. 11].

Такое высокое положение соправительницы основывалось на сохранении у балунда общественных прав женщины. По сравнению с другими народами Африки женщины-балунда пользовались значительно большей свободой. Они даже имели право принимать участие в «котла» — так у балунда назывались своеобразные народные собрания, на которых присутствовали все жители селения. Ливингстон с удивлением заметил на приеме у уже знакомого нам правителя шинте около сотни женщин: «Здесь я впервые увидел женщин на общественном собрании. На юге женщинам не разрешается приходить в „котла“, а здесь они выражали свое одобрение ораторам, хлопая в ладоши и встречая их радост-

ным смехом. Шинте часто оборачивался и говорил с ними» [38, с. 196—197].

Чувствующий приближение смерти ными обычно сам назначал наследника и сообщал о своей воле старшему сыну; последний был могущественнейшей фигурой в период междоцарствия. На это время он становился главным хранителем сокровищ, принадлежавших ными. Именно он распоряжался церемонией похорон. В далеком прошлом он выбирал человеческие жертвы, что придавало его власти зловещий оттенок. Старший сын сообщал через три дня после смерти ными волю покойного двум высшим сановникам — бамби и бенги (глашатаям), которые, в свою очередь, объявляли это народу, собравшемуся в столице попрощаться с умершим. Фактически именно эти три человека выбирали нового правителя.

Наследник должен был немедленно покинуть старую резиденцию. Лишь через несколько дней он в праздничном одеянии появлялся перед народом, и начиналась церемония коронации. К новому ными обращался бамби с традиционными вопросами, и бенги повторял за ним каждую фразу. Наследник должен был назвать всех правителей бакуба за всю историю существования государства, указать, с соблюдением всех правил наследования, своих будущих потенциальных наследников.

Только если ответы были правильными, претендент на трон признавался достойным стать ными. Бамби, а за ним бенги произносили от имени народа своеобразную клятву верности новому правителю:

Ты ными, и мы будем любить и чествовать тебя; Если мы поймем дичь, она будет для тебя; Если мы поймем рыбу, она будет для тебя; Если у нас родятся дочери, они будут для тебя; Мы будем платить тебе дань; Любое веление, сорвавшееся с твоих губ,
будет удовлетворено;
Если мы будем послушны, будь добр к нам, Если не повинемся, накажи нас. Ты ными, и вся власть — твоя (у тебя в руках).

{232, с. 178}.

Народ — неперенный участник этой церемонии. Однако он был простым наблюдателем. Это пережиточно сохранившееся «народное собрание» не имело права го-

лоса. Оно лишь принимало вынесенное в верхах решение.

Период от смерти ными до его похорон новый правитель проводил в затворничестве, живя в стороне от столицы (в прошлом этот период тянулся долго, иногда до трех месяцев, а впоследствии сократился до девяти дней) [232, с. 157; 248, с. 115]. Затем в полнолуние он должен был совершить путешествие в священный лес, где жил, по представлениям бакуба, дух-предок всех бакуба. Инсценировался разговор наследника с последним, и лишь после «одобрения» духа новый правитель вступал в свои права.

Наследник жил в резиденции старого правителя, своего предшественника, в течение почти трех месяцев. За это время дети и внуки давали своеобразную клятву на верность новому ными, передавая каури в знак покорности. Затем в стороне, в саванне, выбиралось место для новой столицы. В ее строительстве принимало участие множество народа, причем дом самого ными строился и украшался его старшими сановниками. Сюда же, в новую резиденцию главы государства Куба переносилась вся казна, все сокровища из старой столицы.

Когда строительство заканчивалось, когда были готовы дома и для ными и для его гарема, помещения для знати и охраны — личной гвардии правителя, новый ными получал знаки отличия верховного правителя бакуба — трон, парадный меч и колокол. Эта церемония сопровождалась ритуальными танцами, в которых принимало участие все население столицы. В это же время мальчики проходили возрастные инициации. Все девять дней, в течение которых они жили в лесу и готовились перейти в категорию взрослых, новый ными играл роль Вото — легендарного предка бакуба.

Считалось, что по прохождении всех этих церемоний новый ными становился не только полновластным правителем, но и священной особой, тесно связанной с духами предков, с потусторонним миром.

Мулохве балуба сам назначал своего преемника, разумеется, из числа лиц, законных с точки зрения обычного права, однако на это было необходимо получить согласие важнейших сановников, составлявших совет при мулохве. Церемония коронации не описана

нашими источниками. Когда-то, по-видимому, существовал особый обряд, следы которого сохранились, однако, только в языке. Так, например, у балуба-санга сохранилось слово «мулопа» — «человеческая кровь», а у ба-луба-шанкади — «милопе» — «сгусток крови». Отсюда можно предположить существование глагола «кило-ха» — «кропить (смазывать) кровью». Тогда термин «мулохве» можно объяснить как причастие от этого глагола — «окропленный (помазанный) кровью» [254, с. 52]. Следы этой церемонии сохранились только в титуле правителя, даже предания о ней умалчивают. Новый правитель получал из рук сановников знаки «царской» власти — трон (резной стул), копьё, барабан, двойной колокол, два кубка, шкуру леопарда [257, с. 181].

Сходные правила наследования существовали и у балунда. Здесь, однако, необходимо было и еще одно условие — кандидатуру нового верховного правителя утверждала лукокеша.

Двор правителя и аппарат государственного управления. Во всех государствах этого региона верховных правителей окружал большой штат придворных. Двор правителей и административный аппарат Куба, Луба и Лунда описаны многими авторами, побывавшими в конце XIX — начале XX в. у изучаемых народов, и более подробно, чем другие стороны жизни [88, с. 778—790; 136, с. 76; 99, с. 135—136; 141, с. 117—121; 147, с. 174—177; 195, с. 145—148; 207, с. 15 и далее; 216, с. 104—107; 231, с. 53—70; 248, с. 90—99]. Европейские исследователи придавали большое значение изучению системы управления, что, как они полагали, позволит им определить степень развития общества. Вместе с тем, скрупулезно перечисляя носителей различных титулов, наши информаторы не всегда разбирались в сложной иерархии должностных лиц, одни из которых представляли важные звенья государственного аппарата, в то время как другие были лишь фигурами формальными, носителями почетных званий. Установить реальную ценность и роль в управлении государством тех или иных официальных лиц — дело довольно сложное.

Двор ными бакуба был многочислен. По свидетельству Тордаи, общее число придворных в начале нашего

столетия превышало 250 человек (не считая гарема, личной гвардии ньими и челяди высших сановников) [231; с. 55—70]. При дворе постоянно жили и представители четырех провинций, бывшие в то же время высшими сановниками. Это «чикала», «ипанчула», «нья-анг» и «ньими шонго». Они передавали распоряжения центральной власти главам провинций, и только через их посредничество последние могли обращаться к самому ньими. Они принимали дань от населения представляемой ими провинции. Эти должностные лица не получали никакого вознаграждения за несение своих обязанностей и существовали за счет дани, часть которой они удерживали в свою пользу, наживая таким образом немалые богатства.

Здесь же жили также представители крупнейших этнических групп, составлявших государство Куба. В этом ярко прослеживалась гегемония бушонго: при дворе было шесть их полномочных лиц, в то время как от бакете — два, от пьяанг, батва и бангенди — по одному, а интересы таких групп, как бакеле, банг и другие, не защищал никто.

Среди остальных придворных ведущую роль играли «кими камбу», верховный судья и первый заместитель ньими во время отсутствия последнего, и «ньибита» — верховный главнокомандующий. Три других должностных лица представляли фискальное ведомство. Они получали и хранили все «подарки» — «вознаграждения за должность», всю дань, все рыночные сборы и штрафы, которые шли в пользу ньими.

Отдельную группу придворных составляли четыре военачальника, стоявшие во главе четырех войсковых подразделений: авангарда, левого и правого крыла и арьергарда.

Кроме того, при дворе ньими имели своих представителей восемнадцать ремесленных групп бакуба (объединявших кузнецов, ткачей, резчиков по дереву и т. д.). Каждый ремесленник, пожелавший обратиться к высшей власти, должен был действовать только через них.

При дворе ньими жила и большая группа лиц, осуществлявших судебские функции.

Были здесь и придворные историки «моариди» и «мене моломо». Первый считался хранителем устных традиций, второй — хронистом, который должен был сохра-

нять и передавать последующим поколениям исторические предания бакуба.

Кроме вышеперечисленных сановников в ближайшее окружение ными входили многочисленные придворные — барабанщики, телохранители, глашатаи и т. п. Этот четко организованный аппарат сохранился и в годы колониального господства Бельгии в Конго. Я. Ван-сина в 1956 г. нашел при дворе ными ту же структуру представительства и тех же должностных лиц [248, с. 90—99].

Все лица, занимавшие ту или иную должность в системе административного аппарата государства Куба, объединялись под общим названием «колм» (у Тордаи этот термин записан как «коломо»). Некоторые высшие должности имели право занимать только члены правящей династии. Так, «моариди» должен был быть только сыном умершего правителя, «кикаам» — сыном или внуком ными, к родственникам последнего обязательно принадлежал и «чикль» и ряд других высших сановников.

Столь же многочисленным был двор мулохве. Его окружали гарем, личная гвардия, большой штат придворных. Кроме того, при дворе мулохве (как и ными) постоянно проживали представители провинций, по одному от каждой [257, с. 187]. Среди высших придворных и сановников главенствующее положение занимали три должностных лица. Прежде всего это «инабанза» (своеобразный «премьер-министр»). Он играл роль советника мулохве и в то же время делил с главой государства высшую судебную власть. Второе лицо — «тви-те» — командующий армией, под началом которого была целая группа офицеров. Наконец, «сенге» был влиятельным советником мулохве. Он мог в случае необходимости заменить главнокомандующего [257, с. 100; 119, с. 845—846].

В то же время при дворе мулохве было немало людей, носивших почетные титулы, но никак не участвовавших в государственном управлении. Таковы, например, «мулуа», «даламба», «мвепо» — титулы, даваемые за долгую службу, за преданность, за военные заслуги и т. п. Носители этих титулов должны были жить при дворе, но присвоение почетного звания не налагало на них никаких обязательств, Таков и «дамине» — санов-

ник, обязанный нести перед мулохве головы побежденных врагов, и придворный, удостоенный чести нести опахало и т. п. [257, с. 187; 195, с. 147].

Подобные же дворы существовали и в отдельных провинциях государства Луба [257, с. 188—192].

Такого же типа двор был и в государстве Лунда³. Знатное население Мусумбы состояло из трех различных по положению и значению групп. Первую составляло ближайшее окружение муата ямво. Это «санама» — назначенный муата ямво сановник, обладающий высшей властью в государстве, первое лицо после верховного правителя балунда; «лукокеша» — королева-мать; «свана мулопве» — сын короля, главнокомандующий и официальный наследник, по мнению некоторых исследователей, «премьер-министр»; «мутие» — первый советник муата ямво и высший судья; «мванате» — хранитель исторических хроник; «свана мулунда» — «мать всех балунда», ритуальное лицо, прямой потомок полулегендарной Лuedжи, и целый ряд лиц, облеченных почетными титулами («мвади» — первая супруга правителя и др.), но не игравших важной роли в управлении.

Вторую группу знати в Мусумбе составляли представители «жречества»: «мвади» — хранитель могил; «муинда» — хранитель трона; «мванамутомбо» — главный лекарь и т. п.

Наконец, в столице жили «нтомб» — постоянные представители местных вождей, составлявших третью группу знати балунда. Они служили посредниками между верховной властью и местной, передавая приказы муата ямво, сообщая ему о положении на местах, пересылая дань, которая поступала из их родных областей. Нередко правители или наместники отдельных владений сами доставляли ежегодную дань и подолгу оставались в Мусумбе. Здесь же они получали назначения на новую должность или подтверждение сохранения старых полномочий. В Мусумбе был и отдельный самостоятельный двор «лукокеши» — отправительницы муата ямво.

Среди этой группы особую роль играли «туквата» (ед. ч. — «каквата» — должностные лица, выполнявшие полицейские функции и имевшие в подчинении военные отряды. Они встречали и сопровождали торговые караваны, охраняли границы. Все эти сановники считались

«Детьми» верховного правителя. Такая терминология весьма характерна для административной титулатуры балунда. Очень многие придворные и сановники носили титулы, выраженные через систему родства. Мы уже упоминали такие титулы, как «мать царя», «первый сын», были также «брат царя», «дядя царя», «племянник» и т. п. Иногда это действительно были люди, связанные отношениями кровного родства, либо свойства с семьей верховного правителя. Однако чаще подобная терминология была лишь формой. Нередко на государственных должностях использовались даже незнатные свободные, известны даже случаи, когда их занимали рабы. Так, Баптиста рассказывал об одном рабе сына муата ямво. Тот был назначен правителем области за то, «что он оказался более прилежным и старательным в доставке податей и посылал больше, чем сам сын муата ямво, правивший до этого в области» {256, с. 100—101}.

Подобная система правления была и при дворах всех провинций. Здесь был и верховный правитель, и собственная «мать царя», и совет знати. Вот, например, описание двора в Казембе, которое дал А. Гамитту [142, с. 117]. Двор этот составляла знать, «которая была уважаема народом так же, как сам казембе». Несколько сановников являли собой высший слой знати. Это «мвана-буте» — наследник; «калулуа» — «дядя» правителя; «мванамулопве» — «племянник» правителя; «нъиама-мвана» — «мать» правителя; «намбанса» — «сестра» правителя; «мвине мпанда» — главнокомандующий; «мва-ниасита» — отвечающий за безопасность дорог и своевременный сбор дани, он же рассматривал судебные споры, прежде чем передать их на рассмотрение правителя.

Два последних сановника играли особо важную роль в жизни Казембе. Военачальник практически, особенно во время частых и многочисленных войн, осуществлял верховную власть. Обязанности «мваниасита» были тем более почетны и важны, что в его компетенцию входил и контроль над внешней торговлей. Он был обязан сопровождать караваны, проходившие по территории Казембе, или отправлять с каждым из них одного из своих приближенных, получавших на это время тот же титул. Ему подчинялся также «мфумбва-лубинда», в функции

которого входил контроль над порядком в городе, жилищами знати, «королевскими» могилами и т. п. Связями с иностранцами, все чаще появлявшимися на землях Казембе, ведал «мфулонвеба».

При дворе жило также много знати второго порядка — мфуму. Многие ее представители выполняли чисто номинальные обязанности — это были хранитель бус, одежды, опахала и т. п. При дворе казембе были и собственные каквата — отряд из тридцати вооруженных воинов.

Высшие должностные лица составляли совет знати, игравший значительную роль во внутривластной жизни этих государств. У бакуба в состав его входили «чикль», «ипаанкль», «нъимишонг», «нъянг», «мбаа-ди» — высшие члены совета, имевшие право первого и решающего голоса на его заседаниях. Во главе совета («ишьяамл») стоял «кикаам».

На заседаниях совета присутствовать и выступать имели право целый ряд лиц, занимавших низшие ступени административного аппарата. Их насчитывалось 18 человек.

Отношения между членами этого совета и нъими были двойственными. Внешне они выказывали почти-тейшую покорность главе государства. Во время коронации каждый сановник, появившись на девятый день после смерти старого правителя, простирался ниц перед наследником, в то время как последний каждому ставил ногу на голову в знак своей власти и превосходства.

В то же время на деле ишьяамл пользовался большой самостоятельностью, и члены его не упускали случая подчеркнуть это. Так, вновь возведенному на престол нъими они заявляли: «Ты могущественный правитель, но не забывай, что, если ты поступишь вразрез с интересами бушонго, ты можешь быть убит» [248, с. 114].

Ишьяамл мог отказаться признать назначенного нъими преемника и выбрать из числа старших членов правящей династии другого, более, по его мнению, достойного, хотя и имевшего меньше прав на престол [248, с. 113].

Нъими не только не разрешалось присутствовать на заседаниях совета, но даже заходить в его помещение.

Собираясь по меньшей мере раз в неделю, совет знати разрешал все текущие дела и обсуждал важные общегосударственные вопросы. За ными было оставлено право предлагать тот или иной вопрос на обсуждение ишьяамл, однако его просьба могла и не быть удовлетворена. Глава совета — кикаам практически был подлинным вершителем дел государства. Нередки были случаи, когда он действовал прямо противоположно желаниям ными. Так, в 1904 г. по инициативе кикаам и вопреки мнению правившего в то время Кот а Пе совет знати принял решение поднять восстание против бельгийских отрядов, появившихся в государстве Куба. По свидетельству Э. Тордаи, и при назначении новых должностных лиц нередко в спорных случаях побеждал кикаам, а не ными [231, с. 110; 232, с. 157].

Через членов совета, которые одновременно были представителями отдельных провинций, округов или могущественных и знатных семейств в провинциях, он был тесно связан с местными властями и распространял свое влияние и свою власть практически на всю страну.

Сам ными имел право созывать более широкое представительное собрание, на котором могли присутствовать все без исключения колм. Это собрание проводилось под председательством самого ными. На таких широких собраниях, сохранившихся до 50-х годов нашего времени, решались проблемы внутренней жизни государства [248, с. 150—152].

Наконец, у бакуба сохранилось еще одно представительное собрание — «ибаанк». Это настоящее народное собрание — пережиток, оставшийся со времен народной демократии. В нем могли принять участие все желающие независимо от положения в обществе. Однако выступали только колм.

Ибаанк мог быть созван как ными, так и кикаам в особо важных критических случаях: когда возникала угроза войны, когда восставала какая-либо пограничная этническая группа и т. п. В период колонизации на таких собраниях ставился вопрос о принятии или непринятии тех или иных требований со стороны колониальной администрации Конго [248, с. 152].

Никаких законодательных прав и решающего голоса ибаанк не имел.

Данные о советах знати у балуба и балунда не

столь подробны. Однако ясно, что и в этих государствах они играли чрезвычайно важную роль в управлении. Известно, что совет в Луба обсуждал важнейшие вопросы внешнего и внутреннего положения, прежде чем мулохве принимал то или иное решение. Вероятно, как и во многих других африканских государствах, совет знати выступал как фактор, сдерживающий правителя и контролировавший его деятельность. У балуба этот совет знати созывался самим мулохве, который активно участвовал в обсуждении поставленных вопросов. После смерти правителя именно совет знати утверждал (или отвергал) кандидатуру его преемника [257, с. 181]. Члены совета, игравшие важную роль в государстве Луба, нередко назначались наместниками вновь завоеванных территорий во времена широкой территориальной экспансии балуба [257, с. 179, 186]. Такие же советы существовали и во всех провинциях [119, с. 845—846].

Созванные главой провинции или округа, они обсуждали важнейшие юридические и политические вопросы. Иногда созывались и общие собрания всех свободных балуба, однако решающего значения они не имели.

Подобный совет знати у балунда назывался «читен-там». Туда входили, в частности, главный сборщик налогов — «муатиа», верховный военачальник, верховный жрец — «хранитель королевских могил» и т. д. Совет этот, как и в других государствах южных саванн, играл важную роль в управлении. Одной из его обязанностей были выборы (четырьмя важнейшими его членами) нового правителя. Высший после ближайших родственников муата ямво слой знати балунда состоял из совета и глав пятнадцати деревень, расположенных вокруг резиденции верховного правителя и составлявший ядро государства.

Если у бакуба, как уже говорилось, совет знати не мог лишить власти ными и лишь в традиционной формуле присяги сохранились отголоски этого права, то у балунда эта явная зависимость верховного правителя от знати еще недавно была жива. Так, в середине прошлого столетия совет знати сверг Чакасекену и провел выборы нового муата ямво (см. выше — исторический очерк).

Система судопроизводства. Суд и право

одни из основных орудий защиты и охраны господства верхушки общества над основной массой населения. Государство Куба дает пример более развитой системы судебных органов, нежели Луба и Лунда. Ее характерная черта — многоступенчатость. В пределах каждой деревни суд вершили глава ее и совет старейших представителей крупнейших семей первопоселенцев, однако в их компетенции к концу XIX в. остались лишь незначительные внутренние дела. Так, в каждой провинции существовал суд «ибаанк», во главе которого стоял глава провинции (он сосредоточивал в своих руках как судебную, так и политическую власть). Недовольные решением суда деревни могли апеллировать к высшим судебным инстанциям — кикааму и самому ньими.

Должностные лица, связанные с судопроизводством, имели четко определенные и разграниченные функции [248, с. 143—147]. Один из них занимался разбором драк и непреднамеренных убийств; попытки убийства с помощью черной магии были компетенцией другого. Дела, связанные с наследством, рассматривал «ма-лоом», с торговлей — «макаан», с воровством — «ньи-бьеми»; отдельная группа знатных лиц разбирала случаи нанесения ударов и увечий. Если удары и раны были нанесены с помощью оружия, виновный предстал перед «ньибит» — главнокомандующим (в этом можно видеть зародыш военного трибунала), и наконец, более важные нарушения порядка рассматривали ки-каам и суд самого ньими: в ведении первого были дела, связанные с уплатой долгов, второй расследовал дела об умышленных убийствах, восстаниях против центральной власти и т. п. Суд ньими также был последней инстанцией, куда мог обратиться обвиняемый с апелляцией. Глава каждой ремесленной корпорации был высшим судьей для ремесленников.

Деление общества бакуба на социальные группы, постепенно вырастающие в классы, нашло отражение и в области судопроизводства. Здесь уже зарождались сословные суды. Так, многочисленные члены правящей династии подлежали суду особых должностных лиц. Один из них судил только наследников, другой — детей правящего ньими, еще двое — его жен. В ведении ньибит — командующего и начальника личной гвардии ньими были рабы и дети рабов ньими (рабы, принадлежавшие

«Ндоп» Ког а Мбул, ными
бакуба (дерево)

Лицо, пожелавшее восстановить справедливость, по его мнению нарушенную, обращалось к старейшине. В этот же день происходил суд. На деревенской площади собирались заинтересованные стороны с многочисленными родственниками, свидетелями и очевидцами. Здесь же толпились и просто любопытные. Практически при разборе дела присутствовало все население деревни. Сначала выступал истец, долго и красноречиво описывая нанесенную ему обиду. Затем суд выслушивал ответчика, излагавшего свою точку зрения на происшедшее.

прочим лицам, не могли выступать ни как истцы, ни как ответчики — ответственными за их проступки и преступления были их хозяева).

У балуба система судопроизводства в конце XIX в. была менее развита и в большей степени несла груз пережитков доклассовых отношений.

Основной судебной инстанцией оставался старейшина, который объединял в своих руках и политическую и юридическую власть. В округе или провинции суд вершили главы этих административных единиц. Верховным судьей государства был сам мулохве, в компетенцию которого входили дела, связанные с такими преступлениями, как неповиновение центральной власти, восстания, убийства высших сановников и г. п. Никаких иных должностных лиц, исполнявших судебные функции, у балуба не существовало.

Форма судебного разбирательства была одинаковой для всех инстанций, если дело не

было особо важным. Лицо, по-

После этого в обсуждении дела могли принять участие свидетели и защитники, обычно из числа родственников и друзей тяжущихся.

Весь ритуал был точно отработан веками. Суд проходил в спокойной обстановке, никогда не было шума, беспорядков [119, с. 807—809]. После выступления всех заинтересованных лиц члены совета, обсудив дело, выносили решение, которое немедленно же и выполнялось.

Суду старейшины, главы провинции и округа, наконец, суду мулохве в равной степени подлежали все ба-луба без различия их социального положения. Никаких разделений, на которых выросли впоследствии сословные суды, у балуба не существовало. Однако юридически равноправные члены общины на практике оказывались далеко не в равном положении. Перед началом судебного разбирательства обе стороны должны были подносить вождю своеобразные подарки; нередко это были съестные припасы — куры, рыба, корни маниоки и т. п. Практически приговор зависел от количества и качества таких подарков, а не от действительного существа дела. «Бедному человеку нельзя было надеяться на разрешение дела в свою пользу», — свидетельствовал П. Колль [119, с. 810]. Таким образом, в конце XIX в. и в суде балуба уже зарождался классовый подход.

С этой системой судопроизводства была весьма сходна та, что существовала в государстве Лунда. В резиденции муата ямво находился главный суд — «камба-дже уа-нембе». Свои суды были и в каждой отдельной провинции балунда — Казембе, Шинде и др. Мелкие дела рассматривались и решались в самих деревнях, главы которых выполняли и судебные функции, как это было и у других народностей региона. В крупных населенных пунктах, прежде всего в резиденциях правителей провинций, низшей судебной инстанцией были особые «уличные» судьи. Так, по сообщениям Гамитту, в столице Казембе на каждой улице был свой «мвине», в чьи обязанности входило обеспечение порядка на участке и разбор всех мелких дел. Вторая инстанция здесь — «мванастии», которому подчинялись все «мвине» резиденции казембе [141, с. 118].

Обычный приговор — требование немедленного возмещения убытков виновным в пользу потерпевшей стороны плюс уплата штрафа в пользу государства (инте-

ресно отметить, что у бакуба половина его уплачивалась кикааму, а вторая — ными).

Исторические предания рассказывают, что во время правления Шьяама было введено еще одно наказание — удары палками с нанесенными на них надрезами [242, с. 343]. Это свидетельство, однако, осталось единичным. Вероятно, такого рода наказания впоследствии были отменены, так как ни один автор работ о бакуба конца XIX — начала XX в. не упоминает о существовании телесных наказаний.

Более суровое наказание — заключение под стражу, обращение в рабство преступника и его семьи и, наконец, смертная казнь могли быть наложены только высшими судебными инстанциями за серьезные преступления — убийства, восстания, открытое неповиновение центральной власти, превышение власти лицами, занимавшими различные посты в административном аппарате. Суд («ибаам») собирался по приказу ными ночью в доме одного из высших сановников, под председательством которого и проходило заседание суда. Кроме председателя и самого ными в состав ибаам входили еще восемь сановников. В процедуре этого суда исключались выступления очевидцев и обвиняемого. Обычным его решением был смертный приговор.

Ни один наблюдатель конца XIX — начала XX в. не говорил о тюрьмах у бакуба. Человек, приговоренный к смертной казни, мог жить дома и пользоваться до поры свободой передвижения. К концу XIX столетия недалеко от столицы были устроены деревни, где под охраной жили приговоренные к смерти. Со дня суда до казни проходило немало времени, так как в отдаленном прошлом приведение приговора в исполнение откладывали до ближайшей церемонии похорон знатного лица, на могиле которого преступников приносили в жертву.

К середине нашего века уже существовала тюрьма («лабоонг»), которая находилась в резиденции кикаама [248, с. 112]. Однако даже в это время она была небольшая и использовалась лишь временно — заключенные находились в ней только до суда. Охрана узников, связанных лианами или прикованных за ногу, возлагалась на гвардию ными. Заключение в тюрьму на длительный срок как мера наказания не практиковалась.

В основе судопроизводства лежали нормы
обычного

права. Согласно им основной мерой наказания были штрафы, к смертной казни приговаривались лишь лица, виновные в преступлениях против государства или лично ными. Отрывочность записей обычного права бакуба не позволяет сравнить меры наказания для простых бакуба и знати.

У балуба и балунда такие записи есть. Разные меры наказания виновного (в прямой зависимости от его положения и положения в обществе пострадавшего) применялись, например, при разборах случаев ранений, нанесения травм и убийств. Так, если один мулуба выколол другому глаз, виновный был обязан заплатить штраф (часть которого шла вождю) — три козы или раба. Этот штраф увеличивался вдвое, если пострадавший занимал высокое положение в обществе.

Убийца приговаривался к смерти, а его семья была обязана уплатить семье убитого штраф — двух рабов или 30 (за мужчину) и 40 (за женщину) ожерелий из бисера. В случае убийства одного из членов семьи вождя всю семью казненного обращали в рабство, если же была убита одна из жен или наложниц вождя, рабство ждало мать и жену убийцы [119, с. 810].

Те же особенности мы видим и в обычном праве балунда. Например, за покушение на жизнь, честь, имущество и жен знатного человека полагалось наказание смертью или обращением в рабство. Если те же самые преступления были направлены против простого мулунда, виновник приговаривался к уплате штрафа [97, с. 175 и далее]. Самым серьезным преступлением почиталось неповиновение власти.

Наблюдатели отмечали, что судьи всегда оставались на страже интересов правящей верхушки. Гамитту писал, что «воля муата была законом; он принимал решения согласно своей воле и капризам. Все решалось согласно интересам, безопасности и удобству муата ямво. Действительно, положение таково, что человек, который вчера был прощен, сегодня может быть приговорен к смерти» [141, с. ИЗ].

В судопроизводстве наряду с проявлениями черт раннеклассовых отношений был еще очень велик груз отношений доклассовых. В частности, еще не стала господствующей нормой личная ответственность обвиняемого. Сохранялась круговая порука, и наказание нес не

только истинный виновник, но и его родственники по материнской линии. Они не только должны были выплачивать штрафы, выкупать из рабства сородича или сами разделять назначенную ему судом участь невольника: нередко они платились и жизнью. Так, известно, например, что был казнен брат человека, вступившего в связь с одной из жен муата ямво и бежавшего от наказания.

Неразвитость судопроизводства выражалась и в сохранении «божьего суда». Как судьи, занимавшиеся мелкими делами, так и суды в столице, и сами верховные правители государств рассматривались не как подлинные вершители справедливости, а лишь как простые исполнители воли предков. Именно последние считались истинными полномочными судьями, живые же лишь выполняли их решения, которые передавались через ордалии. Если не было свидетелей преступления или дело не могло проясниться, обвиняемый мог призвать в свидетели сверхъестественные силы. Он клялся в своей невиновности, проходя по шкуре леопарда. Бакуба верили, что лжец должен был немедленно умереть. Эта церемония у бакуба сохранялась до середины XX в. и имела особое название — «ндокл».

Хотя исполнение главой деревни обязанностей местного судьи, по существу, было не чем иным, как одной из функций старейшины доклассового общества, отношение к нему как к судье трансформировалось. Он выступал уже в качестве лица, занимавшего один из постов в государственном аппарате и, как таковой, получал вознаграждение за свою деятельность. Каждая сторона, участвовавшая в судебном процессе, должна была перед разбором дела уплатить определенную сумму в пользу судей; сторона, возбудившая дело, кроме того, обязана была дополнительно передать судьям еще некоторую сумму⁴. Таков был порядок во всех судебных инстанциях. Если учесть и обязательный штраф в пользу государства, станет ясно, что поиски справедливости в суде были делом недешевым и лица, более богатые и могущественные, скорее могли рассчитывать на поддержку закона и судей.

Во многих африканских государствах органом, приводящим приговор в исполнение, были тайные общества. Особенно ярко карательная функция таких обществ,

стоявших на страже интересов правящей верхушки, отразилась в деятельности союза «огбони» у йоруба и тайных обществ в государстве Буганда. К сожалению, недостаток материалов не позволяет нам подробно описать роль тайных обществ в государствах бассейна Конго. Хотя об их существовании упоминали многие наблюдатели [103; 107; 235], нередко они неверно оценивали место тайных союзов в системе общественных отношений. Типично, например, высказывание католического патера П. Колля о причинах существования тайных обществ балуба: «Желание участвовать в танцах, в общих возлияниях божествам, уверенность в возможности безнаказанно предаваться гнусным страстям, быть посвященным в изготовление талисманов и другие тайны, которыми каждое общество обладает, толкает наших негров вступать в эти братства» [119, с. 527].

Вступление в тайные общества неизбежно было связано с уплатой значительного взноса. Одно это уже делало их корпорацией состоятельных людей. Нередко главами тайных союзов были старейшины, главы округов и провинций. Они присваивали взносы рядовых членов и использовали тайные общества в своих интересах. Таким образом, этот институт, с одной стороны, обогащал верхушку общества, с другой — служил орудием укрепления ее власти.

Таким образом, противоречивость и двойственность общественного уклада, сложное переплетение новых раннеклассовых и старых родовых отношений сказались и в области судебной. На низших инстанциях в роли судьи выступал глава деревни; все общинники равным образом могли обращаться в суд; форма судебного разбирательства была проста и демократична; большое значение придавалось «божьему суду»; судья опирался на нормы обычного права при вынесении приговора; исполнителями его, возможно, были тайные общества — все это черты, свойственные судопроизводству доклассовых обществ.

Однако и на этой области социальных отношений отразилось усиливавшееся расслоение общества, а также социальное и имущественное неравенство.

У балуба и балунда это выразилось в неравном наказании за одинаковые проступки и преступления против рядового общинника или знатного лица, в зависи-

мости решения судей от количества полученных ими подарков.

Еще более ярко новые тенденции судопроизводства, отразившие деление общества на сословные группы, на возникшее социальное и имущественное неравенство, видны у бакуба. Здесь уже вырос целый аппарат должностных лиц, услуги которых оплачивались, обязательные судебные сборы поступали не на общие нужды, а в личную кассу кикаам и ными, зарождались и сословные суды. Так в судебном деле отразились набирающие силу раннеклассовые отношения.

Армия. Если правовой и идеологической основой власти верховных правителей и верхушки общества были система судопроизводства и вера в «священного царя-жреца», сакрализация власти, то реальной опорой, гарантом прочности государственной системы была военная сила, армия. Структура армии и способы ее формирования у бакуба, балуба и балунда ярко демонстрировали двойственный характер ее как института государственной власти.

Все наши источники свидетельствуют о том, что в этих государствах не было регулярного войска [119, с. 740—741; 231, с. 104—105]. В случае необходимости все взрослые мужчины становились воинами. Весть о созыве войска разносили глашатаи. В этой армии-ополчении не существовало никаких интендантских служб. Не было ни централизованного снабжения войск продовольствием, ни арсеналов. Как и на западе, в Конго, так и в других африканских государствах доколониального периода, воины бакуба, балуба и балунда снабжались за счет населения районов, по которым пролегал путь войска. Таким образом, армия сохраняла черты «самодействующей вооруженной организации населения» [8, с. 170], характерной для доклассовых обществ.

Материалов, указывающих на обучение воинов и характер войсковых подразделений у балуба и балунда, мы не имеем. Вероятно, мальчиков с детства учили владеть оружием. Внутренняя организация войска, по-видимому, как это было во всей Африке, повторяла административно-территориальную структуру государства: наиболее крупным подразделением ее было ополчение провинции во главе с ее правителем, более мелкие подразделения, вероятно, соответствовали округам, а в качестве

них командиров выступали главы этих округов. В самых мелких подразделениях, как и в деревнях, были сильны родственные отношения.

Номинально верховными главнокомандующими считались сами мулохве у балуба, муата ямво и главы независимых владений — у балунда, ньими,— у бакуба. Они, однако, лично не принимали участия в сражениях. Фактическими командирами были высшие сановники: «сен-га» у балуба, «свана мулопе» у балунда, «ньибит» у бакуба [88; 106, с. 153; 195, с. 147; 248, с. 139].

То, что нам известно об обучении молодежи военному делу и принципах формирования подразделений у бакуба, свидетельствует о значительно лучшей организации армии, чем у балуба и балунда.

Еще со времен Мбоонг а Леенг (середина XVII в.) регулярно проводилось обучение молодежи военному делу. Для этой цели использовался широко известный у всех африканских народов институт возрастных классов. Правда, ни у одного из изучаемых народов он не сохранился в своей более или менее полной форме, как это было, например, в Восточной Африке [26]. Но и у бакуба, балуба и балунда вся молодежь проходила через обряды инициации. Испытания, через которые проходили посвящаемые, включали подпиливание или выбивание зубов, рубцевание или татуировку, обрезание и дефлорацию и т. п. У балунда эти обряды над подростками совершались в возрасте 14—18 лет, как отмечал в конце XVIII столетия патер Пинто [72, с. 404]. Юноши и девушки балунда в конце прошлого века проходили те же испытания. И Ливингстон и другие европейские путешественники этого времени встречали балунда, зубы которых были подпилены до основания, на коже живота видны были вздувшиеся рубцы, расположенные в форме звезды, руки и спины покрыты татуировкой и т. п.

Одна из самых распространенных и обязательных идей при прохождении подобных обрядов — представление о том, что подросток как ребенок, т. е. неполноценный член общества, умирает, точнее, его поглощает, заглатывает дух-первопредок. Лишь после этой символической смерти он вновь рождается, но уже как взрослый, полноправный гражданин. В этой части церемонии перехода необычайно важна роль масок. Как правило,

для создания ощущения умирания и возрождения измученного физическими испытаниями посвящаемого подвергали еще и длительному посту. Такого рода обряды существовали и были описаны у многих народов мира, от Полинезии до Америки. В поэтической форме их описал, основываясь на обычаях североамериканских индейцев, Г. Лонгфелло:

На четвертый день до ночи Он
лежал в изнеможеньи На листе
в своем вигваме. В полусне над
ним роились Грезы, смутные
виденья; Вдалеке вода сверкала
Зыбким золотом, и плавно Все
кружилось и горело В пышном
зареве заката. И увидел он:
подходит В полусумраке
пурпурном В пышном зареве
заката Стройный юноша к
вигваму. Голова его — в
блестящих Развевающихся
перьях, Кудри — мягки,
золотисты, А наряд —
зелено-желтый.

([40, с. 53—54].

Когда подростки погружались в такое состояние легкости, необыденности существования, и появлялись маски — духи предков, леса или воды. Их роль нередко играли жрецы, а то и верховные правители (см. выше о духе Вото у бакуба). После завершения обряда инициации посвященные юноши сами танцевали в особых масках на празднике в свою честь. Вообще без ритма тамтама, без страстных плясок не обходился ни один праздник, ни одно торжественное событие. Танцами отмечали праздник новолуния, танцами встречали появление правителя, танцы были первым, что видели европейские путешественники, прибывая ко двору любого крупного или мелкого правителя. Описаниями их пестрят все дневники и записки прошлого столетия.

Но наиболее яркую картину темпераментных танцев балунда дал уже известный нам ангольский писатель Фернанду Монтейру ди Каштру Сороменью [25, с. 228—229].

Особое место занимали ритуальные танцы в масках. Для народов бассейна Конго характерны маски личины.

Сделанные из дерева, кожи или тыквы; украшенные раковинами, шерстью, перьями, волокнами растений, зубами животных; фантастически раскрашенные; дополненные особым головным убором и костюмом, нередко закрывавшим все тело танцора, они производили на зрителей незабываемое впечатление.

Выступления их были связаны с религиозными верованиями, с этическими, правовыми, эстетическими нормами, которые должны были поддерживаться тайными союзами или обществами. Такие маски, недоступные в обычное время для рядовых балунда, тщательно хранимые в особых хижинах, воплощали, в зависимости от обряда и вида маски, духов умерших или духов леса, воды, неба и т. п.

В бассейне Конго маски, изображающие духов или души умерших, имели вид человеческого лица, хотя были часто так стилизованы, что это лишь угадывалось. Нередко они были окрашены в белый цвет — это символ смерти, потустороннего мира у многих народов Африки.

У бакуба все молодые люди примерно одного возраста проходили инициации в столице государства. После этого они должны были один-два года (до следующей церемонии посвящения в мужчины) провести в столице под началом опытных военачальников [248, с. 139]. Этим достигались две цели. Во-первых, молодежь проходила курс армейского обучения. Во-вторых, в столице, средоточии государственной власти, создавались постоянные вооруженные отряды, могущие противостоять любым нападениям на резиденцию ными. В армии-ополчении бакуба отдельные подразделения состояли из воинов, одновременно прошедших инициации и вместе прослуживших в столице. Так государство использовало старый институт возрастных классов.

Более четко была разработана у бакуба и система командования. Существовала целая группа высших военачальников, сохранявших свои должности и в мирное время. Пять из них принадлежали ко двору ными. «Ньибит» стоял во главе всей армии (хотя, как уже говорилось, номинально главнокомандующим считался сам верховный правитель); «шеш» и «ийол» возглавляли правое и левое крыло; «ньибит идинг» командовал частями, в бою окружавшими и защищавшими ными, если тот сам участвовал в военном походе; наконец,

«ийол и нйибит» был командиром арьергарда. В его обязанности входило также физическое уничтожение дезертиров, если они отказывались вернуться на поле боя⁵.

Основное вооружение составляли луки со стрелами и копья. Это было одновременно и боевое и охотничье оружие, которое имел каждый взрослый мужчина. Луки у всех этих народов были простые. Железные наконечники стрел — разнообразной формы: овальной, сердцевидной или листовидной. Независимо от формы наконечника у всех их стержень покрывался со всех сторон зазубринами. Отравленные стрелы использовались только как охотничье оружие. Листовидный железный наконечник копья повторял форму наконечника стрелы.

Балуба и балунда, кроме того, уже с XVIII в. имели на вооружении кремневые ружья⁶. Применение ружей в армии бакуба относится, вероятно, лишь к рубежу XIX—XX вв. Ничего не известно о знакомстве бакуба с огнестрельным оружием до этого времени и о прямых связях с народами, от которых они могли бы его получить.

Бакуба, однако, были знакомы еще два вида оружия, не известные ни балуба, ни балунда. Это метательные ножи «шонго» и боевые обоюдоострые мечи: иландо и гориби⁷.

Трехлопастные метательные ножи когда-то были грозным оружием, наводившим страх на врагов. Однако бакуба давно перестали их употреблять, производство шонго прекратилось и к концу XIX в. не сохранилось ни одного образца. Форма их известна лишь по рисунку, сделанному Кот а Пе по просьбе Тордаи. Предания приписывают запрещение этого вида оружия легендарному Шьяаму, который при этом якобы руководствовался исключительно миролюбивыми намерениями. Скорее, однако, можно согласиться с объяснением, данным Тордаи. Он считал, что это запрещение связано с тем, что в лесах, окружавших государство Куба, метательные ножи как оружие дальнего боя потеряли свой эффект [231, с. 26]. Это объяснение ближе к истине, так как приписываемое Шьяаму миролюбие не мешало ему произвести большие территориальные захваты.

Хотя армии бакуба, балуба и балунда по методам формирования больше походили на народное ополчение,

сфера их применения указывает на использование армии верхушкой общества в своих интересах. Наряду с большими завоевательными походами в прошлом балохве (мн. ч. от мулохве), балуба и муата ямво у балунда силами той же армии-ополчения проводили и карательные экспедиции, подавляя непокорных вассалов. Еще ярче эти черты проявлялись в государстве Куба. Последнее, как известно, не проводило таких широких территориальных захватов, как Луба и Лунда. Не имело оно и достаточно сильных врагов, от которых приходилось бы защищать страну. Многочисленная постоянная армия, таким образом, не была нужна. Те войска, которые находились в столице, выполняли в основном политические функции. Эти их обязанности сохранились и позже, уже тогда, когда государство Куба вошло в бельгийскую колонию Конго.

Э. Тордаи рассказывал об экспедиции, отправленной в 1904 г. из столицы на подавление восставших бангенди [231, с. 158]. В 1925 г. такая же экспедиция (она носила название «кади») была отправлена в одну из деревень, вождь которой отказался платить дань центральному правительству [248, с. 169].

По мере развития раннеклассовых отношений начал складываться и аппарат принуждения, полностью оторванный от народа. Армия хотя и выполняла внутренние функции, но была все же слишком «народной» по своему характеру, и целиком полагаться на нее, видимо, было опасно.

В стране, где раннеклассовые отношения еще не оформились окончательно и большую роль продолжали

Табурет. Балуба (дерево)

играть родственные связи и обычное право, где власти ными противостояла власть совета знати, верховный правитель вынужден был опираться на людей, которые не имели опоры в стране, не входили ни в какие кровнородственные союзы, полностью зависели от милостей главы государства. Это было лично зависимое население.

Дружины, состоявшие из людей, находившихся в полной личной зависимости от хозяина, имели все богатые и знатные лица. Гвардию, несшую личную охрану, имели и мулохве и муата ямво. У балуба в эти дружины нередко входили и бедняки — свободные (бабан-зи), добровольно вступившие в услужение знати. Личная гвардия ными, состоявшая из лично зависимых, в основном иноплеменников, захваченных в плен или купленных, была основной ударной силой в войсках, она же чаще всего использовалась для подавления непокорных деревень. Ей же была поручена охрана дворца ными. Начальник этой гвардии (ныибита мошинда), сам состоявший в личной зависимости от ными, был одним из важных придворных сановников.

Помимо армии и гвардии поддержание порядка в государстве Куба было возложено на орган, который мы можем, пожалуй, назвать полицией. «Кол мат», выполнявший обязанности полицейского, был в каждой деревне и в каждой провинции государства Куба [248, с. 89]. Он являлся постоянным информатором главы деревни или провинции, держал его в курсе всех настроений масс. Иногда его использовали и для того, чтобы арестовать или убить непокорного, отказывавшегося от уплаты ежегодной дани. Выше, на уровне столицы государства, эти функции выполняли различные люди. Кол мат были и наблюдателями ными, их опорой, они, и только они могли обращаться непосредственно к самому главе государства, минуя иерархию придворных сановников. Их главной обязанностью было немедленно докладывать о любых случаях недовольства, отказа от уплаты дани, задержки ее каким-либо чиновником, незаконном ношении знаков отличия, об отказе выражать особые знаки почтения главе государства или его двору. Таким же преступлением считалось и неповиновение решению центрального суда.

Армия, рабская гвардия и полиция становились, та-

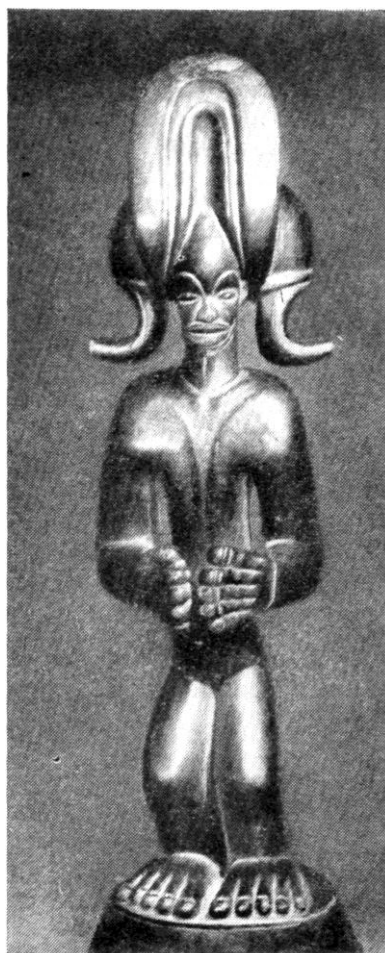
ким образом, орудием защиты интересов верхушки общества.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что складывавшийся государственный аппарат, хотя и не оформившийся еще окончательно, служил укреплению формирующихся феодальных отношений. Он обеспечивал бесперебойное взимание податей с населения, создавал верхушке общества наилучшие условия для присвоения части прибавочного продукта, производимого основной массой населения. Так как непосредственные производители были наделены землей и орудиями труда, необходимы были органы насилия. Ими и стал судебнополицейский аппарат.

Пережитки доклассовых отношений сохранились во многих сферах государственного управления. В частности, они заметны в нормах наследования власти.

Глава

государства сохранял мно-

Статуэтка предка. Чокве (дерево)

гие черты «царя-жреца», священной особы, тесно связанной с духами предков. Государственный аппарат включал в себя как низшие звенья глав крупных родственных объединений (бисака у балуба и илоонк у бакуба — см. ниже) и использовал такие институты, как возрастные классы и тайные общества. Судопроизводство и армия также несли груз пережитков первобытнообщинного строя.

Исходя из данной характеристики государственного управления, по-видимому, можно считать, что Лунда, Луба и Куба представляли собой одни из наименее развитых и наименее четко организованных государственных образований в доколониальной Африке. При этом государства Лунда и Луба, вероятно, стояли на еще более низкой ступени развития. Здесь не было резкого отделения ремесла от земледелия, не сложился и окончательно оторванный от народа аппарат насилия: армия и право еще сохраняли прочные следы доклассовых отношений, хотя сфера их применения была уже иной — они служили не народу, а правящей верхушке. Более четко было организовано государство Куба. Развитой государственный аппарат здесь складывался из замкнутой группы представителей знатных семейств. Не только армия, но и полиция стояла на страже интересов верхушки общества. Хотя дань продолжала сохранять форму традиционного подношения первинков, для ее сбора было организовано специальное фискальное ведомство.

Вероятно, Лунда, Луба и Куба являли собой последовательные стадии развития государства на самых первых этапах складывания раннеклассовых отношений в Центральной Африке.

Глава VII

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ КУБА, ЛУБА И ЛУНДА

Государственный аппарат был призван обеспечивать стабильность политических объединений, и прежде всего сохранять тот порядок, при котором верхушка общества могла использовать все выгоды своего положения. Как и в других государствах доколониальной Африки, здесь не сложилось еще замкнутых и четко определенных антагонистических классов. В обществах бакуба, балуба и балунда существовало несколько социальных групп.

У бакуба высшая социальная группа носила название «кум акан»; она включала в себя всех членов правящей династии, придворных, правителей провинций. За ними следовали многочисленные чиновники административного аппарата — «мун алашал». Низшие слои общества состояли из трех подгрупп. Основную массу составляли свободные общинники-земледельцы — «нгвоонт амоаангт». Вторую группу — лично зависимое население — «нгете» (в западной литературе утвердилось за ними название «рабы»). И наконец, отдельную своеобразную группу составляли ремесленники и лица других профессий (танцоры, музыканты и др.), обслуживающие двор ными¹.

В обществе балуба можно выделить следующие социальные группы: мулохве и лиц, связанных с ним кровным родством и общим происхождением от Калала Илунга, легендарного основателя государства Луба; сановников, глав округов и деревень (бафуму и било-ло); свободных общинников и вольноотпущенников; лично зависимого населения — «рабов».

Верхушка общества, включающая первые две социальные группы, занимала все административные должности в стране [119, с. 173, 821; 257, с. 178].

Подобные же группы наблюдатели выделяли и у ба-лунда. Высший слой знати составляли сам муата ямво, его приближенные и родственники (мваант); затем следовали главы крупных территориальных подразделений (икецы), имевшие при дворе муата ямво постоянных представителей (нтомб) ; главы округов и «владыки земель» (мваант а нгаанд). Низшие ступени общества занимали свободные балунда-общинники, покоренные народы и рабы [88, с. 814—815].

Особенностью формирования верхушки общества в Лунда являлось то, что члены ее были связаны узами кровного родства или свойства. В тех случаях, когда административные должности на местах занимали не непосредственные родственники муата ямво, а, например, представители местных покоренных племен, это значило, что последние через браки с членами семьи муата ямво вступили в эту привилегированную группу.

Верхушка общества. Во всех государствах этого региона существовала строгая иерархия административных должностей, от верховных правителей и их наместников в провинциях до глав округов, состоящих из нескольких деревень, и, наконец, глав деревень (старейшин).

Представители этой социальной группировки пользовались рядом привилегий. Одежда, способы передвижения, манера приветствия, полигамия, особая форма обращений к ним, право на торжественные похороны и т. д. и т. п. — все это резко выделяло верхушку общества из массы народа.

Наиболее резкий контраст в одежде был замечен у бакуба. Повседневная одежда мужчины представляла собой юбку до колен, сшитую из двух-трех кусков ткани, а женщины — один кусок ткани, обернутый вокруг бедер. В торжественных случаях бакуба носили одежду из материи, которую выделывали из луба, обрабатывая и размягчая его специальными деревянными колотушками. Женщины скрепляли пальмовыми волокнами множество маленьких треугольных, ромбовидных или прямоугольных кусочков луба, окрашенных в черный или коричневый цвета. Мужская же одежда делалась из

гладкого одноцветного куска луба, на котором специальным молоточком были выбиты узоры. Представители знати наматывали вокруг бедер длинный кусок лубяной материи темно-красного цвета, украшенный черными розетками и прямоугольниками [231, с. 180—181].

Одеяние ными отличалось своей красочностью и пышностью. Вот как описывал его уже известный нам Вольф: «Голова, прикрытая плетеной шляпой, была украшена воткнутыми в волосы перьями цапли и попугая, которые придерживались шпильками, искусно сделанными из латуни. Широкая (шириной в две ладони) красочная лента перекрещивалась на его груди с другой повязкой. Длинная (ниже колен) сборчатая юбка была соткана из волокон рафии и окрашена в красный цвет. Сборчатый передник на бедрах, сделанный из кожи буйвола (толщиной в большой палец) и украшенный цветными раковинами каури, придерживался крученым шнурком. Впереди на нем висел карман из шкуры дикой кошки, а справа — блестящий, кованный из латуни и инкрустированный медью кинжал. На руках и ногах надеты были браслеты — толстые медные кольца, а вокруг мощных голеней нанизанные на волокна раковины каури образовывали нечто вроде полусапожек. В правой руке глава бакуба нес скипетр — знак королевской власти — хвост буйвола, закрепленный на деревянной рукоятке, которая была украшена медью и раковинами каури. Лицо было раскрашено — вокруг глаз белые кресты, черные широкие полосы проходили по лбу, носу, вдоль верхней и нижней губ» [266, с. 236]. Подобное описание наряда ными дал и М. Хильтон-Симпсон [151, с. 192].

У балуба и балунда столь резкой разницы в одежде не наблюдалось. Отмечено лишь, что знать носила только тканые одежды (остальные могли носить и выделанные шкуры — кроме леопарда) и много украшений.

Ными обычно путешествовал, сидя в носилках, которые несли восемь крепких рабов. Непременным условием передвижения как ными, так и любого знатного лица было наличие свиты, многочисленность которой зависела от ранга. Так, ными сопровождало около тысячи воинов и слуг; его наместника в провинции Бан-гонго — лишь несколько человек. Столь пышной свиты не было у правителей балуба и балунда. Не было и

столь торжественного выхода на богато украшенных носилках. Нередко можно было видеть знатного мулуба путешествующим в скромном плетеном кресле [102, с. 291], а мулунда — даже просто на плечах раба².

В зависимости от положения, которое занимало в обществе то или иное лицо, разными были ритуалы приветствия. Л. Вольф оставил описания таких приветствий: рассказывая о первом посещении деревни баку-ба, он пишет, что глава ее «лег в знак покорности моему флагу и посыпал землей грудь» [266, с. 207]. В другом месте речь шла о встрече с воинами бакуба, ожидавшими прибытия ными: они втыкали в землю копья, опускались на оба колена и кончиками пальцев обеих рук касались земли, а затем груди [266, с. 234]. Затем при появлении самого ными весь народ падал на колени и оставался в таком положении все время, пока продолжалась беседа Л. Вольфа с главой государства [266, с. 235].

Подобное же разнообразие приветствий в зависимости от положения человека в обществе отмечал и Д. Ли-вингстон у балунда [39, с. 186]. Чем выше была ступень иерархической лестницы, на которой стоял знатный человек, тем большее высокомерие он проявлял. Э. Тор-даи так передал впечатление, которое производил наместник провинции, населенной бангонго: «Изамбула НГенга был королевской крови и не делал из этого секрета. Его важность и высокомерие ни с чем нельзя сравнить, разве лишь с высокомерием английского маркиза. Изамбула НГенга обращал на простой народ не больше внимания, чем на червяка на стене. Толпа не существовала для него, а все, кто рождался в его провинции, были для него сбродом. Я уверен, что он просто не замечал людей, приветствовавших его. Я совершенно убежден, что их голоса никогда не достигали его ушей. Сияние, сияние, маленькая звезда — вот что такое Изамбула НГенга. Он светил как бриллиант в небе; важный, расфранченный, он медленно шествовал по улице, длинные одежды небрежно свисали с его плеч. Когда он останавливался, то превращался в статую. Когда я задал ему несколько вопросов, он небрежно махнул рукой в сторону одного из своих приближенных. Разве эти люди не знают его? Зачем ему, Изамбуле НГенге, тратить силы на то, чтобы думать и отвечать? Разве недо-

статочно, что он живет и украшает мир своим присутствием?» [232, с. 81—82].

К привилегиям верхушки относилось и право полигамии. По существовавшим у этих народов обычаям жених должен был уплатить родственникам невесты выкуп, включающий в себя продукты питания, орудия труда, украшения и т. п. Таким образом, лишь состоятельные люди могли позволить себе иметь по несколько жен. Вместе с тем число жен, являвшееся само по себе показателем богатства, служило дополнительным источником обогащения, так как в земледельческих обществах Африки именно женщина была основным работником, и именно ее труд представлял собой источник как необходимых для пропитания семьи продуктов, так и излишков, создававших дополнительное богатство.

Показателен пример деревни Кьомбо у балуба. Глава этой деревни на рубеже веков имел 21 жену, спустя год — 28, знатные люди этой же деревни — по две-три жены, остальные — по одной [119, с. 293]. Представители знати имели целые гаремы, а у верховных правителей иногда было до сотни жен [231, с. 26; 257, с. 178].

На примере балуба можно проследить и социальный характер погребальных обрядов. Простых общинников хоронили в неглубоких могилах, куда складывали керамические горшки, медные кресты «ханда» и т. д. Подобные могильники были обнаружены при раскопках в районе Санга [191]. Похороны же знатного лица отличались необыкновенной пышностью и торжественностью. Во время церемонии погребения знати, особенно самого мулохве или его ближайших родственников и сановников, еще в середине прошлого столетия приносили в жертву рабов или преступников. Немалую роль в выборе жертв играла личная неприязнь и политический антагонизм. Во второй половине XIX в. эти жертвоприношения были уже отменены, но пышность и торжественность похорон осталась [111, с. 95 и далее]. Такая разница в погребениях отмечена и у балунда [235, с. 28].

Как уже говорилось, главы провинций и округов были связаны вассальными узами с верховными правителями (мулохве, ньими, муата ямво). Им приходилось нести военную службу, создавать военные отряды, следить за своевременным и точным выполнением всякого

рода повинностей, которые несли рядовые общинники (выплатой дани, трудовыми повинностями и отработками) [257, с. 79, 182, 197]. Нерадивое отношение к своим обязанностям, превышение власти, а тем более прямое неповиновение верховным правителям жестоко наказывались. В зависимости от тяжести преступления этих должностных лиц ждало смещение или смерть, а их родственников — продажа в рабство. Права их были, таким образом, условными.

Более четко оформилась эта группа у бакуба. Там обладание высшими постами стало уже привилегией замкнутой группировки — кровных родственников ньи-ми. Кум-акан сосредоточили в своих руках как политическую и фискальную власть, так и основные источники дохода. Так обстояло дело у бушонго. В других этнических группах, входивших в состав государства Куба, такие должности занимали представители местной знати. На низшие (главы небольших округов и отдельных деревень) юридически могли претендовать и лица незнатного происхождения, но на деле эти посты за значительное вознаграждение занимали представители богатых и влиятельных семейств [248, с. 126], которых затем утверждал ньи-ми. Когда Хэррей в одной из деревень бакуба спросил жителей, почему они выбрали главой именно этого человека, ему ответили: «Потому что он богат и знатен» [147, с. 176—177]. Кандидат должен был уплатить центральной власти 15 000 каури, а затем устроить девятидневный праздник для всех желавших в нем участвовать [231, с. 73]. Понятно, что это было не каждому под силу. К концу XIX в. некоторые должности уже начали передаваться по наследству [147, с. 175]. Постепенно несколько знатных семей забрали все «выборные» должности в свои руки.

У балуба же не сложилось замкнутой касты обладателей высших должностей. Наряду со знатым по происхождению главой провинции или округа мог стать и выходец из народа. Однако, для того чтобы добиться назначения на ту или иную должность (а бафуму назначал сам мулохве), необходимо было с помощью подарков (рабынь, слоновой кости, ружей, медных крестов «ханда» и т. п.) завоевать расположение главы государства. И здесь постепенно все важные посты сосре-

доточивались в руках состоятельных семейств. Должность отца или дяди по матери доставалась сыну или племяннику. Плата за нее была скорее символической, а на деле шло превращение должности в наследственную.

У балунда в касту обладателей высших должностей помимо собственно балунда входили и представители знати покоренных народов через реальные, а иногда символические матримониальные связи считавшиеся родственниками правящей династии муата ямво. И здесь, как у балуба, для утверждения права на власть, необходимо было отправлять подарки верховному правителю, чтобы получить от него официальное признание и символы власти.

Положение низших представителей этой социальной группы было двойственным. С одной стороны, глава деревни внешне выполнял функции старейшины доклассового общества. Формально сохранялся принцип выборности, права его ограничивались советом знати, а иногда и народным собранием. Он осуществлял управленческую и судебную власть внутри деревни, он же совершал культовые обряды. На деле же мог быть выбранным только состоятельный человек. С другой стороны, должность главы деревни давала дополнительные источники обогащения — присвоение части дани. Глава деревни становился уже не правителем в маленьком обществе равных, не защитником интересов общинников, а простым исполнителем приказов свыше, низшим звеном управленческого аппарата, частью государственной машины, простым сборщиком дани. В его компетенции оставались лишь мелкие дела (разводы, ссоры, мелкие кражи).

Доходы глав провинций, округов, деревень складывались прежде всего из дани. Насколько вырвалось вперед государство Куба, видно и по методам сбора дани. У балуба и балунда это сохранившееся надолго «полюдьё». У балуба сбором дани занимался сам мулохве с военными отрядами или лицо, его заменяющее [119, с. 774].

Еще и в конце прошлого столетия методы сбора дани практически не отличались от сложившихся в течение веков. Это было то же «полюдьё», из-за которого Кемерон довольно долго не мог встретиться с Касонго.

Во время отсутствия его заменяла главная жена. По свидетельству того же Кемерона, «народ обычно считает посещение своего сюзерена величайшим бедствием, которое только может обрушиться на них» [111, с. 53]. Во владениях балунда сбор дани проводился подобным же образом.

Напротив, в государстве Куба этот процесс был более организован и упорядочен через сложную систему управленческого аппарата. При дворе ньями существовало фискальное «ведомство» из трех сановников, в руки которых попадала вся собранная дань. Походы дружин ньями (сам он в них не участвовал) носили чисто карательный характер и совершались лишь в случаях систематического уклонения от выплаты дани.

К этому основному источнику доходов и богатства прибавлялись и некоторые другие. Прежде всего, немаловажную роль среди них играла монопольная внешняя торговля на слоновую кость и рабов (у балуба и балунда), латунь (у бакуба). Все караваны, проходившие через земли балунда, находились под постоянным контролем муата ямво. Торговцы обязаны были все поступления передавать непосредственно в Мусумбу, резиденцию верховного правителя. Такая практика сохранялась вплоть до конца XIX в. [38, с. 228].

Во второй половине XIX в. особенно оживилась торговля во внутренних областях Африки, и на землях балунда появилось много чужеземных торговцев — и анго-лезских помбейруш, и европейских путешественников, и арабо-суахилийских купцов. Значительную часть дохода стали приносить торговые пошлины и взимания своеобразных «таможенных сборов». Если Ласерда и Баптиста довольно свободно проникли во владения Казембе, то Ливингстону уже пришлось выплачивать такой налог: «Спустя долгое время после того, как мы через посыльных дали знать о себе главе поселения, нам было передано, что за разрешение на проезд через его страну ему в качестве уплаты нужно дать или раба, или бивень слона, или медные кольца, или дорогую раковину. Нам сказали, что без такого подарка никому не разрешалось не только проезжать, но даже увидеться лично с этим вождем» [38, с. 221]. Такую же мзду надо было платить, например, при переправе через реки [38, с. 222—234].

Немаловажную статью дохода составляли и рыночные сборы. На первый взгляд они были не столь велики. Но пример государства Куба показывает, что этот первый взгляд ошибочен. Так, посетитель рынка должен был уплатить три каури в пользу государства (читай — ньями). Если учесть, что на одном рынке Кабао за день бывала не одна тысяча человек [266, с. 252], станет ясно, что и эти сборы приносили немалый доход.

Наконец, еще один источник пополнения казны правителя — многочисленные штрафы и оплата истцом и ответчиком судебного разбирательства.

Поземельные отношения. Однако основным источником существования верхушки общества в государствах Куба, Луба и Лунда оставались присвоение прибавочного продукта через систему данни-чества (у покоренных народов) и взимание регулярных податей (у соплеменников). То и другое базировалось на поземельных отношениях.

Здесь, как и во всех доколониальных государствах Африки, господствовало коллективное землевладение. Подлинными хозяевами земель считались духи предков. Ныне живущие же якобы только пользовались ими с разрешения настоящих владельцев. Это разрешение община «получала» во время особых обрядов. К духам предков обращались перед земледельческими работами, охотой, началом большой рыбной ловли, добычей руд. Например, на медных разработках Шабы каждый год балуба обращались к духам предков с такими словами: «Вы открыли для ваших детей чрево гор, разрешите нам достать сокровища» [148, с. 382].

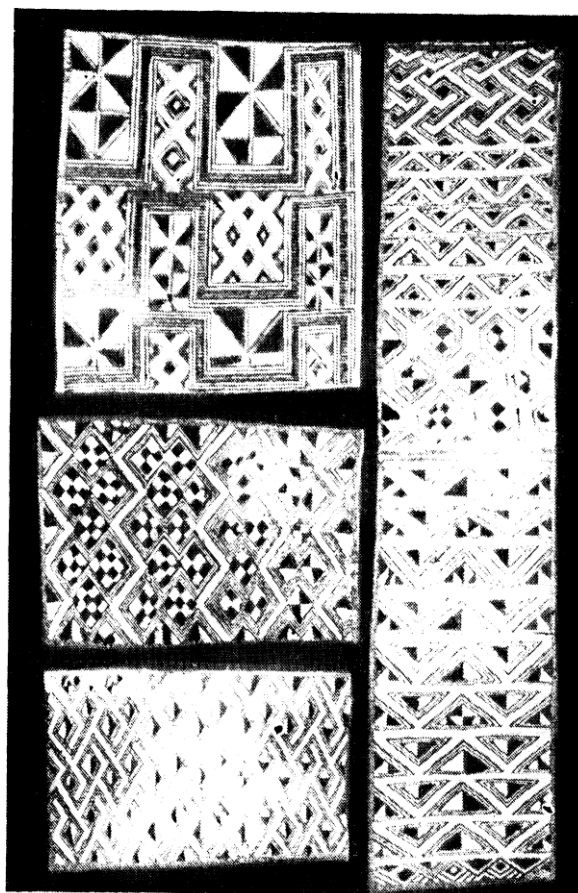
Однако на практике существовала целая иерархия прав на землю, строго соответствующая иерархии управленческих должностей. Верховными правами на землю обладали ньями, мулохве, муата ямво [97, с. 197—198; 147, с. 725; 247, с. 120; 257, с. 198]. Они могли даровать своим приближенным земельные владения, охотничьи угодья, солончаки, пальмовые рощи и т. п. Если вассалы, по мнению верховных правителей, управляли недостаточно хорошо своими владениями, последние могли быть отобраны и переданы другому лицу [156, с. 38; 195, с. 145—147].

В провинциях и округах контроль над землепользованием осуществляли главы провинции и округа, назна-

чаемые сверху. Проходил процесс фактического присвоения земель верховными правителями. Он далеко зашел у бакуба. Так, ными имел отдельные «дворцовые» земли, на которых создавались деревни невольников. Именно они удовлетворяли непосредственные потребности двора в сельскохозяйственных продуктах. Во второй половине XIX в. подобные же земли появлялись и вокруг резиденции муата ямво. Наконец, в пределах отдельной общины землепользование контролировал глава деревни, который обычно выбирался из старейших представителей знатного рода первопоселенцев. Он символизировал единство общины, связь с духами предков. Но если у бакуба глава деревни сосредоточивал в своих руках как политическую власть, так и право контролировать землепользование, то у некоторых групп балуба и у балунда на их «прародине» сохранялись два высших лица в деревне: одно осуществляло политическую и судебскую власть, второе — «мвине нтанда» (сама земля) — контроль над землей³. Последний являлся потомком первых поселенцев и, следовательно, был связан кровным родством с предками, подлинными хозяевами земли.

Такой «мвине нтанда» разрешал или запрещал переселенцам пользоваться землями деревни, следил за строгим соблюдением границ участков. Он улаживал споры, возникавшие по поводу использования пустошей, был организатором коллективных охот и, наконец, собирал дань со всех жителей деревни и передавал ее высшей власти.

«Владыка земель» нередко злоупотреблял своей властью. При новом разделе земли иногда лучшие и большие участки земель передавались им родственникам или приближенным. Он узурпировал право на коллективные земли деревни (участки саванн, леса и т. п.) и нередко распоряжался ими как своей собственностью. Согласно обычному праву, земельный участок после смерти его временного владельца (если урожай еще не был собран) автоматически переходил ближайшему родственнику покойного. Если «владыка земель» не состоял в родстве с последним, он не имел права вмешиваться в это «семейное дело». На практике, однако, нередко «владыка земель» присваивал его себе или передавал кому-либо из своих приближенных. Несомненно, имен-

Образцы тканей из пальмы-рафии. Бакуба

но «владыка земель» имелся в виду, когда Г. Малангро рассказывали о неоднократных случаях обмена земель: плодородных участков на речку, богатую рыбой, лесных угодий на рабов и т. п. [179, с. 246]. Безусловно, люди, совершавшие эти акции, не могли быть простыми общинниками. Ведь если поля хотя бы временно находились в пользовании отдельных домохозяйств, то леса и места ловли всегда оставались коллективными владе-

ниями деревни, и лишь ее глава мог взять на себя смелость распоряжаться ими.

Правители округов и деревень в конце прошлого века продавали колонизаторам земли как свои собственные. Проявлением этого процесса узурпации коллективного владения стало заявление одного из «владык земель»: «Эти земли — мои» [184, с. 118]. Наряду с обменом земель появилась и аренда. Вопрос о передаче прав на землю другому лицу или семье согласовывался с главой деревни и деревенской знатью, при этом доход (плата за аренду) делился между ними или (значительно реже) использовался на общие нужды [251, с. 18]. Таким образом, право коллективного пользования все чаще узурпировалось знатью.

Следует отметить, что принцип, согласно которому подлинными хозяевами земель считались предки перво-поселенцев, неукоснительно соблюдался даже при всех многочисленных завоеваниях. Так, например, завоевание земель балуба байеке во главе с Мсири не изменило социальной структуры балуба. Мсири и его воины влились в высший слой знати, получая свою долю прибавочного продукта от самого мулохве. Непосредственными правами на землю они не обладали.

Формальное противоречие между юридическими правами на землю местных народов и присвоением прибавочного продукта завоевавшими их балунда наблюдалось во всех далеко отстоявших от «прародины» балунда областях: Шинде, Казембе, Мусонкатанда и др. Так, даже в конце XIX в., как отметил Ливингстон, т. е. спустя почти 200 лет после завоевания, резиденция самого казембе стояла на земле некоего Перембе, потомка первых поселенцев. Остатки этих представлений сохранились до середины XX в., когда в Замбии, в районе Луа-пулы, владыками земель считались ауши, шила и другие, а не балунда [124, с. VII]. Здесь сохранялось сложившееся в течение веков завоеваний своеобразное двоевластие, напоминавшее двух глав деревни у балуба, с той разницей, что здесь в роли «владык земель» выступали представители местных народов, а в роли политических и военных правителей — завоеватели-балунда [124, с. VI].

Каждый «владыка земли» отвечал за плодородие земли и за рыбные богатства на территории, принадле-

жавшей его общине. Та же ответственность на всех землях Казембе возлагалась на самого казембе. Мы уже говорили о ежегодных обращениях к духам предков у балуба перед началом рудных работ. Подобные же церемонии, сопровождавшиеся принесением жертв духам предков (маниоковой каши, пива, зерна и т. п.), проводились у балунда ежегодно перед началом рыбной ловли и началом посева, а также в праздник первинок. Первая церемония сохранилась вплоть до середины нашего столетия; две другие практически перестали отмечаться, их проводила лишь небольшая группа бемба, жившая в районе Каньембо [127, с. 212—230].

Такого рода взаимоотношения между завоевателями и завоеванными — не редкость в Африке. В частности, согласно Д. У. Пореко, фульбе на Фута-Джаллоне стали лишь «временными пользователями земли», а «по праву и фактически» истинными владельцами ее оставались диалонке и другие народы плоскогорья [208, с. 77—79]. Все эти рассуждения справедливы, кроме, пожалуй, одного — следовало бы зачеркнуть слово «фактически», так как диалонке, подобно ауши и другим народам берегов Луапулы, оставались владельцами земель предков лишь юридически, а отнюдь не фактически. И прав С. Я. Козлов, называя эти выводы формально-юридическим подходом к вопросам собственности [31, с. 134]. К. Маркс неоднократно подчеркивал, что отношения собственности должно исследовать «не в их *юридическом* выражении, как *волевых отношений*, а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений*» [4, с. 26].

Если же подходить с реальных позиций к вопросам землевладения и землепользования в Африке, в частности в рассматриваемых нами государствах, мы увидим, что эти юридические формы лишь прикрывали постепенно складывавшуюся фактическую власть верхушки общества над землями бакуба, балуба и балунда.

С в о б о д н ы е о б щ и н н и к и. Основную массу населения в этих государствах составляли свободные общинники. Некоторые исследователи полагают, что род (клан), а внутри него большая семья были в конце XIX в. и по сей день продолжают оставаться важнейшей ячейкой общественной и хозяйственной жизни этих

народов. Таковы утверждения многих историков, в их числе Э. Тордаи, Я. Вансина, Э. Ферхюльпен, Д. Бау-манн и др. Действительно, в жизни бакуба, балуба и балунда сохранялось и даже продолжают сохраняться немало черт, характерных для доклассовых отношений.

В частности, действительно удастся обнаружить широкую группу родственных семей, которая, давно утратив экономическое единство, долго сохраняла отдельные черты родовой организации. У бакуба, например, большую роль играли объединения нескольких родственных семей, состоявших из представителей трех-четырёх поколений и имевших общее происхождение по женской линии. «Линьяж», как называют подобную группировку европейские исследователи, на языке бушонго носила название «икуун» («чрево»); ее ядро составляли мать с сыновьями [248, с. 65]. Каждый икуун имел своего главу — старшего мужчину (старший из братьев матери) или (при отсутствии братьев матери) старшую женщину семьи.

Члены икуун — братья с женами и детьми — живут раздельно, ведут отдельное хозяйство, однако сохраняют тесные связи между собой.

Хотя власть главы икуун давно стала формальной, сохранилась другая черта, объединяющая членов икуун, — наличие общей кассы. В конце XIX в. и ранее на эти средства выкупали родственников из рабства, покупали рабов и т. п. Эта форма семейной связи существует и ныне. Каждый член икуун должен около половины своих доходов передавать в общую кассу, содержимое которой предназначается для помощи нуждающимся родственникам [248, с. 65]. В наше время из нее выплачивают долги, обеспечивают лечение членов икуун и т. п.

Таким образом, группировка икуун сохраняет отдельные черты большой семьи (наличие старшего, общей кассы, взаимопомощь ее членов), но отсутствие совместного поселения отличает ее от семейной общины.

Существовала у бакуба и более широкая группа родственных семей, которая, утратив экономическое единство, сохраняла отдельные черты родовой организации. Это «илоонк» — объединение родственных семей, веду-

щих происхождение от общего предка. Внутри них сохранялся материнский счет родства и некоторые черты материнского права. Нередки были и уксорилокальные поселения; значительную роль играл дядя по матери. Элементы материнского права видны и в правилах наследования имущества. У бакуба преимущественное право имели родственники по женской линии: дяди со стороны матери и племянники — сыновья сестер. Дети же, согласно материнскому праву, считались членами чужого рода и совсем исключались из списка наследников. Только старший СЫР МОГ претендовать на наследство, да и тот занимал лишь десятое место в списке претендентов [231, с. 91—98; 248, с. 47].

Илоонк сохранял строгую экзогамию. В глазах бакуба были совершенно недопустимы браки между лицами, бывшими хоть в отдаленном родстве по материнской линии. Даже в наши дни запрещаются брачные союзы между родственниками шестого-седьмого колена [248, с. 28].

Когда-то запрещались браки между лицами, имевшими одно и то же «икина бари». На рубеже XIX—XX вв. такие браки были исключительно редки и рассматривались стариками бакуба как нечто недозволенное [231, с. 117]. Что же такое икина бари? Это запрет, иначе говоря, табу, на употребление в пищу мяса определенного животного или птицы, а также на использование в качестве одежды или украшения шкуры животного или перьев птицы своего икина бари. Несоблюдение табу вызывало, по верованиям бакуба того времени, болезни или даже смерть провинившегося. Наследование икина бари шло по отцовской линии; табу по матери соблюдалось, но не так строго и не всю жизнь, да и то только в одном поколении. Женщина, выходя замуж, получала икина бари своего мужа.

Ко времени посещения бакуба Э. Тордаи (1907—1909) этот обычай был почти совершенно забыт. Не существовало никакого культа животных, хотя изредка и проводились коллективные танцы всех, имевших одно икина бари.

Сейчас нельзя даже сказать с уверенностью, какой именно круг лиц объединяло икина бари. Нередко (но далеко не обязательно) это были жители одной деревни, но иногда в одном поселении жили представители

разных икина бари, а одно и то же икина бари встречалось в различных деревнях и даже этнических группах.

Э. Тордаи полагал, что не было никакой связи между таким табу и принадлежностью человека к определенной родственной группировке [231, с. 117]. Однако не видно ли в этом отмирающем обычае остатков родовых отношений? С течением веков распался древний род, исчезла его экономическая основа, ослабли родственные узы, исчез и культ животного-предка. Остались лишь традиционные запреты на охоту на это животное. Отправление культа табуированного животного — тотема рода со временем потеряло мистический смысл, а позднее этот обычай вообще исчез.

Сохранились лишь экзогамия да ряд остаточных явлений в родовых отношениях, таких, как сорорат (брак с сестрой умершей жены), обычаи избегания (подробнее см. ниже), «шуточное родство» и т. д.

Подобные обычаи сохранялись в течение долгого времени и у других народов Африки [47; 161].

В социальной жизни балуба также можно легко обнаружить пережиточные формы кровнородственных отношений. Несколько родственных семей, происходивших от одного общего предка, объединялись в «кисака». Внутри большинства их родство велось по матери, а особо важную роль играл ее брат. Именно он, а не отец, был ответствен за воспитание племянников — детей сестры, к нему же обращались за советом, за разрешением на женитьбу, именно он выплачивал выкупы за племянников и, если они совершали проступок, защищал их [119, с. 290—291]. Именно от брата матери, а не от отца, молодые люди получали в наследство и имущество и должности. Нередко дети вообще исключались из списка наследников отца или в лучшем случае стояли на самом последнем месте в этом списке [119, с. 785].

Внутри кисака браки между ее членами и самыми отдаленными родственниками по женской линии были запрещены. Однако брачный союз двоюродных брата и сестры по линии отца разрешался [119, с. 305].

Остатки родовых отношений, старых предубеждений к представителям чужого рода, вошедшим в семью, сохранились в интересных обычаях избегания родственни-

ков по свойству. Основные лица, на которых распространялся этот обычай у балуба,— молодой супруг и мать его жены. Зять относился к своей теще с подчеркнутым уважением, но, встретившись с ней, он должен был отвернуться. Так продолжалось до появления в молодой семье первенца. Но и после этого, хотя зять уже имел право приветствовать свою тещу при встрече, ему не разрешалось касаться ее руки, в то время как с отцом жены он здоровался за руку [257, с. 178].

Подобные кисака и илоонк объединения родственных по женской линии семей, существовали у балунда. Они носили название «чивуалика» [97, с. 158—159] — «те, кто вышли из одного лона». Нередко подобные группировки сохраняли общее имя [97, с. 159; 126, с. 4]. Как у бакуба, так и у балунда члены его были связаны отношениями взаимопомощи; представители таких чивуалика, живущие разбросанно и не часто встречавшиеся между собой, собирались и продолжают собираться в наши дни для отправления обрядов, как, например, похоронных [235, с. 28]. Ни у одного из изучаемых народов не сохранилось культов таких родственных группировок. Правда, каждый илоонк имел свою святыню (идола), культовый предмет из дерева или железа, который хранился у вождя, но никаких культовых праздников, связанных с ним, не проводилось.

Сообщение Л. Вольфа, первым из европейцев побывавшим в государстве Куба, о том, что ребенка бакуба хоронили на родине его матери [266, с. 243], может рассматриваться как свидетельство существования родовых кладбищ. Более поздних сообщений о подобных обычаях у какого-либо из изучаемых народов нет.

Как видно, родовые пережитки у этих народов были довольно многочисленны, но ни родовых кладбищ, ни общей родовой собственности, ни коллективных работ, ни родовых культовых праздников не сохранилось. Кровная месть и круговая порука, защита и помощь родственников хотя еще и существует здесь, но перешли, как мы увидим ниже, к более узким родственным группировкам. Трудно согласиться с теми авторами, которые утверждают, что у бакуба, балуба и балунда в период европейской колонизации Африки и даже в наши дни родовая организация представляет собой ос-

нову общественных отношений. На самом же Деле она начала распадаться еще в XVI—XVII вв., когда складывались и развивались государственные образования в Центральной Африке. Это признают и некоторые западные авторы, предпочитающие вместо общераспространенного термина «клан» употреблять определение «группа родственных семей» [231, с. 91—98; 248, с. 47].

В повседневной жизни этих народов можно заметить свидетельства борьбы материнского и отцовского права. Их дают многие материалы конца XIX—XX в. Господствующей формой поселения давно стало вирило-кальное. Икина бари у бакуба, как мы видели, наследовалось уже от отца, хотя временно и имело силу икина бари матери. Женщина же, выйдя замуж, уже принимала икина бари своего мужа. Эта же борьба нашла отражение еще в одном обычае бакуба: при рождении ребенку давали два имени, причем одно из них давалось родственниками по матери, а другое — по отцу; когда ребенок вырастал, он сам выбирал себе одно из них [66, с. 243]. В списке родственников, имевших право на наследство, уже появились лица, совершенно недопустимые для материнского рода, — отец, сын, дядя и другие родственники со стороны отца. Участились попытки отца установить в семье неограниченную власть: у балуба появились случаи продажи в рабство дочерей и даже жен, формально принадлежавших к иному роду, нежели отец.

Обычай сорората, отмеченный у балуба, тоже характерен для патриархальных отношений. Постепенно то значительное место, которое занимал в жизни семьи брат матери, стал занимать отец. Возможно, одним из объяснений браков правителей с сестрами является, как уже говорилось,⁴ стремление примирить материнское и отцовское право⁴.

Сообщения о народах бассейна Конго, на наш взгляд, достаточно убедительно свидетельствуют о несостоятельности утверждений о чрезвычайной архаичности материнского права, свойственного якобы только первобытному обществу. Мы видим, что здесь при сохранении материнского права (хотя в борьбе с отцовским) стал возможен процесс складывания государственности.

Многие наблюдатели и ученые, изучавшие быт и историю народов бассейна Конго, утверждали, что у ба-куба, балуба и балунда существовали, и даже кое-где сохранились до наших дней, большие семьи. Так, наиболее авторитетный исследователь бакуба Я. Вансина выделял малую, или первичную, семью (*nucléaire*), в которую входили лишь муж и жены с маленькими детьми, и большую семью (*grand*), включавшую и родителей супругов [248, с. 47].

У балуба Э. Ферхюльпен рядом с семьей в узком смысле слова (мать, отец, дети) отмечал наличие семьи в широком смысле слова (*famille étendu*), включавшей несколько семей, ведущих происхождение от общего предка. В такую семью входили братья, сестры, их дети и внуки, кроме того, «чужаки, которые вошли в семью в силу свойства (братья, сестры и родители жены), контракта (клиенты) или силы (рабы)» [257, с. 177].

К. Бро подобного же типа ступени видел у балунда: «семья в узком смысле» — отец, мать, дети и «семья в широком смысле», которая, как и у балуба, помимо кровных родственников включала в себя и «свана» — людей, вошедших в семью взамен убитого ее члена, потомков «рабов» и кабальных должников [97, с. 158].

Но и сами авторы отмечают, что эти определения в достаточной степени условны. Так, Я. Вансина предполагал, что единственной формой связи малой семьи со старшим поколением являлось воспитание бабушкой внуков, да и то это не было обязательным правилом. Эту ячейку, безусловно, нельзя считать большой семьей в научном понимании этого слова. Более внимательное рассмотрение взаимоотношений членов этих группировок убеждает нас, что, по-видимому, у бакуба, балуба и балунда уже в XIX в. не существовало такого рода «больших семей», которые отмечены советскими исследователями у других народов Африки [31; 32; 36; 60 и др.].

Эти объединения не представляли собой единого целого. Ни у одного народа, в частности, не было совместных поселений родственных малых семей, а также нет никаких сведений о коллективной собственности, коллективном труде или коллективных трапезах. Со-

хранилось лишь чувство родства, близости и как следствие право и обязанность взаимопомощи близких родственников. Однако отсутствие, как уже говорилось, общих поселений и жизни одной семьей отличает, например, группировку семей братьев от семейной общины.

Основной ячейкой общества была «малая семья», в которой сохранялась определенная экономическая и социальная свобода женщин. В отличие от глав патриархальных семей у большинства народов Африки здесь ни муж, ни отец не обладали неограниченной властью в семье. Женщины бакуба, балуба и балунда имели собственные орудия труда, посуду, украшения. Замужняя женщина иногда жила даже самостоятельно, экономически не завися от мужа. Это заметил еще П. Колль: «Муж не продаст свою свободную жену, не избежав мести со стороны оскорбленной семьи» (родителей жены.— *Авт.*) [119, с. 342].

При разводе родители такой женщины обязаны были вернуть выкуп, заплаченный когда-то ее бывшим мужем [119, с. 290—291; 152, с. 382]. Если женщина вновь выходила замуж, выкуп возвращал ее новый муж. Однако, если причиной развода была неверность мужа, он не получал выкупа. Такую легкость развода не смогла преодолеть даже католическая церковь [248, с. 42].

Семья, таким образом, сохраняла в какой-то мере признаки парной. Хотя она могла быть довольно многочисленной, тем не менее по сути своей она оставалась «малой семьей», состоявшей лишь из супружеской пары (или мужа и нескольких жен) и маленьких детей. Она являлась отдельной (и основной) хозяйственной единицей.

Женатые сыновья всех трех народов, образуя новую семью, новый очаг, строили отдельные хижины, где вели собственное хозяйство, совершенно независимое от хозяйства родителей. Холостяки, вдовцы, разведенные супруги жили совершенно самостоятельно, не входя ни в одну семью [248, с. 48].

Все сельскохозяйственные работы проводились силами такой отдельной малой семьи. Иногда использовался труд лично зависимого населения (см. ниже). Нередко на поле работал и жених, отрабатывая установленный обычаем выкуп за невесту.

У всех трех народов, как у большинства народов Африки, господствовал захватный способ освоения земель. Особенно ярко проявлялся он у балуба и балунда. Сам земледелец, а не деревенский коллектив, выбирал себе участок, определял его размеры, продолжительность использования, а также ассортимент сельскохозяйственных культур. При низком уровне развития сельскохозяйственной техники и наличии значительного количества свободных земель не могли сложиться ни передельная система земледелия, ни принудительный севооборот, так хорошо знакомый нам по русской общине. В процессе производства у балуба, бакуба и балунда семьи, населявшие деревню, сохраняли полную самостоятельность.

Эта полная хозяйственная самостоятельность семьи и была причиной того, что деревни бакуба, балуба и балунда рассматривались как простая совокупность разрозненных семей, не имевшая внутренних связей. Типично, например, высказывание В. Бартон о деревнях балуба [106, с. 150]. Однако еще М. М. Ковалевский показал, что передельная система устанавливается на сравнительно позднем этапе развития сельской общины и при освоении практически всех земельных угодий. На ранних же этапах общинный характер землевладения проявляется прежде всего в запрещении захвата земель чужаками — нечленами общины [30, с. 5—7, 81]. Уроженец общины мог в любое время и в любом месте расчистить свободный участок, обрабатывать его. Земельные права его можно определить как владельческие; такой участок, как правило, передавался по наследству. Чужак же имел право занять участок лишь на правах пользования и только с разрешения главы деревни [179, с. 114—115].

Более строго это правило соблюдалось на землях бакуба, которые расселены были довольно компактно и тесно по сравнению с балуба и балунда. Но даже во владениях балунда, где, как подчеркивают все наблюдатели, в конце XIX в. свободных земель было значительно больше, действовали те же самые законы. Во владениях Казембе, например, новую деревню можно было основать только с разрешения властей [126, с. 8].

Ограничение деревенским коллективом свободы заи-

мок, производимых отдельными семьями,— характерная черта общинного землевладения у этих народов.

Границы каждой деревенской общины были строго определены [119, с. 770; 190, с. 69; 231, с. 906]. Во владении деревенского коллектива, как уже говорилось, были пустоши, охотничьи угодья, болота и реки, а иногда рудники и соляные копи. Отдельные участки леса могли принадлежать той или иной деревне. В то же время большие лесные массивы рассматривались как владение нескольких близлежащих общин. Здесь разрешалось охотиться, собирать плоды, но запрещена была вырубка и расчистка полей.

Деревня в целом сохраняла и право на участки, оставленные под залежь. Никаким формам отчуждения земли не подлежали, если только сами жители не покидали их.

Община выступала как единое целое не только в отношении к земле. Так, если во владениях ее было убито крупное животное, оно принадлежало всем жителям деревни. Члены деревенской общины были связаны круговой порукой. Кроме того, в их обязанность входило оказание помощи друг другу (выкуп из рабства, уплата долгов и т. п.). Средства, предназначенные на общие нужды, отчислялись из дани, уплачиваемой каждой семьей деревни (так, у балуба, например, каждая десятая корзина рыбы) [190, с. 71]. На эти скудные средства, в частности, содержались одинокие старики.

Родовая община у этих народов распалась, по-видимому, задолго до конца XIX в. В одном поселении могли жить члены разных илоонк, бисака и чивуалика [104, с. 149; 106, с. 769; 248, с. 91—92]. Нередко рядом с коренными жителями строили себе хижины и переселенцы; иногда в деревню вливались целые группы чужаков [119, с. 43]. Более того, во владениях балунда (за пределами их «прародин» на Касаи) можно было встретить деревни, где жили представители даже разных этнических общностей. В родовой общине, как известно, чужаки становились полноправными членами лишь после символического усыновления и принятия в члены рода. У бакуба, балуба и балунда этого не требовалось, достаточно было разрешения деревенских властей.

В таких деревнях рядом с семьями свободных жили

и вольноотпущенники и потомки рабов, которые пользовались равными правами с другими односельчанами, хотя не были связаны с ними кровным родством и даже принадлежали к иным этническим общностям.

Таким образом, здесь имеет место община соседская, т. е. социальное объединение людей, не связанных кровным родством [3, с. 418]. Она вполне соответствует определению «земледельческая община»: сохраняется право владения обрабатываемой землей, а пользование ею переходит уже к отдельным домохо-зяйствам.

Хотя общинники сохраняли личную свободу, процесс постепенного закабаления общины уже начался. С одной стороны, это выражалось в неравном положении по отношению к земле рядовых общинников и вождей. С другой — каждая община выступала и как податная единица. В виде платы за пользование землями, принадлежавшими общине, рядовые члены ее обязаны были выполнять определенные повинности. Одна из них — трудовые отработки: строительство жилища для должностных лиц разных рангов; возведение укреплений; участие в больших охотах; сопровождение знатных лиц в путешествиях [119, с. 936; 156, с. 39; 257, с. 194]. Кроме того, на деревню возлагалась обязанность поддерживать в хорошем состоянии дороги [104, с. 328]. Отработки не включали в себя сельскохозяйственных работ и носили хотя и обязательный, но нерегулярный характер. Они еще не были упорядочены, как в других африканских государствах, например в Западном Судане [33, с. 45; 36, с. 63; 60, с. 111].

Другая обязанность общинников — уплата дани. Последняя, уже став регулярной и обязательной, приближалась к натуральной ренте. Такая дань (миламбо у балуба и илаам у бакуба) состояла в основном из продуктов земледелия (маиса, маниоки, муки, фасоли, пальмового масла и вина, арахиса), собирательства, рыбной ловли и охоты. При этом вся слоновая кость, шкуры леопарда и перья орла обязательно подносились знатному лицу [247, с. 945]. Дичь можно было заменить мясом голубей или домашней живности (кур, коз, свиней). Точных размеров дани еще не существовало, но шел постепенный процесс установления определенного соотношения имеющихся продуктов и дани. Так, из десяти

корзин рыбы рыбак оставлял себе только четыре. Остальные шесть распределялись следующим образом (это распределение проводилось главой деревни): одна корзина предназначалась для стариков деревни; три отдавались главе деревни и его родственникам; и, наконец, две последние шли в уплату дани высшей власти. Если же рыбак сам принадлежал к кругу родственников главы, он оставлял себе семь корзин из десяти [190, с. 71]. Ремесленники платили дань изделиями своего труда (тканями, горшками, браслетами и т. п.) [247, с. 925]. В районах, богатых залежами меди и железа, в пользу главы деревни, в зависимости от размеров добычи, отдавалась одна или несколько корзин руды [148, с. 350].

В XIX в., когда на территорию государства Луба совершались частые набеги с целью захвата «рабов», рядовой воин имел право сохранить для себя одного пленника из трех или двух из четырех. Остальных глава отряда передавал главе округа, тоже оставляя себе немалое число «рабов» [119, с. 824].

Размер дани был четко определен в зависимости от семейного положения члена общины, как это было у балунда. Наибольшую тяжесть несли холостяки, что же касается женатых балунда, то чем больше они имели детей и племянников [97, с. 197—198], тем меньше они платили.

Размеры дани также зависели от местонахождения деревни. Так, в Лунда, например, деревни, расположенные в непосредственной близости от Мусумбы, платили дань дважды в год, тогда как отдаленные — один раз. Пограничным же деревням нередко приходилось платить дань и одному и другому главе «княжеств».

Прикрепления к земле здесь еще не знали. Так, если кому-нибудь жизнь во владениях «своего» вождя не нравилась, он мог переселиться в другой округ или провинцию [119, с. 43]. На новых землях эти переселенцы (иногда целые деревни) несли трудовую повинность и платили подати, так же как и коренное население. Но они «теряли все права, принадлежавшие им по рождению» [106, с. 150—152]. Припущенники стояли вне деревенской общины, которая их приютила, не участвовали в обсуждении ее дел, не занимали видного положения, не избирались сами и не имели права участвовать в выборах. В. Бартон определял их как крепостных

Казембе

(serves) [106, с. 152]. Однако о подлинном закрепощении, по нашему мнению, говорить еще нельзя. Скорее, это напоминало положение греческих метеков. Такие крестьяне, бежавшие от произвола своего феодала, хотя и не утрачивали личной свободы, но попадали в значительно большую экономическую и правовую зависимость.

Ремесленники. Разная степень социального развития в государствах Куба, Луба и Лунда видна и в особенностях положения ремесленников, которые удается проследить по нашим источникам. Как уже говорилось, у бакуба процесс отделения ремесла от земледелия зашел значительно дальше, нежели у двух других народов. Правда, и у бакуба не сложилось особых ремесленных каст, как, например, в странах Западного Судана, но этот процесс уже начинался: здесь уже выделялась группа населения, ставшая отдельной социальной группировкой,— это ремесленники, живущие в Му-шенге, резиденции ными. При дворе работал громадный штат кузнецов, ткачей, резчиков по дереву и т. п. Достаточно сказать, что в столице насчитывалось 17 корпораций ремесленников и лиц свободных профессий: танцоров, певцов, музыкантов и т. д.

Ремесленные корпорации представляли собой замкнутые группы, где ремесло передавалось по наследству, а главы их были в то же время главами ведущих родственных союзов. В структуре ремесленных корпораций сохранялся кровнородственный принцип.

Однако и у бакуба характер ремесленного производства остается неясным до конца. Известно лишь, что оно было индивидуальным и ни мастерских, ни разделения операций не существовало. Единственное упоминание в наших источниках о наличии у бакуба *louages de service*, под которым, вероятно, подразумевалась работа на заказ, дало основание некоторым исследователям говорить о существовании «аренды услуг» и серийного производства [251, с. 17]. Учитывая характер труда ремесленников столицы, можно согласиться с подобным утверждением. Совершенно ясно, что такая работа, как, например, изготовление деревянной скульптуры умершего ными, могла быть только работой на заказ.

Многое, в частности степень личной зависимости ремесленников от верхушки общества, остается неясным.

Несомненно, однако, что ремесленники образовывали в обществе бакуба самостоятельную социальную группу. Это подчеркивает и то обстоятельство, что каждая корпорация имела постоянных представителей при дворе ными. Обособленность союзов ремесленников от остального населения столицы выражалась и в том, что они имели собственный суд.

У балуба, хотя и существовала специализация по районам, внутри деревенских обществ резкого разделения земледельцев и ремесленников не было. По положению и своей внутренней структуре поселки ремесленников не отличались от тех деревень, жители которых занимались исключительно земледелием. Известно, однако, о корпорациях ремесленников (бванга) у жителей металлургических районов Катанги [148, с. 370—400]. Такие союзы объединяли целые деревенские общины. Существовала и тесная связь бванга с культом предков. Однако такие корпорации занимались добычей и обработкой металла лишь в сезон, когда заканчивались основные сельскохозяйственные работы. Четкого отделения ремесла от земледелия еще не было. Члены бванга выполняли по отношению к главе корпорации и высшим должностным лицам в государстве те же повинности, что и простые земледельцы: участвовали в отработках и платили дань.

Наконец, у балунда не существовало даже таких зачаточных организаций ремесленников. Как говорилось выше, здесь каждый земледелец выполнял необходимые ремесленные работы, но уровень исполнения их был значительно ниже, нежели у бакуба и балуба.

К л и е н т е л а . Свободные общинники — земледельцы и ремесленники — нередко, чтобы избежать нужды, сознательно шли в услужение к более влиятельным членам общества и попадали в зависимость от них. В условиях непрочности централизованной государственной власти отдельным лицам, а иногда и группам населения необходимо было иметь покровительство со стороны людей могущественных, обладавших властью, силой, прочным положением в обществе. Сравнительно больше нам известно о развитии такого института, как клиентела, у балуба. Человек, ставший клиентом знатного лица, порывал связи со своей семьей. Он считался теперь членом семьи своего хозяина и, как другие ее

члены, принадлежавшие к ней по рождению, МОГ участвовать в ее социальной и религиозной жизни [156, с. 48]. Такой человек пользовался покровительством своего патрона, и никто не осмеливался посягнуть на его личность и имущество. Питался он за счет хозяина вместе с членами его семьи [119, с. 338].

Обязанности клиентов (бабанзи) скорее напоминали обязанности дружинников. За обеспеченную жизнь у хозяина они теряли право на официальное главенство в общине [156, с. 49]. Но бабанзи не представляли собой однородной среды. Среди них тоже были довольно влиятельные лица, составлявшие ближайшее окружение знатного покровителя. П. Колль встречал двух таких влиятельных бабанзи. Один из них, киханза, замещал самого хозяина в его отсутствие. Другой, билье, был посредником между простым народом и знатным лицом и хранил «подарки» — традиционные подношения знати [119, с. 173]. С ростом клиентелы основная масса бабанзи начинала использоваться уже как рабочая сила в сельском хозяйстве и при строительстве жилищ [119, с. 338].

Клиентела, подобная той, что существовала у балуба, известна и у других африканских народов. Так, С. Я-Козлов отмечал, что этот институт был довольно распространен у фульбе Фута-Джаллона. Там, однако, покровительства искали прежде всего лица, не связанные прочными (родственными или экономическими) узами со сложившимися коллективами: торговцы, ремесленники, представители свободных профессий — учителя, толкователи законов, мусульманские ученые и т. п. [31, с. 111].

Иначе дело обстояло у балуба. Часто клиентами становились лица, не потерявшие связь со своими родичами, а полноправные члены своей кисака. Однако защиты родственной группировки и семьи оказывалось явно недостаточно, и в борьбе между кровнородственными и новыми отношениями, основанными на существовании различных социальных категорий населения, вторые явно побеждали.

Отметим, что взаимные обязанности патрона и клиента как у фульбе, так и у балуба постепенно превращались в наследственные. Несомненно, это была одна из зачаточных форм личной зависимости.

Лично зависимое население. В государствах Куба, Луба и Лунда, как в Конго и в других государствах доколониальной Африки, наблюдалось значительное число людей, потерявших по тем или иным причинам свободу и попавших в личную зависимость. В литературе на протяжении многих лет изучения социальной истории традиционных доколониальных обществ Африки для них утвердилось определение «рабы». Так их называют все западные авторы. Однако мы можем употреблять этот термин лишь условно. Анализ статуса, прав и методов эксплуатации такого лично зависимого населения довольно убедительно показывает, что оно весьма отличается от рабов. Некоторые советские авторы называют эту категорию непосредственных производителей «сервильным населением». Мы сохраним привычный термин «раб», но еще раз подчеркиваем, что он условен.

Несвободное население бакуба, которого было сравнительно немного, называлось «нгете», а так как основная масса «рабов» по этнической принадлежности была балуба, то само слово «мулуба» стало у них синонимом «нгете», подобно тому как в западноевропейских языках этнонимом «славянин» стали называть раба: склавин, эсклав, склаве.

Всю относительность применения к лично зависимому населению термина «рабы» показывает и лингвистический материал. Особенно это видно на примере балуба, где существуют многочисленные термины для определения людей, утративших свободу; термины, подчеркивающие и разнообразие категорий и разницу в их положении, объединены европейскими исследователями в одну группу «рабов».

Основной термин, бытовавший у всех групп балуба, — «мупика», или «мупика». Он происходит от глагола «купика» — «покупать». У балуба, живущих на территориях Камина, Киндо, Конголо, это единственное название несвободного человека. Для них мупика — прежде всего предмет купли-продажи, а отнюдь не объект эксплуатации (сравните этимологию русского «раб» — «работа», «работать» или «серв» от «серво» — «служу»).

Балуба-шанкади называли рабов «мусунги». Колониальный чиновник, записавший этот термин, придал ему значение «раб войны», зная, что у балуба в конце

прошлого столетия источником получения рабов были вооруженные набеги на соседей [156, с. 61]. Однако само слово — производное от корня «сунг» — «покупать».

У балуба-хемба мужчину-раба чаще всего называли «мупика музумба». Ионг считает этот термин производным от слова «кузумба», которое, по его мнению, также значит «покупать» [156, с. 61]. Однако проживший около 12 лет среди балуба, П. Колль отмечал, что название «музумба» носили военные экспедиции, имевшие своей единственной целью захват пленных [119, с. 834]. Скорее всего мупика музумба — раб (т. е. человек, предназначенный для продажи), захваченный в результате музумба.

Раб, переданный семье убитого семьей убийцы, носил название «киамкубика» — производное от глагола «кубика» (возмещать). Наконец, совершенно отличное от прочих названий носили рабы знати — «нагүлү».

У балуба территории Мванза существовал целый ряд терминов для обозначения несвободного населения. Прежде всего это военнопленные — «мупика ва булуи» (от глагола «кулуа» — «вести войну, сражаться»). Затем следует группа терминов, обозначающих лиц, отданных в рабство за преступление (свое или близкого родственника — сына, племянника, брата, мужа, отца). Это «мупика ва бузунга» — раб, полученный в возмещение убытков, понесенных в результате воровства; «мупика ва лизу» (раб глаза) — человек, ставший рабом того, кому он выколол глаз; «мупика ва мфа» — раб, которого семья убийцы передала семье убитого, искупая вину; «мупика ва кумусомпо ва мукаджи» — обращенный в рабство пленник, член враждебного клана (вероятнее всего, здесь имеет место кровная месть). Раб, доставшийся по наследству, назывался «мупика вази ле мва-нету»; женщины-рабыни обозначались просто «мукаджи мупика» — «женщина-раб, рабыня».

Наиболее бесправны были купленные «рабы». У ба-куба, слабо вовлеченных в европейскую, а затем арабскую работорговлю, набеги с целью захвата «рабов» почти не практиковались.

Другая группа — сами бакуба, по разным причинам лишенные свободы. Однако наказание обращением в рабство за различные преступления было нечастым. По обычаям бушонго, «рабом» мог быть лишь чужеземец,

поэтому преступника, обращенного в рабство, продавали за пределы государства Куба [231, с. 90]. В других этнических группах бакуба рабы-соплеменники оставались на родине.

Третья группа — нгете, рожденные в рабстве, юридически считались свободными, однако сохраняли некоторую зависимость от хозяев бушонго. В третьем поколении потомки лично зависимых получали полную свободу. Дети же освобожденных рабов, женатых на знатных женщинах (это было вполне допустимо у бакуба), могли пользоваться всеми привилегиями рода матери и занимать любую должность. Эта группа населения, как и подобные категории в Конго, находилась, таким образом, в полусвободном состоянии, переходном от зависимого положения к свободному.

Как у бакуба, так и у балуба и балунда наиболее бесправной категорией невольников были пленники, захваченные в военных экспедициях. Их массами продавали работоторговцам. Крупнейшими рабовладельцами были мулохве и муата ямво. Такие бапика были полной собственностью хозяина, они не имели права откупиться на волю. Убийство мупика у балуба рассматривалось как злоупотребление властью; оно осуждалось, но не наказывалось. В прошлом именно из этой категории чаще всего выбирались жертвы для ритуальных убийств.

Вторая категория людей, попавших в личную зависимость, — это соплеменники, совершившие какое-либо преступление, или родственники преступника [119, с. 800—805]. Так, бапика становились:

- 1) вор, если его родственники не могли выплатить потерпевшей стороне убытки;
- 2) мать, отец, братья и сестры убийцы вождя (самого убийцу казнили) ;
- 3) мать и жена убийцы наложницы вождя;
- 4) женщина, если после развода она и ее семья не были в состоянии вернуть бывшему мужу стоимость выкупа;
- 5) вся семья должностного лица, осмелившегося выступить против центральной власти.

Положение этой категории несвободных было несравненно более легким. Они оставались на родине. Такие бапика могли быть проданы (внутри страны), подарены, переданы по наследству, но хозяин не имел над

ними права жизни и смерти. Обычно они женились, имели семью, строили для себя отдельные хижины. У балунда раб даже имел право жениться на свободной женщине, и их дети становились свободными [97, с. 160]. Орудия труда (мотыга, топор, нож и т. п.), личные вещи, живность (куры, козы) также могли быть личной собственностью «раба». Рабы имели собственное хозяйство, правда, на земле хозяина. Однако ответственным за их долги считался хозяин [119, с. 328; 152, с. 70—72, 231, с. 90].

После смерти лично зависимого человека его имущество оставалось хозяину. У балуба мупика имел право сам стать «рабовладельцем», если у него было для этого достаточно средств. Кроме того, он мог участвовать в набегах, и, захватив двух человек, мупика сам становился свободным и полным их хозяином. Но мупика мог получить свободу и другим путем: откупиться курами, козами, мотыгами или другими вещами, представлявшими в глазах балуба значительную ценность. Он мог освободиться после смерти хозяина, хотя, как правило, бапика передавали по наследству. Отпущенник оставлял себе все имущество. Если хозяин удерживал что-либо, освобожденный мог обратиться в суд (во всех других случаях «раб» подчинялся юрисдикции хозяина). Получив свободу, мупика становился опять полноправным членом общества, и никто не имел права попрекнуть его прошлым [119, с. 308].

Наконец, третья категория большой группы лично зависимого населения — рожденные в рабстве. У балуба дети бапика принадлежали их хозяину [119, с. 328]. Если родители имели разных хозяев, то на ребенка имел право хозяин матери. Дети бапика рассматривались как младшие члены семьи, и, вероятно, именно к этой категории «рабов» относилось распространенное у балуба название «мои дети» [200, с. 456], У балунда хозяин по отношению к таким «рабам» назывался «ндако», что означало, скорее, «дед», «старший в семье» [97, с. 162].

Труд несвободного населения, принадлежавшего знати и простым общинникам, использовался по-разному. Бапика, нгете составляли многочисленную челядь знатного лица, сопровождая его в путешествиях и выполняя роль телохранителей и носильщиков. Торговцы бакуба

и балунда использовали «рабов» в своих торговых операциях, причем вся выручка шла хозяину [156, с. 70].

Большая часть несвободных, принадлежавших знати, жила в отдельных деревнях в стороне от основного поселения. Они возделывали участки земли и несли те же повинности по отношению к знати, что и общинники [156, с. 71]. Такие поселения в стране балунда назывались «гинзача» [97, с. 162]. Среди несвободных, однако, начал выделяться привилегированный слой. Во-первых, это доверенные лица хозяев — управляющие и надсмотрщики в таких поселениях. Во-вторых, личная гвардия правителей государств Куба, Луба и Лунда. Эта часть лично зависимого населения не участвовала в производительном труде и жила за счет прибавочного продукта, производимого как свободными общинниками, так и «рабами», посаженными на землю. Управляющие крупными поселениями, а особенно начальники гвардии нередко занимали довольно высокое положение, входили в доверие к ними, мулохве и муата ямво и становились влиятельными людьми. Известны даже случаи, когда «раб» становился правителем провинции.

«Рабы», принадлежащие простым общинникам, выполняли все работы вместе со своими «хозяевами»; их труд был не основным, а лишь дополнительным источником воспроизводства средств существования [119, с. 840; 156, с. 120—121]. Впрочем, обязательное для общинников половое разделение труда не проводилось среди несвободных. И мужчины-«бапика» выполняли такую же сугубо женскую работу, как обработка посевов, пополнение запасов воды и заготовка дров для очага. Они часто занимались и ремеслами: ткачеством, гончарством, плетением и т. п. (исключение составляло кузнечное ремесло — оно было привилегией лиц, занимавших значительное место на социальной лестнице балу-ба). Однако ремесло, как и в среде свободных, было лишь дополнительным к основному занятию — земледелию.

Характерной чертой рабства была мягкость, как принято говорить, «патриархальность», рабовладельческих отношений, присущая обществам переходного периода, сохранившим многие пережитки первобытнообщинных отношений. Отсюда и неразвитость форм протеста. Нам ничего не известно о волнениях или крупных восстаниях

«рабов». Однако нельзя говорить и о полной их покорности. Просто в протесте преобладали пассивные, а не активные формы: бегство, самоубийства и т. п. [266, с. 24]. Иногда силы для жизни в рабстве невольники черпали в вере в расплату после смерти.

Д. Ливингстон, известный борец против рабства и рабовладения, с глубоким волнением писал в своем дневнике: «Шесть рабов как будто не чувствовали тяжести и позора своего ярма. Я спросил, в чем причина подобного веселья; мне ответили, что они радуются при мысли о том, как вернутся после смерти и будут являться в виде привидений и убивать тех, кто продал их... Кто-то пел: „О ты послал меня на Мангу (берег моря), но, когда я умру, ярмо спадет, и я вернусь назад, чтобы явиться тебе и убить тебя"» [38, с. 228]. Нередки были и случаи бегства, которые, однако, далеко не всегда приводили к освобождению. Пойманного беглеца вновь продавали, причем возможно дальше от родного селения. «Раб», недовольный своим хозяином, был вправе предложить свои услуги другому, а тот мог принять их или отказаться.

Как и государство Конго, Куба, Луба и Лунда не избежали тлетворного влияния сначала европейской, а затем восточной, как принято говорить, арабо-суахилийской, работорговли. Это привело к ухудшению положения рабов. Те проступки, которые ранее по обычному праву наказывались штрафами, теперь влекли за собой обращение в рабство. Участились набеги на соседние народы, основной целью которых становились захваты пленников не для эксплуатации внутри страны, а для продажи на запад. Известный борец за свободу своей страны Патрис Лумумба писал об этом времени:

И день пришел, когда явился белый, Он был хитрей и злее всех смертей. Выманивал он золото твое На зеркальца, на бусы-безделушки. Насиловал твоих сестер и жен, И спаивал твоих сынов и братьев, И в трюмы загонял твоих детей. Тогда гремел тамтам по деревням. И люди узнавали, что отчалил Чужой корабль к далеким берегам, Туда, где хлопок — бог, а доллар — царь.

[55, с. 192].

Работоторговля вскоре приняла широкий размах. Так, Бирмингем полагает, что при общей численности населения Лунда немногим более одного миллиона (XVIII в.) балунда ежегодно продавали до трех тысяч рабов [110, с. 375]. Цифра весьма значительна. Среди продаваемых в рабство были не только чужеземцы, но и балунда. Так как основные области захвата пленных лежали к северу и северо-востоку, а рынки рабов — к юго-западу и западу, ни один самозванный торговец не мог миновать контроля муата ямво. Тяжелые последствия работоторговли, которые уже были показаны на примере государства Конго, сказывались и в Лунда. Однако, если в Конго они привели к разрушению государственной структуры на рубеже XVII—XVIII вв., у балунда они начали ощущаться в XIX в.

Ту же роль, что на западе Лунда, работоторговля сыграла и на крайнем востоке, во владениях казембе. Она составляла одну из важнейших статей дохода казембе, через земли которого шел постоянный торговый путь к португальским фортам Тете и Зумбо. Как и муата ямво, казембе получал значительные выгоды от участия в торговле. Особо следует заметить, что, если европейские ткани, бусы и иные товары получали многие «аристократы», то распределение огнестрельного оружия полностью было под контролем казембе [165, с. 40]. Позднее, во второй половине прошлого столетия, португальских купцов сменили арабо-суахилийские.

На землях балуба иноземцы-работоторговцы появились позже, чем у балунда. Хотя, как уже говорилось, еще Кумвимба Нгомбе продавал рабов за голубой бисер, европейская работоторговля оказала на Луба, а тем более на Куба, значительно меньшее влияние, чем на районы, лежавшие на побережье. Государство Куба, расположенное у самых границ девственного леса, видимо, не имело вплоть до самого конца XIX в. прямых связей ни с работоторговцами, ни с их агентами — помбей-руш. Оно осталось в стороне и позднее. Устремления работоторговцев из Занзибара не шли западнее Луалабы, и государство Куба не было вовлечено в их торговлю.

В то же время в торговлю людьми оказались втянуты все крупные и мелкие правители балуба. Это привело к тому, что в Луба, как и ранее в Лунда, перед жителями встала угроза быть обращенными в рабство.

Обычным делом стали не только набеги на соседей, но и нападения на соплеменников, а то и на односельчан. Более того, в рабство попадали люди, ничем не провинившиеся перед обществом. Так, опекуны могли продать детей, переданных под их покровительство; отцы иногда продавали своих дочерей или сестер [87, с. 178]. Именно работорговля в широком масштабе, а не внутренние потребности развития, стимулировала размах рабства у балуба и балунда.

Ка б а л ь н ы е д о л ж н и к и . Отдельно следует остановиться на еще одной категории зависимого населения. Речь идет о свободных людях, попавших за долги в зависимость от своих соплеменников. Бельгийские исследователи, как правило, включают их в общую группу рабов, хотя и дают оговорку: «esclaves pour dettes».

У балуба подобные должники назывались «бапика ва луколе» и «бапика ва маколе» (первое название означало самого должника, второе — членов его семьи — заложников) ; у балунда — «нтомбо» [97, с. 158]. Чаще всего это были люди, не выполнившие ссудного договора. Ссуда широко практиковалась и у бакуба (где она носила название «секе»), и у балуба («куазима»), и у балунда. Если взявший ссуду вовремя не выполнил договора, заимодавец мог сделать его «рабом» [119, с. 790—800; 156, с. 69; 231, с. 90].

Такой человек считался зависимым от кредитора до тех пор, пока он сам или с помощью родственников не отработывал долга. Нередко заимодавец до полной выплаты захватывал все его имущество. Чаще всего в тяжелую зависимость попадал не сам должник, а его близкие — жена и дети. В земледельческом обществе бакуба, балуба и балунда, где товарные отношения еще были развиты недостаточно, уплата долга сводилась к тому, что «мупика ва луколе» отдавал часть урожая со своего поля. Очевидно, кабальных должников (этот термин больше отвечает сути дела, чем «долговые рабы») нельзя считать рабами, так как метод эксплуатации их труда (уплата части урожая, а не присвоение заимодавцем продуктов труда) скорее феодальный. Хотя те и другие были в большой зависимости от хозяев, в их положении было немало различий. С точки зрения юридической «рабы» и кабальные должники принадлежали к двум абсолютно различным категориям.

Существеннейшее отличие кабальных должников от посаженных на землю рабов заключалось в сохранении, несмотря на возникновение зависимости от заимодавцев, личной свободы. Раб, утратив личную свободу, становился человеком без семьи, без защиты. За ним не стоял коллектив родственников, готовый прийти к нему на помощь. Кабальный же должник формально оставался свободным и сохранял все юридические права члена общины. Он не уходил из общины, жил в своем доме, в своей родственной группировке, члены которой могли ему помочь в выплате долга.

Кабальный должник мог, как любой другой член общины, обращаться к правосудию и рассчитывать на защиту обычного права, тогда как раб оставался в юрисдикции хозяина. Рассчитавшись с заимодавцем, должник обретал полную свободу. В то же время никакой долгий и старательный труд не служил залогом освобождения раба. Откупиться на волю последний мог лишь с согласия хозяина, который волен был отпустить его или нет.

Как кабальные должники, так и рабы имели в своем распоряжении участки земли. Но кабальный должник, будучи членом общины, являлся полноправным владельцем своего участка, и никто не имел право лишить его поля, пока оно обрабатывалось. Раб же получал землю от хозяина и не имел на нее никаких юридических прав. Хозяин мог в любое время забрать ее, чтобы отдать в обмен или в аренду, или посадить на этот участок другого раба. По положению в обществе кабальных должников можно сравнить с ивофа у йоруба [33].

Однако, несмотря на ряд весьма существенных отличий в правовом отношении, положение кабальных должников и рабов, посаженных на землю, и методы их эксплуатации (работа за часть урожая) были сходны.

Таким образом, для доколониальных обществ баку-ба, балуба и балунда характерно было обилие сословных групп, причем юридическое и фактическое положение отдельных социальных группировок не всегда совпадало. В правовом отношении рабы противостояли массе свободных, которые юридически имели равные права и обязанности.

Фактически же большая группа свободных делилась на знать, родовую и служилую, с одной стороны, и ря-

довых общинников — с другой. Происходило постепенное разделение массы свободных общинников на ряд социальных категорий, находившихся в разной степени зависимости от верхушки общества.

Прежде всего это основная масса свободных рядовых общинников, на свободу которых велось активное наступление — шло закабаление общины в целом. Вторая категория — бабанзи — клиенты. Она, в свою очередь, делилась на верхушку, занимавшую важные должности у знатных, и основную группу клиентов, используемых в качестве земледельцев: сажали на землю с условием выплаты хозяину части урожая. Третья категория свободных, но попавших в зависимость людей — кабальные должники, несвободное состояние которых было временным, до выплаты долга.

Не было единства и во второй юридической группе — группе рабов. В то время как основная часть рабов была посажена на землю и по экономическому положению сближалась со свободными общинниками, верхушка—рабская аристократия (личная гвардия главы государства, надсмотрщики в деревнях рабов и т. п.) наряду со знатью участвовала в присвоении продукта, создаваемого рядовыми общинниками и рабами, непосредственно занятыми в производстве.

Промежуточное положение между рабами и свободными занимали вольноотпущенники и дети рабов, сохранявшие определенную зависимость от хозяев родителей.

Однако все эти категории явственно распадались на две большие фактические группы. Первая — это длинная иерархия административных лиц, не участвующих непосредственно в производстве. Они были связаны с высшей властью отношениями вассалитета и имели земли на правах условного держания. Постепенно эта группа приобретала характер замкнутого сословия. Она складывалась из двух юридически разнородных масс: с одной стороны — родовой и служилой знати, с другой — верхушки клиентов и рабов. В экономическом отношении они выступали как единая присваивающая группа населения, причем методы присвоения приближались к феодальным.

Во вторую группу входили все категории производящего населения: как лично свободные рядовые общин-

ники, клиенты, кабальные должники, так и основная масса рабов, посаженных на землю, и потомков рабов во втором поколении. Они имели орудия труда в личной собственности и за владение землей платили дань верхушке общества. Так проявлялась тенденция складывания единого эксплуатируемого класса — феодальнозависимого крестьянства.

Такой сложный социальный состав населения был характерен для всех традиционных африканских государств до колонизации. Гана, Мали, Сонгаи, государства фульбе, города-государства йоруба и хауса характеризовались такой же социальной пестротой. Через ту же ступень развития прошли и европейские государства в период раннего средневековья (вспомним, например, «варварские» общества германских народов). В государствах же бассейна Конго мы видим самые ранние антагонистические отношения в процессе развития и незавершенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вы познакомились с государствами, сложившимися в Западной Тропической Африке задолго до появления в этом районе белого человека. Распространенное мнение о том, что бесписьменные народы Центральной Африки не имели собственной истории, связано лишь с отсутствием знаний о ней. Древняя история этих государств — предмет особой гордости баконго, бакуба, ба-луба и балунда.

Однако изучение политической истории и общественных отношений в этом регионе интересно не только само по себе. Оно дает много ценного для решения задач и проблем всеобщей истории. Как возникло классовое общество? Каким образом формировался такой новый институт, как государство, «машина для угнетения масс»? Как появилось рабство? К чему должен привести распад родового строя — к рабовладельческому или, возможно, к феодализму? Ответ на эти важнейшие вопросы долгое время искали в истории нашего континента. Однако в Европе эти процессы прошли много веков назад. В государствах же Центральной Африки они бурлили еще в прошлом столетии, когда их или их явные следы могли наблюдать и фиксировать. Особенно важно то обстоятельство, что эти государственные объединения были до последних дней своего существования практически изолированы (кроме Конго) и поэтому развивались совершенно самостоятельно, не испытывая влияния более развитых структур.

Куба, Луба и Лунда возникли значительно позже государства Конго. В какой-то мере они, вероятно, были связаны с последним. Как мы видели, в общественной организации и административном аппарате всех четырех можно обнаружить немало сходных черт: особая роль дяди по матери в родственных отношениях, мате-

ринский счет родства и наследования, зарождение ремесленных каст, положение рабов, особый статус правителя и т. п. Некоторые исследователи полагали даже, что достижения культуры и политический строй государств в глубине материка, в частности Куба, есть просто механическое перенесение в Центральную Африку достижений Конго. Но дело здесь в другом. Все эти сходные черты — явления стадийного характера, они зависят от уровня развития общества. Многие из них в живой или пережиточной форме можно заметить не только в африканских доколониальных государствах, лежавших в других регионах, — Западном Судане или Междоузье, но даже и за пределами континента.

Прочитав о внутренней структуре и системе управления в этих государствах, об использовании многих пережиточных форм родо-племенных отношений в интересах верхушки общества (тайных обществ, возрастных классов, обычного права, религиозных воззрений и т. п.), вы, видимо, обратили внимание на незавершенность процессов становления классов, слабость и незрелость центральной власти. Такое тесное переплетение отношений доклассовых и раннеклассовых — характерная черта всех государств Африки, существовавших до колонизации. Однако в государствах этого региона влияние пережиточных форм настолько велико и настолько расплывчаты и неоформлены резкие антагонистические противоречия, что можно, пожалуй, утверждать, что они переживали переходный период развития от родо-племенного строя к классовому, подобный тому, какой прошли в раннем средневековье «варварские» народы Европы.

Более того, сравнение государств Конго, Куба, Луба и Лунда показывает, что степень их развития различна. Вероятно, они являли собой последовательные стадии (от государства Лунда, через Луба и Куба до самого развитого из них — Конго) государственности на самом раннем этапе складывания классовых отношений в Африке.

После распада самостоятельных государств баконго, бакуба, балуба и балунда пережили сложную историю. Многие годы они входили в состав Бельгийского Конго, колонии, чьи методы эксплуатации местного населения вызывали возмущение даже в буржуазном обществе Ев-

ропы — книги Мореля, рассказавшие правду о них, разошлись по всем европейским странам и вызвали живейшее обсуждение. С 1960 г., после многих лет трудной борьбы за независимость, Конго стало свободной страной. Республика Заир, как ныне называется это государство, строит сейчас новую жизнь. Мы заканчиваем книгу словами одного из героев борьбы за освобождение народов Конго — Патриса Лумумбы:

Пусть наш народ, свободный и счастливый,
Живет и торжествует в нашем Конго, Здесь, в
самом сердце Африки великой!

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

¹ По этим вопросам существует обильная научная литература. См., например, статью Г. Федорова. Откровения и наука. «Новый мир», 1975, № 1, с. 203—210.

² Подробнее о истории народов нижнего Конго см. в работах А. С. Орловой [50, с. 6—40].

Глава II

¹ Авторы считают, что документ написан епископом Конфалоньери, который использовал материалы Лопиша-Пигафетты (80-е годы XVI в.) и двух миссионеров-кармелитов, живших в Конго в конце XVI в.

² Европейские наблюдатели по-разному транскрибировали личные имена, этнические и географические названия, услышанные на языках бассейна Конго. Здесь и далее мы употребляем транскрипцию, предложенную Я. Вансина, как более точно передающую особенность звучания местных языков.

³ Так записано имя правителя Э. Тордаи. В его же списке правителей баконго этого имени нет. Наиболее вероятно, что это интерпретация имени Шьяама (или Шамба), которому бакуба приписывали введение множества новых элементов культуры.

Глава III

¹ Существует несколько форм транскрипции этого имени. [См. 50, с. 46—47].

² Местное название ее Нзади (Нзари), что означает «река». Позже эту реку стали именовать «Заир» (искаженное «Нзари»). Лишь спустя несколько веков это название было вытеснено новым — «Конго»: река получила имя того государства, которое сложилось в ее низовьях. А древнее название реки приняло современное африканское государство — Заир.

³ Утика — город в Северной Африке близ Карфагена. Во времена раннего христианства здесь было учреждено епископство.

⁴ Этот народ был известен средневековым авторам под названиями «анзикве», «суквиш», «сукас». Современные исследователи считают, что это наименование относится к одной из групп батек — народа, большая часть которого населяет в настоящее время «плато

Батеке» в Народной Республике Конго ! [См., например, 222, с. 112—121].

³ Детальное изложение и анализ событий см.: [70].

⁶ В 1580 г. Португалия была захвачена Филиппом II Испанским.

⁷ Владычество испанцев здесь длилось до 1640 г.

⁷ К и б е н г а (Ч и б е н г а) — доблестный, мужественный [129, д. 10, с. 222—223].

Глава V

¹ Об особенностях устной традиции как исторического источника см. статьи В. А. Бейлиса и Э. С. Львовой [16, 44].

² См., например, главы, посвященные истории бакуба в работах Р. Корневена, Д. Вестермана и др. [262, 121, 258].

³ См. ее критику в статье Д. А. Ольдерогге [49].

⁴ Даты, приводимые в данном и следующем разделе, были уточнены Э. С. Львовой [41].

⁵ У бакуба можно наблюдать интересный процесс преобразования в титул личного имени. Титул «нъими» произошел от имени одного полумифического правителя бакуба — Нъими Лонга [231].

⁶ Многие из этих культур — американского происхождения. Они были завезены португальцами на Атлантическое побережье и отсюда распространились по всей Африке. К 1543—1583 гг. относится, вероятно, появление в Африке кукурузы, а после 1600 г. — маниоки.

⁷ Рассказ этот записан Я. Вансина [см. 240].

⁸ Вероятнее всего, ими были юноши — члены того же возрастного класса, что и Конголо.

⁹ В суахили префикс «у» — показатель места или страны, а «ва» — показатель народа, множества людей. Поэтому арабо-суахильцы называли страну Уруа, а народ — варуа. Это — интерпретация корня «луба» с заменой, как и в других словах, звука «л» на «р». Так, в записях Типпу Типа встречается название реки Румами вместо Ломами, имя Рунгу Кабаре вместо Илунгу Кабале и т. п. Европейцы, появившиеся в конце XIX в. в Катанге, не зная местных языков, пользовались помощью более осведомленных арабов и часто заимствовали от них как географические названия, так и звучание личных имен. См. также заметки П. Колля [119, с. 1].

¹⁰ Мата Яфа — искаженная запись титула муата ямво, главы государства Лунда.

¹¹ Б а й е к е («охотники на слонов» — так их называли балуба) — подразделение народа ваньямвези.

¹² Подробнее о включении Шабы в Независимое государство Конго: [с. 23, 24].

¹³ См., например, «Ле Конго иллюстре», издававшуюся в конце прошлого столетия в Леопольдвиле.

¹⁴ Шинте, Мусонкантанда, Канонгеша, Казембе и т. п. — первоначально, согласно исторической хронике балунда, — имена первых правителей этих областей. Позднее они стали титулами; так же были названы и земли, ими управляемые. Некоторые исследователи полагают, что они стали наследственными именами [124]. Это не совсем справедливо. Часто как в устной традиции, так и в записках европейских путешественников, сталкивавшихся с этими правителями, встречаются и титулы, и их личные имена.

¹⁵ Первые записи устной традиции балунда были сделаны еще в прошлом веке [114, 193, 266]. В литературной обработке опубликованы ангольским писателем Фернанду Монтейру ди Каштру Со-роменью. Переведены на русский язык [25]. Список «королей» балунда и некоторые записи преданий опубликованы в работах современных авторов [88, 136, 241]. Сбор и обработка устной традиции балунда продолжается и в наши дни. Так, в 1963 г. она была записана Нганд Ету, в 1969 г. — Нзаанг я Аруунд и опубликована Бастином [108].

¹⁶ Некоторые записи указывают на двух сыновей Луеджи [ИЗ].

¹⁷ На территории современной Народной Республики Конго, в районе Малебо.

¹⁸ Так легенды записаны Я. Вансина [238, с. 128—129]. Согласно варианту, записанному Лэнгворти, Чиньянта — один из ближайших помощников Мутанды [165, с. 37].

¹⁹ Эта версия использована, в частности, Я. Вансина. По легендам, собранным в долине Луапулы Я. Каннисоном в 1948—1949 гг., основным событием завоеваний балунда было покорение шила, которым правил некий Нкуба (это имя стало впоследствии титулом). Им помогла сестра Нкубы, заключившая союз с казембе против брата. После победы над последними, она торжественно передала казембе корзину земли и горшок воды, признав тем самым его власть над землей и водой шила. Однако здесь остались местные правители, формально и до сих пор считающиеся «хозяевами земли» и выплачивающие казембе дань [124].

²⁰ Доктор Франсиско Хозе Мария де Ласерда, математик, астроном, натуралист, бывший губернатором португальского владения Сена на реке Замбези, предпринял поход в Анголу. Он начал свое путешествие из Тете 3 июля 1798 г. Достигнув Казембе, он заболел и умер в октябре 1798 г., не выполнив своей задачи. Другие члены экспедиции также не сумели довести до конца замысел и вернулись в 1799 г. в Тете. Отчет об экспедиции Ласерды был завершен патером Пинто (в переводе на английский язык опубликован Р. Бартоном) [105]. Однако это не были самые первые португальцы в Казембе. Ласерда, выбирая маршрут, видимо, воспользовался сведениями Мануэля Каэтану Перейра, который в 1796 г. уже посетил резиденцию Казембе с торговой экспедицией. Он был отпущен правителем балунда с условием посылки официального представителя из Португалии с дарами [см. 18, с. 141—142]. Однако его материалы, хотя на них и ссылаются некоторые исследователи прошлого столетия (например, Д. Ливингстон), не получили значительного распространения. Европейские читатели узнали о нем от Т. Баудича [94].

²¹ Педро Жуан Баптиста и Амару Жозе совершили переход из Анголы в Мозамбик. Выйдя из Касанже в Анголе в ноябре 1802 г., они пришли в Тете 2 февраля 1811 г. В 1806 г. они, побывав в резиденции муата ямво, пересекли Шабу и прибыли в октябре 1806 г. в Казембе. Только в декабре 1810 г. они сумели покинуть его владения и через два месяца пришли в Тете. Помбейруш (от слова «помба» — дорога, путь), по мнению многих позднейших исследователей, были рабами (см., например, письмо да Коста, пославшего его министру морей и колоний) ([170, с. 26]. Д. Л. Вербекен и М. Уолрет, опубликовавшие их записки во французском переводе, считают, что в данном случае «рабы» — условное наименование и может

лишь говорить об их подчиненном положении по отношению к португальцам [256, с. 16—17]. Оценивая их записки, они же пишут, что хотя «научная культура была равна нулю», эти помбейруш много сделали, посетив абсолютно неизвестную страну и рассказав о ней [256, с. 18—19].

Офицеры майор Жозе Мария Корреа Монтейру и капитан Антонио Кандидо Педрозо Гамитту были посланы из Тете португальским губернатором с целью разведки и установления путей в Анголу. В английском переводе их записки опубликованы Бартоном [105].

²³ С его дневниками познакомил читателей У. Д. Кули [120].

Глава VI

¹ Подробнее религиозные представления народов бассейна Конго рассмотрены Б. И. Шаревской [71].

² Только йоруба и бини (Нигерия) в средневековье создали галерею портретов правителей. Однако из бронзы отливались лишь головы, а не фигуры.

³ Система эта настолько консервативна, что сохранилась практически без изменений до наших дней в округе Капанга в Заире, где и поныне существует резиденция муата ямво [88, с. 778—790].

⁴ Указаний на размеры этих взносов в конце XIX в. нет. Известно, что в 50-е годы нашего столетия они достигали 150 и 700 каури [248, с. 91].

Э. Тордаи называет этого последнего офицера «коломата». Скорее всего, это название — неточно записанный термин «кол а мат».

⁶ Об этом рассказывает историческая традиция балуба [257, с. 102].

⁷ Разбирая вопрос о происхождении такого меча, Я. Вансина полагал, что это модификация португальского боевого меча, завезенного в Африку в средневековье [242, с. 335]. Это предположение не подтверждается [144, т. 10]. Все эти разнообразные мечи имеют местное, африканское происхождение.

Глава VII

¹ Я. Вансина, исследуя социальную структуру общества бакуба, делит его на знать, свободных и рабов, не делая различия между должностными лицами и простыми общинниками [248, с. 126]. Между тем, несомненно, что они принадлежали к разным социальным группам.

² Описания таких встреч часты, например, в работах Д. Ливингстона.

³ Эти «владыки земли» (chefs des terres франкоязычных авто-ров) по-разному назывались у разных групп балуба: у балуба-шанкади — мулопве ва муджелю; у балуба-хемба — мвине нганда [184, с. 120]. Г. Малангро записал название мукулу [179, с. 199], а Э. Ферхюльпен — вакадили [257, с. 197]. У балунда они носили название мваант а нгаанд [88, с. 814].

⁴ Подобные браки наблюдались и у других народов мира. Пример Древнего Египта в данном случае хрестоматиен. Встречались такие обычаи и в других частях света [62, с. 85].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Маркс К. Британское владычество в Индии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9.
2. Маркс К. Капитал. Т. III.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25.
3. Маркс К. наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19.
4. Маркс К. О Прудоне (письмо И. Б. Швейцеру).—К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 16.
5. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I.
6. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20.
7. Энгельс Ф. В редакцию «Отечественных записок». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1948.
8. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 21.
9. Ленин В. И. О государстве.— Полное собрание сочинений. Т. 39.
10. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полное собрание сочинений. Т. 3.
11. Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полное собрание сочинений. Т. 28.
12. Абрамова С. Ю. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье (вторая половина XVI — начало XIX вв.). М., 1966.
13. Андрианов Б. В. Население Африки. М., 1964.
14. Арабские источники VII—IX вв. по истории и этнографии Африки южнее Сахары. М., 1963.
15. Арабские источники X—XII вв. по истории и этнографии Африки южнее Сахары. М.—Л., 1965.
16. Бейлис В. А., Проблемы использования устной традиции для реконструирования истории народов Африки.— Источниковедение африканской истории. М., 1977.
17. Гельванд фон Ф. Земля и ее народы. Т. 4.— Живописная Африка. СПб., 1877.
18. Горнунг М. Б. и др. История открытия и исследования Африки. М., 1973.
19. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Европы. М., 1967.
20. Гуревич А. Я. Представление о времени в средневековой Европе.— Сб. «История и психология». М., 1971.

21. Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки. М., 1962.
22. Зусманович А. З. Империалистический раздел бассейна Конго в 1886—1894 гг. М., 1962.
23. Зусманович А. З. О восстании батетела в Бельгийском Конго в XIX в.— «Народы Азии и Африки», 1963, № 3.
24. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976.
25. Истории Черной Земли. М., 1975.
26. Калининская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976.
27. Кобищанов Ю. М. Аксум. М., 1964.
28. Кобищанов Ю. М. Общественные отношения в Аксумском царстве.— Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXVI. М.—Л., 1963.
29. Кобищанов Ю. М. Пространственно-временные структуры Африки.— Сб. «Африка. Возникновение отсталости и пути развития». М., 1974.
30. Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и следствия его разложения. М., 1879. Ч. I.
31. Козлов С. Я. Фульбе Фута-Джаллона. М., 1977.
32. Кочакова Н. Б. Города-государства йорубов. М., 1968.
33. Кочакова Н. Б. Рабы и кабальные должники в государствах йоруба (конец XVIII — середина XIX вв.).— «Проблемы истории Африки». М., 1966.
34. Ксенофонтова Н. А. Народ Зимбабве. М., 1974.
35. Куббель Л. Е. К истории общественных отношений в Западном Судане в VIII—XVI вв.— Африка в советских исследованиях. Т. I. Вып. I. М., 1968.
36. Куббель Л. Е. Из истории древнего Мали.—Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXXVI. М.—Л., 1963.
37. Куббель Л. Е. Сонгайская держава. М., 1974.
38. Ливингстон Д. Последнее путешествие в Центральной Африке. М., 1968.
39. Ливингстон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке. 1955.
40. Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате. М., 1955.
41. Львова Э. С. К проблеме хронологии истории Африки (на примере балуба и бакуба).— «Основные проблемы африканистики». М.—Л., 1974.
42. Львова Э. С. Социальная структура бакуба и балуба (конец XIX в.).— Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970.
43. Львова Э. С. Политический строй государств Луба и Куба.— Проблемы истории феодализма. М., 1974.
44. Львова Э. С. Устная историческая традиция как исторический источник (современное состояние проблемы).— Источниковедение африканской истории. М., 1977.
45. Миллибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975.
46. Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.
47. Олдерогге Д. А. Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры.— Труды Института этнографии. Новая серия. Т. LII. М.—Л., 1960.

48. О л ь д е р о г г е Д. А. Проблемы происхождения государства (по африканским материалам). Доклад в ЛО ИВАН СССР и ЛО ИЗАН СССР в апреле—мае 1970 г.
49. О л ь д е р о г г е Д. А. Хамитская проблема в африканистике.— «Советская этнография», 1949, № 3.
50. О р л о в а А. С. История государства Конго XVI—XVII вв. М., 1968.
51. О р л о в а А. С. Источники по истории общественного строя народов Межозерья.— Африканский сборник. История. М., 1963.
52. О р л о в а А. С. Общественный строй мальгашей в XIX в. (из истории острова Мадагаскар).— Африканский этнографический сборник. Вып. 2, М., 1958.
53. О р л о в а А. С. Уровень развития народов Камеруна к началу европейской колонизации Африки. — «Советская этнография», 1959, № 5.
54. О р л о в а А. С. и Х а з а н о в А. М. Ранние формы колониализма и работорговли в Западной Экваториальной Африке.— Африка в новое и новейшее время. М., 1976.
55. П а т р и с Л у м у м б а. Пусть торжествует наш народ.— Поэзия Африки. М., 1973.
56. П е т р у ш е в с к и й И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. М., 1949.
57. П о т е х и н И. И. О феодализме у ашанти.— «Советская этнография». 1960, № 6.
58. Потехин И. И. Состояние и основные задачи изучения африканской истории.— Африканский сборник. История. М., 1963.
59. С в а н и д з е И. А. Сельское хозяйство Тропической Африки. М., 1972.
60. С л е д з е в с к и й И. В. Хаусанские эмираты Северной Нигерии. М., 1974.
61. С о б ч е н к о А. И. Этнический состав Конго.— Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. XXII. М.—Л., 1962.
62. С о з и н а С. А. К вопросу о социальном строе у чибча-мусиков в Колумбии в середине XVI в.— «Вестник МГУ». Серия «История». М., 1965, № 2.
63. С т е н л и Г. В дебрях Африки. М., 1958.
64. С т е н л и Г. Как я отыскал Ливингстона. СПб., 1873.
65. Т о м а н о в с к а я О. С. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале.— Основные проблемы африканистики. М., 1973.
66. Тордай Э. Конго. М., 1971.
67. Ф а д е е в Л. А. Мономотапа — древняя цивилизация междуречья Замбези—Лимпопо.— Труды Института этнографии. Новая серия. Т. LXXII. М.—Л., 1962.
68. Ф р е з е р Д. Золотая ветвь. М.—Л., 1931.
69. Х а з а н о в А. М. Свободолюбивая дочь Африки. Из истории борьбы народа Анголы против колонизаторов в XVII в.— «Вопросы истории», 1970, № 2.
70. Х а з а н о в А. М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость в XVI—XVIII вв. М., 1976.
71. Ш а р е в с к а я Б. И. Старые и новые религии Тропической и Южной Африки. М., 1964.

72. «The African History». Ed. by E. Collins. N. Y., 1971.
73. «African Political Systems». Ed. by M. Fortes and E. Evans-Pritchard. London, 1940.
74. Achten L. Over de geschiedenis der Bakuba.— «Congo», 1929, I, № 2.
75. Anderson E. Messianic Popular Movements in the Lower Congo,— «Studia Ethnographica Upsaliensia». Vol. XIV, Uppsala, 1958.
76. («L'autobiographie de Hamed ben Mohammed el-Murjebi Tipso-Tip (c. a. 1840—1905)», Bruxelles, 1974.
77. Augouard. Vingt-huit années au Congo. Poitiers, 1905.
78. Aveilott R. Les grands mouvements des peuples en Afrique: Ja-ga et Zimba.— «Bulletin de géographie historique et descriptive». T. 26. Paris, 1912, № 1-2.
79. Balandier G. La vie quotidienne au royaume de Kongo du XVI au XVII siècle. Paris, 1965.
80. Barros Joao de. Da Asia, dos feitos que os Portugueses fizeram no descobrimento e conquista dos mares e terras do Oriente, Decada, I, Lisboa, 1552.
81. Bastian A. Ein Besuch in San Salvador, der Hauptstadt des Königsreichs Kongo. Bremen, 1859.
82. Bateson C. S. L. Under the Lone Star. The first Ascent of the Kasai. London, 1889.
83. Battel A. The Strange Adventures of Andrew Battel of Leigh in Essex.— in: Purchas S. His pilgrimes. Vol. II. London, 1625.
84. Baumann H. Lunda. Berlin, 1935.
85. Baumann H. Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika.— «Zeitschrift für Ethnologie». Berlin, 1926, Heft 1—2.
86. Baumann H. et Westermann D. Les peuples et civilisations de l'Afrique suivi par les langues et l'éducation. Paris, 1948.
87. Berry P. et Donoghue A. A Luba Tribe in Central Katanga.— «Africa», 1932, № 2.
88. Bibuyck D. Fondements de l'organisation politique des Lunda du Mwata-Yaav à territoire de Kapanga.— «Zaire», 1957, № 8, XL
89. Birmingham D. Trade and Conflict in Angola. The Mbundu and their Neighbours under the Influence of the Portuguese 1483—1790. Oxford, 1966.
90. Bittermieux L. De inwiking des Bapende. — «Congo». Bruxelles, 1938, № 2.
91. Bontinck Fr. Jean-François de Rome, La fondation de la mission des Capucins au Royaume du Congo (1648). Louvain—Paris, 1964.
92. Bouveignes O. de. Les anciens rois de Congo.— «Grands Lacs», Namure, n. s. 1948, № 112.
93. Bouveignes O. de et Cuvier J. Jérôme de Montesarchio, apôtre du vieux Congo, Namure, 1951.
94. Bowdich T. E. An Account of the Discoveries of the Portuguese in the Interior of Angola and Mozambique. London, 1824.
95. Boxer C. R. Salvador de Sa and Struggle for Brazil and Angola. (1602—1686). London, 1952.

96. B r a s i o A. Monumenta missionaria africana. Vol. I—VI. Lisboa, 1952—1955.
97. Brau C. Le droit coutumier Lunda.— «Bulletin des Juridictions Indigènes et du Droit Coutumier Congolais», 1942, № 9.
98. B r i t o G o m e s de. Descrição e roteiro das possessões Portu-guezas no continente da Africa e da Asia no XVI Seculo.— «Bo-letim da Sociedade de Geographia de Lisboa», t. XIII, 1894, № 11.
99. B ü c h n e r M. Die Lukokeshu, die gynokratische Königin des Lunda Reiches.— «Globus», 1887.
100. B ü c h n e r M. Das Reich des Mwata Yamvo und seine Nachbarländer.— «Deutsche Geographische Blätter». Berlin. 1883, Bd. I.
101. Bülck G. van. D'ou sont venu les fondateurs d'états dans l'entre Kwango-Lualaba? — «Die Wiener Schule der Völkerkunde». Wien, 1956.
102. Burdo A. Les Belges dans l'Afrique Centrale. Bruxelles. 1886.
103. B u r t o n W. F. P. L'Ame Luba.— «Bulletin des Juridictions Indigènes et du Droit Coutumier Congolais», 1939, № 5.
104. B u r t o n W. F. P. The country of Baluba in Central Katanga.— «Geographical Journal», 1927, LXX, № 4.
105. B u r t o n R. F. The Lands of Cazembe. Lacerda's Last Journey to Cazembe in 1798, London, 1873.
106. B u r t o n W. F. P. L'Organisation sociale des Baluba.— «Bulletin des Juridictions Indigènes et du Droit Coutumier Congolais», 1936, № 7.
107. B u r t o n W. F. P., The Secret Societies in Lubaland.— «Bantu Studies», 1930, № 4.
108. B u s t i n E. Lunda under the Belgian Rule. London, 1975.
109. C a d o r n e g a A. O. de, Historia Geral das Guerras Angolanas, T. I—II, Lisboa, 1932; T. III, 1939.
110. «The Cambridge History of Africa». Vol. IV. London, 1976.
111. C a m e r o n V. L. Across Africa. Vol. 1—2, Leipzig, 1877.
112. C a m m a e r t s E., L'Ancien Royaume du Congo.— «Bulletin de colonisation comparée. 1900». Bruxelles, 1909, № 9.
113. C a p e l l o H. — I v e n s R., Voyage au Cuango (1877—1879).— «Bulletin de la Société de Géographie». Paris, 1881, janv.—juin.
114. Carvalho H. A., Ethnographia e historia tradicional das po-vos de Lunda. Lisboa, 1890.
115. C h a p i s s e a u F., Au pays de l'esclavage. Moeurs et coutumes de l'Afrique Centrale d'après des notes recueillis par Ferdinand de Behagle.— «Les littératures populaires de toutes les nations». T. XXXVII. Paris, 1900.
116. Cheviaux de Faveaux A., Gisements et industries préhistoriques des hautes plateaux katangaises. Bruxelles. 1955.
117. Clark J. D. The Prehistory of Africa, London, 1970.
118. «Le Congo illustré», Léopoldville, 1887—1890.
119. Colle P. Les Baluba. T. I—II Bruxelles. 1913.
120. C o o l e y W. D., Inner Africa Laid Open. London, 1952.
121. C o r n e v i n R. Histoire de l'Afrique des origines à nos jours. Paris, 1960.
122. C o r n e v i n R. L'histoire du Congo—Kinshasa. Paris, 1966.
123. «Corpo diplomatico portuguez». Vol. XII. Lisboa, 1902.
124. C u n n i s o n J. History of the Luapula, London, New York, 1951.— «The Rhodes-Livingstone Papers», № 21.

125. Cunnison J. Kazembe and the Portuguese (1798—1932).— «Journal of African History». Vol. II, 1961, № 1.
126. Cunnison J. Kinship and Local Organisation on the Luapu-la.—«The Rhodes-Livingstone Papers», 1950.
127. Cunnison J. The Luapula Peoples of Northern Rhodesia. Manchester, 1959.
128. Cuvelier J. L'Ancien Congo d'après Pierre van den Broecke (1608—1612).— «Académie Royale des Sciences coloniales», n. s. t. I, fasc. 2, Bruxelles, 1955.
129. Cuvelier J. Relations sur le Congo du Père Laurent de Lucques (1700—1717), Bruxelles, 1953.
130. Cuvelier J. et Jadin L. L'Ancien Congo d'après les archives romaines (1518—1640). Bruxelles, 1954.
131. Dapper O. Description de l'Afrique. Amsterdam, 1686.
132. Dartville E. Les nzimbous, monnaie du Royaume de Congo.— «Société Royale Belge d'Anthropologie et de Préhistoire, Mémoires», n. s., t. LXIV, Bruxelles, 1953.
133. Dhani F. La campagne arabe du Manyema.— «Le Congo illustré». T. IV, fasc. VI, 24 fevr. 1895.
134. Delcommune A. Vingt années de vie africaine, 1874—1893, T. I—II Bruxelles, 1922.
135. Denolf P. Geschiedenis des Kasayistammen.— «Aequatoria», 1942, № 5.
136. Duysters L. Histoire des Aalunda. — «Probleme d'Afrique Centrale», 1958, № 40.
137. Eucher E. Le Congo. Essai sur l'histoire religieuse de ce pays depuis sa découverte (1484) jusqu'à nos jours, Huy, 1894.
138. Fagan B. Pre-European Ironworking in Central Africa.—«Journal of the African History». Vol. II, № 2, 1961.
139. Father Pinto, Kingdom of Kazembe,— in: «The African History». Ed. by E. Collins. New York, 1971.
140. Feiner Alfredo de Albuquerque, Angola. Apontamentos sobre a ocupação e início do estabelecimento dos Portugueses no Congo, Angola e Benguela. Coimbra, 1933.
141. Garnitto A. C. King Kazembe and the Marave, Cheva, Bisa, Bemba, Lunda and Other Peoples of South-Africa,— in: «Africa in the days of Exploration». Englewood, 1965.
142. Gamillo A. O Muata Cazembe. Lisboa, 1854.
143. Gardet G. Histoire du Katanga. Bruxelles, 1913.
144. «Granda Encyclopedia Portuguesa».
145. Graça J. R. Expedição au Muatayanvua.—«Bolletim da Sociedade de Geografia e de Historie de Lisboa». T. IX, 1890.
146. Guthrie M. Some Developments in the Prehistory of the Bantu Languages.— «Journal of the African History». Vol. II, 1962, № 2.
147. Harray F. Les Bakuba.— «Bulletin de la Société Belge de Géographie», Vol. XXXI, 1907, № 1.
148. Hemptinne J. de, «Les mangeurs de cuivre» du Katanga.— «Congo», 1926, I, № 3.
149. Hiernaux J. Bantu Expansion: the Evidence from Physical Anthropology Confronted with Linguistic and Archeological Evidence.— «Journal of African History». Vol. IX, 1968, № 4.
150. Hiernaux J. Les Bushoong et les Swa au royaume Kuba

- (Congo-Kinshasa).— («Bulletin et mémoires de la Société d'Anthropologie du Paris». Paris, Vol. IX, 1966, № 3.
151. H i l t o n - S i m p s o n C L. Land and peoples of the Kasai. London, 1911.
 152. Huysman H. Les Bakuba.— «Bulletin de la Société Belge de la Géographie». T. XXVIII, 1904.
 153. Jadin L. L'Ancien Congo et les archives de l'Oud-West Indish Compagnie conservées à la Haye (1641—1648).— «Académie Royale des sciences coloniales, Bulletin des séances». T. I. Bruxelles, 1955, fasc. 3.
 154. Jadin L. Le Congo et la secte des Antoniens.— «Bulletin de l'Institut Historique Belge de Rome», Bruxelles — Rome, 1961, fasc. XXXIII.
 155. Jadin L. Les survivances chrétiennes au Congo au XIXe siècle.— Études d'Histoire africaine». T. I. Kinshasa — bouvain — Paris, 1970.
 156. J o n g h e E. de. Les formes d'asservissements dans les sociétés indigènes du Congo Belge.— Bruxelles, 1947.
 157. J o n g h e E. de, S i m a r Th. Archives Congolaises, Bruxelles, 1919.
 158. Kerken G. van der. L'ethnie Mongo. T. I—II Bruxelles, 1944.
 159. K o p y t o f f J. The Suku of Southwestern Congo,—in: Gilbs J. L. Peoples of Africa. New York, 1965.
 160. L a b a t J. B., Relation historique de l'Ethiopie Occidentale, contenant la description des royaumes du Congo, Angola et Matam-ba, traduite de l'italien du P. Cavazzi et augmentée de plusieurs relations Portugais. T. I—V. Paris, 1732.
 161. L a b o u r e t H. La parenté a plaisanteries en Afrique Occidentale.—«Africa», T. II, 1929.
 162. L a d a m e F. Le droit des indigènes sur les mines de cuivre du Katanga.— «Congo», 1921, II, № 5.
 163. Laman K. E. Dictionnaire kikongo-français. Bruxelles, 1936.
 164. Laman K. E. The Kongo. Vol. I—II. Stockholm, 1953, 1957.
 165. L a n g w o r t h y H. W. Zambia before 1890; Aspects of Preco-lonial History. London, 1972.
 166. L e a k e y M. D. and L e a k e y L. S. B. Excavations of the Njo-ro River Cave. London, 1950.
 167. L e j e u n e L. Le vieux Congo. Souvenirs recueilles. Bruxelles, 1930.
 168. L i v i n g s t o n e D. Explorations dans l'intérieur de l'Afrique Australe et voyage à travers le continent de Saint-Paul de Loan-da à l'Embouchure du Zambese de 1840 à 1856. Paris, 1873.
 169. L i v i n g s t o n e D. The Missionary Travels and Researches in South Africa, Including a Sketch of 16 Years Residance in the Interier Africa and a Journey from the Cape and Good Hope to Loanda on the West Coast; Thence Across the Continent Down the River Zambesi to the Eastern Ocean, NY, 1858.
 170. L i v i n g s t o n e D. Narrative of an Expedition to the Zambezi and Its Tributaires, London, 1865.
 171. L o p e s D. — Pigafetta P. Le Congo. Bruxelles, 1883.
 172. M c. C u l l o c h M. The Southern Lunda and Related Peoples. London, 1951.
 173. Macar M. de. Chez les Bakuba.—«Le Congo illustré». 1895.

174. Macar M. de. Le tribu Bakuba.—«Mouvement géographique». 1893, 12/XI.
175. Maes J. Le ngula au Congo Belge.— «Congo», 1920, № 5.
176. Maes J. Vocabulaire des populations de la région du Kasai—Lulua—Sankuru.— «Journal de la Société des Africanistes». Paris. 1934, t. IV, № 2.
177. Maes J. et Boone O. Les peuplades du Congo Belge. Nom et situation géographique. Bruxelles, 1935.
178. Magyar L. Reisen in Sud Africa in den Jahren 1849—1857. Pest — Leipzig, 1859.
179. Malengreau G. Les droits fonciers coutumiers chez les indigènes du Congo Belge. Bruxelles, 1947.
180. Mandeslo J. Alb de, Voyages célèbres et remarques, faits de Perse aux Indes Orientales par le S. Jean-Albert de Mandelslo. Contenant une description nouvelle et très curieuse de l'Indostan, de l'Empire de Grand-Mogol, des îles et presqu'îles de l'Orient, des Royaumes de Siam, du Japon, de la Chine, du Congo. T. I—II, Leide, 1719.
181. Margarido A. La capitale de l'Empire Lunda, un urbanisme politique.— «Annales. Economies. Sociétés. Civilisations», 1970, № 4.
182. Merolla J. A Voyage to Congo.—«A Churchill's Collection of Voyages and Travels». London, Vol. I, 1704.
183. Mertens J. Les chefs couronnés chez les Bakongo orientaux. Bruxelles, 1942.
184. Mertens W. P. Quelques notions sur le droit coutumier foncier des Baluba-Hemba du territoire de Mwanza.— «Bulletin des Tribunaux Congolaises». 1962, № 3.
185. Michaux O. Au Congo. Carnet de campagne. Episodes et impressions de 1889 à 1897. Namur, 1913.
186. Miracle M. P. The Introduction and Spread of Maïse in Africa,— «Journal of African History», 1965, VI, № 1.
187. Moeller A. Les grands lignes des migrations des Bantous de la province Orientale du Congo Belge. Bruxelles, 1936.
188. Monteiro J. J. Angola and the River Congo. Vol. 1—2, London, 1875.
189. Mortelmans G. Archéologie des grottes Dimbo et Ngovo (région de Thysville, Bas-Congo).— «Actes du IV Congress panafricain de préhistoire et de l'étude du quaternaire».— «Annales du Musée Royal de l'Afrique Centrale», sér. in 8°, sc. humaines, № 40. Tervuren, 1962.
190. Nennen O. La question des terres chez les Baluba-Samba du district de la Lulua, territoire du Bas-Lubudi.— «Bulletin de la Société Belge de Géographie», 1923, № 1—2.
191. Nenquin J. Excavations at Sanga. Tervuren, 1963.
192. Nenquin J. Notes on some early Pottery Cultures in Northern Katanga.— «Journal of the African History», 1963, IV, № 1.
193. Neves A. R. Memoria de Expedição a Cassange em 1850. Lis-bõa, 1854.
194. Nienhoff J. Voyages and Travels into Brasil.— «A Collection of Voyages and Travels». Vol. II, London 1704.
195. Noot A. van der. Quelques elements historiques sur l'empir Luba, son organisation et sa direction.— «Bulletin des Juridictions Indigènes et du Droit Coutumier Congolais», 1936, № 7.

196. N o t h o m b e J. La pratique missionnaire des P. P. Capucins Italiens dans les Royaumes de Congo, Angola et Contrées adjacentes..., 1747,— «Collection de la section scientifique de l'Aucam». T. II, Louvain — Paris, 1931.
197. O b e η g a Th. Le royaume de Kongo.— «Africa». Roma. T. XXIV, 1969, № 4.
198. O l i v e r R. Bantu Genesis. An Inquiry into some Problems of early Bantu History.— «African Affairs», Vol. 65, 1966.
199. O l i v e r R. The Problems of the Bantu Expansion.— «Journal of African Studies». Vol. VII, 1966, № 3.
200. O v e r b e r g h Cap. van. Les Basonge. Bruxelles, 1908.
201. P a i v a M a n s o. Historia do Congo, Lisboa, 1877.
202. P h i l i p p a r t L. L'Organisation sociale dans le Bas-Congo,— «Congo». T. II, 1920, № 1.
203. P i e r r e C h a r l e s S. J. Les dossiers de l'action missionnaire. Louvain — Bruxelles. T. I, 1938—1939, fasc. IV.
204. P l a n c q u a e r t H. Les Yaga et les Bayaka du Kwango. Bruxelles, 1932.
205. P l a n c q u a e r t H. Les Bayaka. Bruxelles, 1975.
206. P o g g e P. Im Reiche des Muata-Yamvo, Berlin, 1880.
207. P o g g e P. Das Reich und der Hof des Mwata-Yamvo.— «Globus», 1877, B. XXXII.
208. P o r é k o O. D. Évolution sociale chez les peuls du Fouta-Djal-lon.— «Recherches africaines», 1961, № 4.
209. P o s η a n s k y M. Bantu genesis. — «Uganda Journal», 1961, Vol. XXV, № 1.
210. P o s n a n s k y M. Bantu Genesis — Archeological Reflection. — «Journal of African History». Vol. IX, 1968, № 1.
211. P r o y a r t. Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes d'Afrique; redigée d'après lese mémoires des préfets apostoliques de la mission française, Paris — Lyon, 1776.
212. R e i c h a r d P. Katanga.— «Koloniale Rundschau». Berlin, 1930, № 1—2.
213. R i n c h o n D. Le traite et l'esclavage des Congolais par les Européens. Bruxelles, 1929.
214. R o e y k e n s P. La period inicial de l'oeuvre africaine de Leopold II. Nouvelles recherches et documents inédit. Bruxelles, 1957.
215. R o s c o e J. Twenty-Five Years in East Africa. Cambridge, 1921.
216. S i e g e l M. Shamba Bolongongo, African King of peace,— «Africa South», 1958, II, № 3.
217. S i l v a C o r r e a E. A. da. Historia de Angola. Lisboa, 1937.
218. S i l v a d a P o r t o A. F. Reise von Bihé nach dem Bakuba-land.— «Ausland», 1888, LXI.
219. S i m a r Th. Le Congo au XVI siècle d'après la relation de Lopez-Pigafetta. Bruxelles, 1919.
220. S o h i e r A. Nature de l'autorité du chef de famille et du chef politique en droit coutunier congolais.— «Bulletin des Juridictions Indigènes et du droit Coutunier Congolais». 1939, № 3.
221. S o h i e r A. Répertoire générale de la jurisprudence et de la doctrine coutumière du Congo et du Rwanda-Urundi. Bruxelles, 1943.
222. S o r e t M. Le teké de l'Est. Essai sur l'adaptation d'une popu-

- lation a son milieu.— «Service de reproduction des thèses. Université de Lille». T. III, Lille, 1973.
223. Sousa Barrasoa J. de. O Congo. Seu passado, presente e future.—«Boletim da Sociedade Geografia de Lisboa. T. VIII, Lisboa, 1888—1889, № 3—4.
 224. Sousa Dias G. Leitaol. Viagem que en o sergentomor do distrito do Dande Manuel Correa Leitaol, fiz as remotas partes de Cassange e Olos, no ano 1755 até à seguinte de 1756,— «Boletim da Sociedade de Geografia de Lisboa», ser. 56a, 1938, № 1—2.
 225. Suis de. Historia de S. Domingos, particular do reino e con-quistas de Portugal, Lisboa, 1767.
 226. Stanley H. M. Cinq années au Congo. Bruxelles, 1885.
 227. Stanley H. M. The Congo and the Founding of its Free State: a Story of Work and Exploration. Vol. 1—2. London, 1885.
 228. Tschoffen M. Au Congo, L'Organisation sociale et les coutumes judiciaires des noirs,— «Bulletin. Société Royale Belge de géographie». Bruxelles, 1896, № 3.
 229. Torday E. Causeries congolaises. Bruxelles, 1925.
 230. Torday E. The influence of the Kingdom of Congo on Central Africa.—«Africa», 1928, № 2.
 231. Torday E. et Joice T. Notes ethnographiques sur les peuples communément appelés Bakuba et les peuplades apparentées. Les Bushongo.— «Annales du Musée du Congo Belge». Sér. 3. T. II, fasc. 1. Bruxelles, 1910.
 232. Torday E. On the trial of Bushongo. London, 1925.
 233. Tucker J. T. Angola, the Land of a Blacksmith Prince. London, 1933.
 234. Tuckey J. K. Narrative of an Expedition to Explore the River Zaire. London, 1818.
 235. Turner A. Lunda rites and ceremonies. Livingstone, 1958.
 236. Turner V. W. Schism and continuity in an African Society. Manchester, 1957.
 237. Vandervelde E. Les derniers jours de l'État du Congo. Paris, 1909.
 238. Vansina J. Les anciennes royaumes de la Savane. Léopold-ville, 1965.
 239. Vansina J. L'esquisse de grammaire Bushongo, le cont de la tortue et du léopard. Tervuren, 1959.
 240. Vansina J. Du Royaume Kuba au territoire des Bakuba. — «Études congolaises». T. XII. Bruxelles, 1969.
 241. Vansina J. La fondation du royaume de Kasanje.— «Aequato-ria». T. XXV, 1963.
 242. Vansina J. Geschiedenis van de Kuba van ongeveer 1500 tot 1904. Tervuren, 1963.
 243. Vansina J. Long-Distance Trade-Routes in Central Africa.— «The Journal of African History», 1962, III, № 3.
 244. Vansina J. Migrations dans la province du Kasai.— «Zaire». 1956, № 1.
 245. Vansina J. Notes sur l'origine du Royaume de Congo.— «The Journal of African History». T. IV, 1963, № 1.
 246. Vansina J. Recording the Oral History of the Bakuba.— «The Journal of African History», 1960, I, № 1—2.

247. V a n s i n a J. Le régime foncier dans la société Kuba.— «Zaire», T. X, 1956, № 9.
248. V a n s i n a J. Le royaume Kuba. Tervuren, 1964.
249. V a n s i n a J. The Tio Kingdom of the Middle Congo. 1880— 1892. London —New York — Toronto, 1973.
250. V a n s i n a J. Trade and Markets Among the Kuba.— «Markets in Africa». Ed. by P. Bohannan et G. Dalton, N. Y., 1965.
251. V a n s i n a J. Les tribus Ba-kuba et les peuplades apparentées. Tervuren, 1954.
252. V e l d e L. van de. La région du Bas-Congo et du Kwilu-Niadi: Usages et Coutumes des indigènes.— «Bulletin de la Société Royale Belge de Géographie». Bruxelles. 1886.
253. Vellut J. L. Notes sur le Lunda et la frontière lusoafricaine, 1700—1900.— «Études d'histoire africaine», T. III, 1972.
254. V e r b e k e R. Le Balopwe et le Kutomboka par la sang humain chez les Baluba Shankaji.— «Bulletin des Juridictions Indigènes et du Droit Coutumier Congolais», 1937, № 2.
255. V e r b e k e n A. Contribution a la géographie historique du Katanga et des régions voisines. Bruxelles, 1954.
256. V e r b e k e n A., W a l r a e t M. La première traversée du Katanga en 1806 Voyage des «Pombeiros» d'Angola au Rios de Sena. Bruxelles, 1953.
257. V e r h u l p e n E. Baluba et balubaisés du Katanga.— Anvers, 1936.
258. W a i n r i g h t G. A. The Coming of Iron to Some African People.— «Man», 1942.
259. W a n n y n R. L. L'Art ancien du métal au Bas-Congo, Chample, 1961.
260. W e e k s J. H. Among the Primitive Bakongo. London, 1914.
261. W e e k s J. H. Notes on Some Customs on the Lower-Congo People.—«Folklore». London, Vol. XX, 1909, № 2—3.
262. Westermann D. Geschichte Afrikas. Köln, 1952.
263. Wing J. van. Études Bakongo, Desclée de Brouwer, 1959.
264. W i s s m a n n H. von. Meine zweite Durchquerung Äquatorial Afrikas vom Congo zum Zambezi. Frankfurt, 1891.
265. W i s s m a n n H. von. Quer durch Afrika. Berlin, 1890.
266. W i s s m a n n H. von und andere. Im Innern Afrikas, die Erfokchung der Kasai während den Jahren 1883, 1884 und 1885. Leipzig, 1888.
267. Wolf L. Die Erforschung des Sankuru.— «Petermann's Mitteilungen», T. XXXIV, 1888, № 7.
268. Wolf L. Volkstämme Central Afrikas.—«Zeitschrift für Ethnologie». Bd. 2, 1886.
269. Zuchelli A. Relazioni del Viaggio e Missione di Congo nell' Etiopia inferiore occidentale. Venezia, 1712.
270. Zuche1li A. Merkwürdige Missions und Reise-Beschreibung nach Congo. Frankfurt am Main, 1715.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Основные проблемы африканистики и история на родов Западной Экваториальной Африки (<i>Л. С. Орлова</i>)	3
Глава II. Уровень развития производительных сил и товарно-денежных отношений (<i>А. С. Орлова, Э. С. Львова</i>)	23
Глава III. История доколониального государства Конго (<i>А. С. Орлова</i>).....	54
Глава IV. Государственное устройство Конго и обществен ная организация (<i>А. С. Орлова</i>)	93
Глава V. Государства внутренней части бассейна р. Конго: исторический очерк (<i>Э. С. Львова</i>)	133
Государство Куба.....	135
Государство Луба	144
Государство Лунда	160
Глава VI. Государственный строй Куба, Луба и Лунда (<i>Э. С. Львова</i>).....	177
Глава VII. Социальная структура и общественные отноше ния в государствах Куба, Луба и Лунда (<i>Э. С. Львова</i>)	221
Заключение.....	260
Примечания	263

Антонина Семеновна Орлова, Элеонора Сергеевна Львова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ САВАННЫ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. З. Шварц* Младший редактор *Н. А. Преснова*
Художник *В. Захарченко*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *К. Н. Драгунова*

И Б № 13067

Сдано в набор 20/X 1977 г.
Подписано к печати 5/IV 1978 г. А-10462
Формат 84X108/32. Бум. № 1. Печ. л. 8,75
Усл. п. л. 14,7. Уч.-изд. л. 15,25. Изд. № 3942
Зак. № 766. Тираж 6600 экз. Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» Москва К-45, ул.
Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука» Москва Б-143, Открытое шоссе, 28